

КОНСТАНТИН ЧЕРНЕЦОВ

КРЫМ БАНДИТСКИЙ

Крымская братва в борьбе за сферы влияния

Изд. "ЦЕНТРПОЛИГРАФ", Москва, 1998 г.
OCR Палек & Alligator, 1998 г.

Вместо предисловия

ГЕОГРАФИЯ - СОУЧАСТНИЦА ПРЕСТУПНОСТИ

Откуда и почему в Крыму возник и достиг такого уровня бандитский беспредел; где и как искать ориентиры в весьма сложной и нестандартной современной криминальной ситуации - попытаться разобраться в этом можно будет, если не ограничиваться анализом только последнего десятилетия, а совершить некий экскурс хотя бы в недалекое прошлое своеобразного края и взглянуть в общие черты его менталитета.

Крым не так давно реально проник в жизнь России со всеми своими проблемами и спецификой.

Правда, его воздействие сказывалось на жизни Великой, Малой и Белой Руси и до наступления новых времен. Крымские татары (пришлая, но господствующая в средние века часть населения) совершали опустошительные набеги и становились не только противниками, но и союзниками царей, гетманов и воевод. А в славные екатерининские времена произошло "покорение" Крыма или его присоединение к России, и он на два с лишним столетия стал своеобразной, но не более того, провинцией, а затем и курортом, небедной и достаточно спокойной губернией.

Советское время вписало в историю Крыма немало героических, но еще больше - трагических страниц.

Крым потрясли несколько волн террора в Гражданскую, тридцатые годы и Великую Отечественную.

Здесь по лесам и степям рыскали банды и проносились карательные отряды, вырезавшие хутора и деревни под корень, не щадя даже дворовых собак.

Здесь сотнями и тысячами расстреливали сдавшихся под честное слово офицеров и цвет русской интеллигенции.

Здесь бросали под ежовский и бериевский каток большевиков, коминтерновцев, интернационалистов, здесь оборвали жизнь М. В. Фрунзе.

А потом страшный разгром армий в Восточном Крыму и кровавая севастопольская страда, безнадежный героизм десантов и непередаваемая агония Аджимушкая, карательные отряды немцев и татар - и вновь "зачистки", репрессии, кровь, коснувшаяся каждого дома... Возможно, многие читатели сочтут это мистикой, но, право же, нависает над Крымом груз трехтысячелетней крови и боли; подобных мест на земле не много.

Этнической структуре и психологии крымчан нанесла серьезный удар насильственная депортация целых народов (крымских татар, греков, болгар, немцев, армян) и современная их репатриация. В одночасье, росчерком сталинского карандаша, люди были выброшены из родного дома. С ними ушли традиции и ремесла, хозяйственные навыки и - самое тонкое и самое главное - культура; а возвращается с ними обида и ожесточение, недоверие и нищета, криминальные навыки и бескультурье, связанные с полувековыми скитаниями вне родины.

С чисто социологических позиций ясно, что громадная масса "возвращенцев" просто не могла в одночасье стать самодостаточной и самообеспечивающей, и их присутствие и их проблемы еще больше подтолкнули деградацию и так фактически обреченного региона; а та

"помощь", которой откупаются от репатриантов суверенные государства, способствует не только решению их проблем, но и дальнейшей криминализации...

Далеко не благоприятный эффект имело неоднократное изменение административного статуса Крыма и Севастополя. Это была и Крымская республика, и автономия в составе РСФСР, и область Украины, и независимая республика в составе суверенной Украины, и автономная республика.

Севастополь тоже "поменял", ни разу по своей воле, несколько "хозяев", не считая такой "мелочи", как то, что в нем теперь расположены крупнейшая российская и такая же украинская военно-морские базы. Раздел этот был произведен не только по сердцу моряков и по причалам в бухтах - потеряло хозяина огромное военное имущество, и на несколько лет были созданы уникальные условия для его растаскивания.

Без какой бы то ни было законодательной базы начались и попытки дележа и передела большой и, возможно, наиболее в перспективе ценной части собственности, недвижимости - санаторно-курортного комплекса. Сейчас у него очень сложная, многослойная и не устоявшаяся окончательно юридическая принадлежность. "База" потом создавалась и пересоздавалась под интересы кланов, групп и просто умных богачей. В настоящее время главные разборки перешли на республиканский уровень, а если в той или иной форме возродится Союз - перейдут и на союзный.

В Крыму постоянно присутствуют крупные воинские формирования. Прежде всего, конечно, это Черноморский флот, раздел которого "высвободил" (прежде всего от контроля) огромные массы оружия и воинского имущества, и дельцы в форме и вольнонаемные тут же рьяно принялись всем этим торговать, в основном, конечно, "налево", за рубеж и в "горячие точки", но немало стволов и взрывчатки, ноктовизоров и средств связи и прочих плодов деятельности военно-промышленного комплекса осталось и в Крыму.

А кроме флота, на полуострове базировалось множество воинских частей различной принадлежности (сколько именно-возможно, уже и не скажет никто); эти части преобразовывались, выводились, расформировывались, меняли подчинение. И каждый этап сопровождался утечкой оружия, имущества и демобилизациями фактически активной, голодной, с боевыми и оперативными навыками, а также разуверившейся во всем и вся части населения.

Точной статистики, сколько офицеров, прапорщиков и вольнонаемных за последние десять лет осело в Крыму (почти всегда не по своей воле) "на гражданку", попросту нет. Но есть целые населенные пункты, где большинство жителей - безработные с армейской выправкой.

Немаловажен тот факт, что доступ к оружию и взрывчатым веществам не представляет особой трудности. Помимо того, что "поступало" из воинских частей, здесь еще от военных времен осталось вдоволь отечественного и трофейного оружия, а в трехлетний период кризиса пограничной и таможенной служб проходил обширный транзит между "горячими точками".

В последние десятилетия в Крыму не было крупных "зон", тюрем и лагерей (понятно: что за "зона" на курорте!), с чем и связано отсутствие здесь традиционной криминальной элиты, воров в законе, а следовательно, и соблюдаемых ими "правил", "понятий" уголовной жизни.

Жители крымского побережья и отчасти Симферополя прежде всего в основном занимаются обслуживанием курортов и отдыхающих. В сезон совершенно неизбежно происходит тесное, ежедневное общение с людьми, имеющими деньги и жаждущими развлечений.

Общее количество курортников, туристов и транзитного контингента в 4-5 раз превышает численность местных.

У большинства населения традиционно сложились связи, в том числе и по родственным линиям, с жителями стран Причерноморья (Турция, Болгария, Греция) и более далеких регионов. Миллионы людей, ежегодно приезжающих в Крым, завязывают здесь дружеские

или партнерские отношения, много крымчан очутилось за рубежом и не порывают связи с малой родиной.

Около 70 процентов крымчан - народ пришлый, то есть они либо родились в других регионах, либо являются детьми переселенцев, приезжих, действующих и отставных военнослужащих. Это стимулирует создание кланов и группировок по земляческому, национальному, профессиональному и др. признакам.

Известная часть (бывшие бесконвойные на "химии", северокрымских заводах, строители КАЭС, часть вынужденных отставников) вообще еще не прижилась в Крыму и ощущает себя здесь людьми случайными и временными.

В советские годы традиционно к Крыму относились как к трамплину для партхозчиновников и месту почетной отставки. Так называемая "номенклатура" здесь очень многочисленна и сильна, и она располагает громадными, не утраченными по сей день связями по всему постсоветскому пространству и за рубежом.

Партийные, комсомольские и хозяйственные работники из Крыма перебирались во все столицы, государства и посольства, - точно так же, как представители бывшей номенклатуры бывшего Союза и их дети осели в Крыму.

Привлекательное место, что и говорить: кто и как здесь ни отдыхал и кто только здесь не "поработал" с отдыхающими. Здесь сосредоточение традиционных мест отдыха, лечения, охоты и так далее советской и постсоветской элиты.

Многие партайгеноссе подружились и породнились; и если потомственность и кастовость - явления не сугубо крымские, то их масштабы здесь особенно ощутимы. Например, вот уже полтора десятка лет с периодичностью в год - полтора (иногда чаще) тасуется одна и та же колода имен среднего, высшего руководства и законодателей, и смена состава на десять -пятнадцать процентов уже подается как радикальное преобразование.

Но здесь и большее, чем где бы то ни было, сосредоточение иждивенцев, особенно военных пенсионеров.

В Крыму хорошая транспортная инфраструктура. Через несколько морских портов, в том числе Керченский, Феодосийский, Ялтинский, Севастопольский и Евпаторийский, происходит торговый, туристский и деловой обмен с зарубежьем. Через международный аэропорт, и довольно приличный, и пять аэропортов поменьше, в том числе военных, сейчас успешно совершаются транспортные и даже пассажирские перевозки. Действует паромная переправа Крым - Кубань и переправы нелегальные, на рыбацких лодках и шаландах, по Азову вообще практически неограниченные, но возможные и по Черному морю.

Здесь происходит сравнительно большой оборот денег и иностранной валюты - при общем невысоком, мягко говоря, уровне жизни населения. Официальные доходы не превышают общий уровень, но по стоимости жизни впереди Крыма только Киев, где средний уровень доходов заметно выше.

Грешат несовершенством законодательства, в том числе ощутима и несогласованность законодательства Крыма и Украины. Можно сказать, что ни в одном регионе нет такого противоречивого, путаного, непоследовательного законодательства, в том числе по таким жизненно важным вопросам, как собственность, гражданство, деятельность трастовых компаний, экономические льготы, права и обязанности государственных администраций и местных советов.

Конечно, волею судеб, или, по крайней мере, благодаря безграмотности политиков, к концу восьмидесятых годов жизненная ситуация в Крыму стала криминогенной, в буквальном смысле этого слова. Но криминогенность здесь проявилась очень быстро и резко, так что вскоре жизнь каждого крымчанина оказалась тесно связанной, во всяком случае, пока едва отделимой от криминальной обстановки.

Банды, группировки, объединения, кланы, псевдопартии, порожденные ситуацией, влияли на эту самую ситуацию все больше и больше. И с первых шагов убогой крымской "самостоятельности" законы в большом и малом были так неопределенны, нарушались так часто и систематически, их полное и частичное несоблюдение происходило в жизни каждого

гражданина, что называется, от рождения до смерти. Так что на определенном уровне в массовом сознании преступностью считались только самые тяжкие ее проявления.

Естественно, мы перечислили не все факторы, которые придают особую окраску крымскому криминалитету. Кроме того, на современную ситуацию в Крыму серьезно влияет политика и, слава Богу, присущее только ему и нигде более не проявившееся скопление властных и представительских структур.

В сравнительно небольшой по численности области (порядка трех миллионов), где значительно преобладает городское население, волею исторических судеб были созданы свой Верховный Совет, свой Совет Министров плюс представительства Киева и Москвы плюс Меджлис крымско-татарского народа - в дополнение к существующим городским, районным, поселковым и сельским советам.

Был даже собственный президент, первый и, надеемся, последний - Юрий Мешков.

Жизнь в Крыму всегда заметно отличалась от жизни в любом другом регионе; конечно же мы здесь переболели всеми болезнями, которыми болела и от которых распалась великая страна, и страдаем всеми теми же проблемами или болезнями, которыми мается сейчас любое суверенное государство.

Но каждая несчастная страна несчастна по-своему, и если чужой опыт хоть немного полезен, то давайте посмотрим, что и как происходило у нас, до какого уровня и как дорос наш криминалитет и во что превращается.

Криминальный процесс, который произошел в Крыму в течение одного десятилетия, в других странах обычно растягивается на многие десятилетия, если не столетия.

За считанные годы бандитизм в Крыму развился, структурировался, неразрывно сросся с бизнесом, пробился в политику, стал почти вровень с легитимной властью, частично переродился в "нормальный" бизнес и нормальную политику. Он явил образцы крайнего беспредела и глубокого "черного" порядка, той самой древней и вечной авторитарно-патриархальной власти, которая, как поверженный некогда богами и придавленный Сицилией Тифон, сотрясает и сотрясает землю. Пройдя все основные ступени и, наверное, впервые по-серьезному, не слишком маскируясь (например, в национально-освободительные, националистические или религиозные одежды), крымский бандитизм бросил вызов всякой прочей власти.

С осени 1997 года по настоящее время в жизни полуострова и в судьбах его криминалитета произошли существенные изменения. Легитимная власть бросила против крымских бандитов и мафиози беспрецедентные в мирное время силы и средства, и к весне 1998 года министр внутренних дел заявил, что Крым "отработан", и удалось доказать, что сегодня нет такой криминальной силы, которая могла бы противостоять государству.

Действительно, за решеткой или в бегах сейчас более двух десятков лидеров преступных группировок и двух сотен "бойцов"; изъятым оружием и взрывчаткой можно оснастить десантный батальон; резко "прижат" рэкет почти независимо от его "ведомственной принадлежности"; сведена к дедовскому уровню кража автомашин с целью перепродажи; на четверть сократилось число убийств и многая, многая прочая...

Развязка?

Относительная.

А почему, попытаемся разобраться на страницах этой книги.

Р.С. Приношу благодарность редакции еженедельника "С места происшествия", а также Александру, Валерию, Сергею и Юрию за большую помощь, оказанную мне в создании книги.

Глава 1 НАЧАЛО

Совершенно очевидно, что формирование первых устойчивых бригад, преступных группировок, которые впоследствии или исчезли в междуусобицах, или выросли в крупные банды, большие кланы и "криминальные империи", происходило во второй половине восьмидесятых практически одновременно по всему Крыму, и тон задавал Симферополь

ЧТО ТАКОЕ ГАНГ?

В "перестраивающемся на ходу" Крыму возникло сразу несколько небольших бригад. Конечно, по слухам, вначале это были представители многочисленных заводов и фабрик, закрытых властями за ненадобность. Были бригады фрезеровщиков, станочников, слесарей-монтажников, наладчиков... Среди всех особой хитростью выделялась бригада швей-мотористок, уволенных с фабрики г. Судак, однако не забравшей трудовые книжки из отдела кадров, чем продолжавшая саботировать работу предприятия.

На самом первом этапе, наверное, их еще нельзя было назвать их устойчивыми, ни организованными преступными группировками, хотя совершаемые ими действия, говоря протокольным языком, "отличались особой дерзостью, противоправной тяжестью и подготовленностью". В протоколах были, конечно, и другие слова, но по-казенному из нас мало кто понимает...

Более того, большинство членов и даже организаторов бригад работали легально "на предприятиях и организациях народного хозяйства" или в первых кооперативах – это, с одной стороны, мешало становлению и укреплению рыночной экономики, однако же, польза от этого все же была. В свободное от основной работы время подающие в криминале большие надежды занимались игровым бизнесом, рэккетом, выколачиванием долгов, разбоем, вымогательством, а наиболее "продвинутые" с каждым месяцем все активнее, а зачастую и успешнее занимались и частным предпринимательством. Очень популярен был частный извоз на троллейбусах по городам и весям, а также выступления в приезжих цирках в шкурах медведей, тигров и леопардов. В общем, чем активнее шло познание непознанного и нового, тем активнее была преступная деятельность в Крыму в целом.

Тем не менее, создавалась самая настоящая организованная преступность, которая развивалась стремительно и бурно, и за год-полтора Крым наконец начали называть "советской", а затем "украинской Сицилией"...

Бандитизм. Сейчас чаще употребляется наименование "организованная преступность". Мы будем использовать соответствующий американский термин "ганг", а члены ганга - гангстеры. Это сообщества преступников, для которых главный и зачастую единственный источник существования - доходы от разбоя, грабежей, вымогательства (рэкета), квартирных взломов до "экзотических" "видов деятельности" - киднеппинга, афер, шулерства и так далее, вплоть до торговли реплантантами. Работа в цирковых номерах в шкурах по-прежнему в почете, но уже не так популярна.

Преступная группировка. Сообщество преступников, балансирующих на грани уголовного, административного и гражданских кодексов. Как правило, значительная часть доходов получается от легальных и полулегальных предприятий (торгово-закупочных, трейдерских, казино, игротек, варьете и тому подобное); их дополняют "черные" деньги от операций, не оформляемых по законам, и от запрещенного бизнеса (торговля оружием, наркотиками, сутенерство); и, как правило, в дополнение, а иногда и главным образом происходит участие в прямом бандитизме, от рэкета до заказных убийств. Однако же

главные источники доходов: содержание салонов магии, торговля переводами заклинаний и способов укрощения змей, а также фиктивные браки и фиктивные разводы.

Кланы. Здесь - большие сообщества бизнесменов, бандитов, политиков и чиновников, связанных общими экономическими и властными интересами, а также, конечно, страхом перед разоблачениями, общей виной...

СОЛИДНЫЕ КОРНИ

Само понятие "организованная преступность" появилось в следственно-процессуальном обороте и нескольких учебниках по ненормативной лексике относительно недавно. Однако это не означает, что преступных групп, зачастую великолепно организованных, не существовало ранее. Они существовали!

Следственной практике шестидесятых - семидесятых годов известно немало подобных преступлений. Наиболее ярким примером такой организации в Крыму является дело Крымского ССМУ связи, расследованное прокуратурой чуть раньше, в 1968 - 1970 годах.

Преступления, совершенные группой, во главе которой стояла тоже умная и предприимчивая дама - директор ССМУ связи Фрида Яковлевна Ляхович (Фистуль), достаточно характерны для рассматриваемого периода. Но по своему размаху, степени организованности и масштабу причиненного государству ущерба это дело, безусловно, является выдающимся.

Фрида Яковлевна, а также главный инженер ССМУ Лубяницкий Николай Андреевич и главный бухгалтер Компаниченко Полина Кузьминична поставили дело по расхищению государственных средств на широкую ногу. Они создали преступную группу (17 человек) из числа работников ССМУ, которые в силу своего положения имели непосредственное отношение к составлению, оформлению и учету бухгалтерских документов по начислению и выплате различного рода надбавок к заработной плате, в частности надбавок за "разъездной характер работ". Разумеется, никаких надбавок рабочие не получали, а их подписи в ведомостях были просто подделаны. Так, я настаиваю, была подделана и моя подпись на свидетельстве о браке, выданном мне с моей первой женой Людмилой Брочковской...

Но простым начислением надбавок действия преступной группы не ограничивались.

Например, стоит перед ССМУ задача выкопать траншею для кабеля от Симферополя до Евпатории. Фрида Яковлевна договаривается в военной части и нанимает солдата на траншеекопательной машине. Солдатик выполняет требуемую работу за один день. И все замечательно, если бы не одно обстоятельство. По документам ССМУ, выкопана не одна, а две траншеи - одна от Симферополя до Евпатории, другая от Евпатории до Симферополя, и копала их вручную целая бригада в течение месяца, за что и получала заработную плату и премиальные. Вот так - простенько и со вкусом делаются деньги. И подобных "операций" предприимчивыми связистами было совершено множество. Общая сумма "заработанных" ими денег составляет около 350 миллионов рублей - по тем временам цифра запредельная.

Следователь прокуратуры, занимавшийся этим делом, характеризует своих подследственных как весьма умных, энергичных и предприимчивых людей. И если они нашли применение своей "творческой энергии" даже в шестидесятые годы, то в нынешние, золотые для деловаров времена, такие люди тем более не пропадут. Например, тот же главный инженер ССМУ, осужденный на двенадцать лет лишения свободы, досрочно освобожден, отсидев восемь лет, и в настоящее время работает в коммерческой фирме в Симферополе.

И фирма не прогадала: рекомендации и проекты "консультанта" приносят огромный экономический эффект.

Это лишь один показательный пример разоблаченных "умельцев". Возможно, они попались, потому что замахнулись на чрезмерно большие суммы, хотя ничего не создавали (по другой версии, их «сдали» сами солдаты, которые всегда помнят поговорку «солдат спит, а служба идет»). Другие же умельцы, в том числе и некоторые фигуранты этой книги, старались и сами что-либо создавать, хотя бы поначалу маленькие производства или торгово-посреднические фирмы, которые доставляли всякий (прежде всего сезонный) дефицит или же помогали колхозам и совхозам в сбыте урожая и так далее.

Группировки вымогателей тоже существовали давно. Вот, скажем, моя первая теща Мария Евсеевна Брочковская. Женщина 46 года рождения, впитавшая многое из первоклассного опыта всех преступников, мошенников и шулеров как Крымского, так и других полуостровов. Первое, что она мне заявила после свадьбы: что она очень быстро сделает из меня человека...

А ведь уже в конце пятидесятых-начале шестидесятых и в Симферополе, и в Ялте, и почти во всех остальных более-менее крупных городах, не исключая и Севастополь, существовали группы уличных вымогателей. Например, Евгений Хавич, рассказ о котором еще впереди, с парой дружков, боксеров-тяжеловесов, все шестидесятые годы "держал" Пушкинскую (центральная улица Симферополя, место массового променада), достаточно долго устраивал всевозможные наезды и разборки. В конечном счете, за свои подвиги по выколачиванию "подушного налога" он заработал первую судимость.

Первые банды в Крыму вырастали из игровых, из участников шулерских и мошеннических групп и из тех, кто их "пас".

"Игровые" - специфический термин, понятный каждому взрослому крымчанину, но менее распространенный в других регионах. Это больше чем игрок, аферист, рэкетиры и несколько иное, чем бригадир. Говорят, таких людей в Крыму из Москвы поддерживал даже Сулов. На мой прямой вопрос Михаилу Андреевичу, правда ли это или нет, он до сих пор отмалчивается. Впрочем, последний раз я звонил ему два года назад, но меня почему-то не соединили!

Так вот, игровой подчиняет игроков, руководит аферистами или рэкетирами-вымогателями, но он внутренне свободнее, вариативнее в своих действиях, чем бригадир специализированной бригады, преступной группировки. Игровые, как правило, уже живут исключительно на преступные доходы и, хотя сами способны на многое, от шулерства до крупной аферы и физической расправы, предпочитают только руководить исполнителями.

Некоторые игровые стали со временем кооператорами, мелкими и даже вполне солидными бизнесменами, и это, честно говоря, неплохо, может быть даже хорошо, хотя, как правило, все они с легкостью преступали писанные и неписанные законы до последнего своего дня. Что ж, кто из нас не преступал? Кто, так сказать, не клял станционных смотрителей? Такими были уже упомянутый Хавич, Костя Грек, Алибаба Васильевич (кстати, прообраз Василия Алибабаевича из «Джентльменов удачи») и еще два-три человека, сейчас защищенные презумпцией невиновности и депутатскими мандатами высокого уровня. Алибабе не повезло больше других – его в припадке ревности сдала жена: преступник сначала получил по голове газетой, а затем был назван «козлом водоплавающим» - это вызвало у авторитета приступ алкоголизма и ярости. В общем, Алибаба сел – якобы за то, что развлекал бензин ослиной мочой...

Другие начинали как шпана, мелкие преступники, а потом устраивались по специальности и все у них становилось хорошо. Заводились дети, внуки, люди на глазах перевоспитывались, начинали читать бесплатные лекции в клубах. Многие стали политиками, поднимались все выше и выше: таковы уже почти легендарные Жираф, Сахан, Вишня, Крюк, чьи имена не скоро сотрутся из моей цепкой памяти. Но, в самом деле, сколько же я забыл! А мог бы написать еще не одну книгу!..

Большинство специалистов и историков-любителей полагают, что, по крайней мере, в Симферополе начало первой волны бандитизма пошло от группировки "Гуни", «выросшей», как уже упоминалось, на патронаже наперсточников.

Наперстки, горшочки, скорлупки, чашки - игра наверняка ничуть не менее древняя, чем, скажем, игральные кости; в той или иной модификации она упоминается повсеместно, во всех странах. Во второй половине восьмидесятых в Крыму, она приобрела характер эпидемии. На вокзалах и в парках, на базарах и у магазинов, просто на улицах и площадях вдруг собирались иногда маленькие, иногда побольше группки вокруг ловкого и сметливого парня с тремя наперстками, или пластиковыми стаканчиками, или металлическими стопками, предлагая угадать, под которой из них окажется шарик.

Лично я играл в эту штуку раз сто. Я угадывал, признаюсь, почти всегда (за исключением случаев, когда не угадывал). И до сих пор убежден: мой азарт подогревался сочетанием выигрышей и проигрышей, репликами сочувствующих и советчиков, ставки росли, выигрыш же, естественно, оставался у меня – я имею в виду не деньги, а опыт, который, как известно, бесценен. Два-три человека обычно меня уговаривали, подначивали, разжигали мой природный азарт; кто-то непременно следил, чтобы моей игре не мешали; и непременно находилось несколько парней с крепкими кулаками, которые резко пресекали желание вернуть деньги и ценности.

Такая же схема, иногда с еще более четким распределением ролей ("завлекун", "скептик", "provokator" и так далее), действовала и действует на играх, которые к настоящему времени сменили дискредитированные в глазах потенциальных "дойных коровок", т.е. нас с вами, наперстки. Это, например, "болгарское лото", шулерские карточные игры, которые вообще искоренению не поддаются и из моды не выходят.

Структурализация в игорном бизнесе на самом деле была еще сложнее. Создавалась и эффективно действовала система "замазывания глаз" милиции, организация сигнализации и оповещения, мобильного перемещения игровых бригад с участка на участок. Очевидно, это могло осуществляться только при правильном (с их, специфической, точки зрения) разделе выручки.

Первые более-менее проявленные крымские бандиты вышли из игровых и из числа бригадиров, руководителей игровых команд.

И самым первым из них называют Гуню, Владимира Владимировича Гужева, 1960 года рождения, уроженца села Саул-Даре Крымского района Краснодарского края.

ГУНЯ

Вырос Гужев в Симферополе, куда его родители переехали еще в шестидесятых, в городском районе, который традиционно считался неблагополучным, - на Украинке. Примерным поведением Володя Гужев, заводила местных хулиганов, не отличался; на двадцать первом году жизни оказался за решеткой: три года исправительно-трудовой колонии.

Воровским авторитетом, "законником", Гуня не стал - и срок у него был несолидный, и статьи тоже. Ничем "особым", благоприятным с точки зрения блатной карьеры, в зоне не выделялся, но необходимую закалку для жизни и деятельности на свободе получил. Вернувшись в город как раз к началу перестроечного оживления, Гуня начал подбирать под себя наперсточников, заставляя их служить себе и одновременно способствуя их профессиональному росту. Некоторых, наиболее достойных, рекомендовал к вступлению в международные организации типа ЮНЕСКО.

К ближайшим помощникам-подельникам Гуни, кроме Муххамеда Али, причисляют боксера, кандидата в мастера спорта Коли Иванова (симферополец, 1962 года рождения, ко времени вхождения в бригаду успел вступить в конфликт с законом), рецидивиста

Виктора Приходькова по кличке Макаленок, Тимофеева (Джона), достаточно известного в городе как игрок и специалист по разборкам кубика Рубика, и Сергея Лапкина.

Несомненно, Гуня, парень подвижный, "резкий", скорый на расправу, обладал не только бандитской наглостью и решимостью, но и организаторскими способностями. К 1986 году, кроме 30 команд наперсточников, на него "работали" две швейные мастерские и одна мастерская по изготовлению настольных карт с границами Украины до подписания акта о Великом Воссоединении с Россией.

Но и об играх – своей тайной страсти - Гуня никогда не забывал! Именно на его средства было проложено шоссе, когда Симферополь стал главным транспортным узлом Крыма. По гуниной трассе в те годы проезжало по четыре-пять миллионов человек, и очень многие задерживались кто на несколько часов, а кто и подольше! По одной из версий, на деньги Гуни была написана и знаменитая скороговорка «Шла Саша по шоссе и сосала сушку»...

Тридцать-сорок тысяч человек в сезон останавливались в Симферополе, отправляясь на пляжи электричками, троллейбусами и автобусами.

В не меньшем количестве в город приезжали из ближних и дальних пригородов: кто работать, кто торговать, кто развлекаться и отдыхать. Все они и обрабатывались в первую очередь игровыми, для которых в сезон работы было более чем достаточно, как и преступного заработка, - хватало на всю бандитскую структуру.

Моя знакомая медсестра одного из отделений симферопольской больницы рассказала, что уже тогда гунина группировка начали взимать свой налог с владельцев частного автотранспорта, подрабатывающих извозом у вокзалов и аэропорта. Здесь, как и во многом другом, впрочем, они были провозвестниками. Взяла бригада Гуни под крыло и несколько мобильных игровых бригад, тем самым резко подняв уровень сервиса: за считанные минуты профессионалы ухитрялись обслужить азартных и открытых игре курортников – мастерам обычно хватало получасовой дороги от аэропорта до вокзала.

Удовольствие растягивалось на пару часов по трассе Симферополь-Ялта, если у курортника оказывалось слишком много денег или же если особенности поведения и социальный статус предвещали скандал и его следовало высадить не в городской черте, а где-то в горном лесу...

Но сказывалась резкая сезонность жизни в Крыму. От первых до последних заморозков стаи "лохов" редели и исчезали. Ряд санаториев Южного Берега хотя и работал в круглогодичном режиме, но приезжих было значительно меньше. А бандитам было нужно много денег, и нужно постоянно.

Тогда же, как это принято говорить, "на заре перестройки", бригада Гуни взяла под свою опеку некоторые первые кооперативы. Не только и не столько в форме рэкета (хотя этот простейший метод гангстерской деятельности встречается и сейчас и, увы, не лишен шансов развития и в дальнейшем), но и в виде "крыши", т.е. охраны, причем не условной, а реальной. Гуня с парнями в количестве не менее 30-40 человек, прикрывая голые спины листами алюминия, а в некоторых случаях листами ватманской бумаги, просто ложились на перекрытия известных предприятий и предохраняли работающий персонал от дождя, снега, лучей палящего южного солнца... Труднее всего им приходилось в град, ну так за это Гуне неплохо платили! А вот наезды мелких диких группировок, залетных и просто шпаны и в самом деле были очень нередки – свои позиции наверху Гуня и использовал на все сто процентов, запоминая лица налетавших, их манеры двигаться, пытаться расслышать слова, которые те говорили, вламываясь в дома, кафе, кооперативы, а то и между собой.

С 1987 года сам Гуня и еще один член его разрастающейся группировки, боксер Сергей Оразмурадов (кличка Сокура), работали в кооперативе "Новинка" ответственными за сохранность кооперативной собственности. Зарабатывали по тем временам весьма недурно, и только официально, согласно справке, выданной администрацией кооператива, за 1988 год Гужев получил 6560 рублей.

Поскольку кооператив с самого начала вел двойную бухгалтерию и большую часть средств не засвечивал перед фискальными службами, реальный заработок Гуни, Сокуры и прочих был значительно больше. Во всяком случае, Гуня раскатывал на "восьмерках", "девятках", «десятках», была у него и «одиннадцатая» и «тринадцатая» модели, которыми он, признаться, очень гордился.

Приобреталось и оружие, в ту пору еще не армейское, а в основном старое, оставшееся со времен войны.

Тогда же устанавливались и укреплялись неформальные связи с представителями правоохранительных органов и формировались принципы отношений с другими группировками, которые при неизбежном кризисе системы появлялись в Крыму.

Со своими девчонками, местными, принцип отношений был один: или подчинение, или уничтожение. С залетными же, то есть теми женщинами, которые несколько неверно трактовали результат общения с Гуней, впоследствии вообще не устанавливалось никакое сотрудничество, позиция была очень жесткой.

Это ни в коей мере не носило национального характера, Гуне было по барабану, просто защищались свои пастбища, территория своих обычно весенне-осенних игр. Роль играл не национальный момент, а место проживания; характерно, что наиболее тесные отношения у Гуни сложились с небольшим национальным кланом - группой братьев Бестаевых. Чего они только не вытворяли!

Три брата Бестаевых, Эльбрус, Магомед и Алан (средний брат, Магомед, к тому времени был трижды судим за грабежи и разбой), поселились в недалеком пригороде Симферополя селе Перово и совершали регулярные выезды в город и на Южный Берег. Репертуар их был широкий - от валютных афер до вымогательства и грабежей, от квартирных краж до содержания кафе с восточной кухней. Если настроение было неплохим, то Гуня и братья образовывали дуэты, трио, квартеты и даже квинтеты... Дела шли достаточно успешно, так что осетинский клан вскоре призвал подкрепление из Орджоникидзе и Баку - братьев Манафовых, Эльхана и только что "откинувшегося" из колонии Рауля, весьма авторитетного уголовника.

На контакт, сотрудничество и координацию действий с Гуней, пожалуй, самым весомым криминальным авторитетом, осетинский клан охотно пошел.

Таким образом, к 1988 году из своеобразного сочетания brutальных уголовников, мошенников игровых и экс-спортсменов и певцов сложилась совершенно типичная, ранее заявившая о себе во всех развитых странах модель гангстерского, или, как принято чаще говорить на постсоветском пространстве, бандитского сообщества.

Банда, или группировка, или ганг, Гужева-Гуни представляла собой устойчивую иерархию с внутренним распределением обязанностей. У ганга были постоянные места дислокации. Доходы банда получала от незаконных видов деятельности (азартные игры и песни, точнее, их публичное исполнение) или откровенно преступным путем (вымогательство, рэкет, просто грабеж и разбой). Часть членов банды имела легальное прикрытие - место работы и официальный источник доходов, причем зачастую это была форма отступного, которое предприниматели были вынуждены платить бандитам, будучи не в состоянии заплатить за прослушанный концерт, а также сольные номера Гуни и его кавказских приятелей.

И, конечно же, существовала связь с правоохранительными и, возможно, административными органами: без этого ни такой размах, ни такая устойчивость были бы невозможны. Правда, эти связи еще не были сильны и глубоки и сводились, по-видимому, к налаживанию "неформальных отношений", к прямому и косвенному подкупу некоторых офицеров и некрупных чиновников в соответствующих райотделах и райисполкомах.

Банда росла, набирала силу, но в конце восьмидесятых в банде начались внутренние расколы.

Три ближайших помощника Гуни - Коля Иванов, Джон и Сергей Лапкин создали свои собственные коллективы (они называли их бригады), которые на первых порах

открыто не враждовали с Гуней, но выступали самостоятельно. Группа Иванова исчезла только в середине девяностых, когда ее лидер был убит.

Четвертый, Виктор Приходьков (Макаленок), не просто откололся, но сразу стал непримиримым врагом Гуни и в свое время, что называется, не пощадил живота своего ради расправы с бывшим шефом.

Но решающую, роковую роль в судьбе Гуни, равно как многих других авторитетов, сыграл Олег Дзюба, человек, которого называют "главным беспредельщиком Крыма".

СОПЕРНИКИ

Олег Николаевич (Алик) Дзюба родился 31 октября 1952 года в селе Пробуждение Генического района Херсонской области, вырос в Крыму, был женат, неоднократно нарушал закон (был осужден по статьям 81 и 140 УК СССР).

По отзывам тех, кто его знал, Дзюба был человек чрезвычайно решительный и бесстрашный, дерзкий и мстительный, наделенный сильной волей, взрывным темпераментом, неплохими организаторскими способностями... и придерживающийся принципа вседозволенности. Он легко, ни на мгновение не задумываясь, играючи мог переступить через что угодно и кого угодно, не знал удержу ни в алкоголе, ни в наркотиках, ни в игре, ни в драке. Когда Дзюба "включался", то оказывал подавляющее, почти гипнотическое воздействие на партнера.

Как утверждают многие, с детского сада у него заветная цель — стать самым главным в Крыму, подмять всех авторитетов, стать единоличным хозяином, пусть "черным", но королем.

Но самая большая дорога, как известно, начинается с одного маленького шага.

В конце 1987 года, когда в симферопольском криминалитете уже стало трудно обходиться без санкции Гуни, Олег Дзюба, опирающийся на крепкую, но небольшую команду гадалок местного автовокзала плюс двух друзей (некие Сахан и Шпак, оба ранее судимые и столь же зрелые, как сам Дзюба), попросил "работы" у Гужева.

Тот согласился, не предполагая, естественно, что тем самым подписывает себе мистический приговор.

Дзюба получил в свое распоряжение лишь несколько бригад наперсточников; естественно, главная "отстежка" предназначалась Гуне.

Иерархия просуществовала всего пару месяцев - видимо, столько нужно было Дзюбе, чтобы присмотреться к банде Гуни, прощупать кое-кого из ее членов, проанализировать анализы, а заодно и продемонстрировать свою силу.

Сначала Дзюба с Саханом (Сычев Александр Михайлович, 1953 года рождения, уроженец поселка Чадыр-Лунга МССР, проживал в пригородном поселке Мирное) и Шпаком (Белинский Евгений Дмитриевич, 1956 года рождения, уроженец Симферополя) действовали в качестве боевиков Гужева, "мочили роги", "вправляли мозги", короче - разбирались с людьми, категорически отвергавшими силу слова.

Одновременно же они подбирали людей, как рядовых наперсточников и рэкетиров (например, Хрипанюка), так и капо, например, Сажня (Сажнев Владимир Николаевич, 1962 года рождения, уроженец города Фима РСФСР, числился в том же кооперативе "Новинка", что и Гужев).

В конце 1987 года Дзюба почувствовал, что пора выходить из-под влияния Гужева, что тайны мироздания для него больше не загадка, и откололся, заодно уведя с собою часть старых и создав несколько новых бригад гадалок, которые теперь работали только на нового хозяина.

Раскол, естественно, проходил не без конфликтов, но Дзюба сумел дать понять Гужеву, что тот ни в одиночку, ни с помощью своего ближайшего окружения с ним и его бригадой не справится. Погадав как-то Гуне по звездам, Дзюба поведал, что жить тому — день, от силы два. Дзюба заспорил, сошлись на одиннадцати годах и трех месяцах. С этого

момента Гуня и стал для Дзюбы врагом номер один. Новыми капо Гуни к тому времени стали Чапай (некий Василий Иванович, 1960 года рождения, уроженец Симферополя), Хам (Полищук Константин Анатольевич 1965 года рождения, уроженец поселка Нижнегорский Крымской области), а также одна из гадалок по кличке Золотце (Пономаренко Александра Евгеньевна, 1968 года рождения, уроженка пос. Новый Свет Крымской области). Дзюба, как принято говорить в том кругу, умел "брать на характер", убеждать и угрожать, да и драки никогда не боялся.

Откалываясь, Дзюба дал понять первому авторитету, что роль ведомого он уже перерос, об этом же говорила и линия жизни на его руке, но в то же время он прекрасно понимал, что на его пути в главные авторитеты города встанет крепкая, сплоченная, с многочисленными связями банда Гужева-Гуни. Там ведь были гадалки не хуже, чем у него, с одной из них он попытался, было, вступить в астральную связь, но та прогнала его уже с порога, пообещав написать письмо в общество Лунатизма и еще своему дяде, полковнику милиции где-то на Севере...

Угрозы, которыми обменивались Гуня с Дзюбой, были не пустыми. Мирное решение было невозможно: Гуне отступать было просто недопустимо, ибо он потерял бы авторитет и силу страха, с помощью которого он удерживал честных гадалыщиц.

Единственное, чего в этот момент не понимал и не оценивал должным образом Гуня - это решимость Дзюбы и отсутствие у него сдерживающих норм.

Предстояла война, первая настоящая гангстерская война нового времени. Дзюба к ней стремился, и он же ее развязал.

Пятого ноября 1988 года в 00 часов 20 минут, когда фаза Луны вошла в свою треть, Дзюба и Сахан дождались на темной и глухой улице Украинки, печально знаменитого симферопольского района, как Гуня подъехал к своему дому.

В то время авторитеты еще ездили в одиночку, не заботились даже о разведке и элементарном наблюдении за окрестностями; единственное, о чем побеспокоились Дзюба и Сахан, не попасть в свет фар. Как только Гужев вышел из машины, они выбрались из укрытия.

После двух выстрелов из ружей, заряженных крупной картечью, Гуня упал, оба выстрела попали в цель. Но начинающие киллеры не стали проверять, мертв ли объект, не сделали контрольного выстрела и поспешили скрыться. А Гужев выжил, через месяц вышел из больницы и принял руководство бандой.

По всем законам, теперь ему предстояло сделать ответный ход, убрать Олега Дзюбу и его команду (о том, что стреляли именно Дзюба с Саханом, знали многие).

Гуня решил прибегнуть к помощи дружественного коллектива братьев Бестаевых.

Прямо в больничной палате состоялась встреча Гужева с Раулем (Манафов Рауф Феликсович, старший из стариков-разбойников, по крымским меркам - авторитет в преступном мире).

Условия сделки сейчас уже не выяснить, но главный итог: Рауль пообещал расправиться с Дзюбой и Ткачевым. А поскольку противники, с его точки зрения, ничего особенного не представляли - "подумаешь, шумный вассер, козлы еще параша не нюхали", то не стал тратить слишком много времени на подготовку: ствол у него был, оставалось только сформировать ударную группу.

Двадцать седьмого ноября 1988 года Рауль с двумя капо Гуни и Чапаем отправились мстить Дзюбе и Сахану. Было определено, что противники заседали в доме Шпака, на улице Машинистов, 38.

Но гужевская разведка еще не доросла до того, чтобы как следует разведать, сколько еще вооруженных людей, кроме Дзюбы и Сахана, находится в доме. Рауль, повторяем, не считал, что здесь, в Крыму, имеет дело с настоящими противниками.

В результате серьезнейшая операция - устранение врагов-вожаков - вылилась в неуправляемую прибалтненную разборку.

Едва из "восьмерки" выбрались Рауль и ее владелец Чапай, как навстречу им из дома выскочили Сахан, Дзюба, Шпак и Хрипанюк). Выскочили не с пустыми руками: Сахан выстрелил из обрез в вооруженного Рауля. Выстрелил и... промахнулся, а перезарядить не успел.

В ответ Манафов четырежды выстрелил в Сахана и двумя пулями ранил его в живот.

(Тоже не бог весть какое стрелковое мастерство, расстояние-то было метров пять, не больше. Я в тире выбиваю 85 из 100!)

Тем временем Дзюба вогнал в грудь Бесику длинную заточку, "пику", и бросился к Манафому, а тот, забыв о пистолете, рванул к машине и был таков. Сахана и Чапая доставили в больницу; операции прошли успешно.

По данному факту было возбуждено уголовное дело, но Сахан и Бесик от дачи каких-либо объяснений отказались; тогдашней крымской Фемиде этого показалось достаточно, и раненых гангстеров из враждующих группировок, отлеживающихся в соседних палатах, представители власти больше не беспокоили.

Война продолжается, и следующий ход, очевидно, должен теперь совершить Дзюба.

Он его и совершает, но не собственными руками и даже не руками ближайших подчиненных.

В ход первой гангстерской войны вступают новые люди.

НОВЫЕ ЛИЦА НА ИГРОВОМ ПОЛЕ

Доходы Гуни от наперсточников и прочих игровых падают. Часть игровых теперь работает на конкурентов и на бывших соратников, и вообще из этого бизнеса не выжмешь больше, чем располагают глупые "лохи" - ни они, ни их деньги не прибавляются. Собственная (или подчиненная) "Новинка" тоже не Эльдorado, кооперативов и прочих малых предприятий-конкурентов становится все больше; цены растут, расходы увеличиваются - что делать? Создавать новые предприятия, инвестировать? Но до этого Гуня не дорос, "масла в голове" не хватало, да и люди в бригадах у Гужева пока что подбирались не те, отнимать уже научились, а более сложные действия пока что совершать не умели. Выколачивание дани становилось все круче, чуть ли не каждый день в больницы и морги поступали жестоко избитые, обожженные, со следами пыток мелкие предприниматели и вообще люди, которые имели неосторожность засветиться с деньгами, разбойные нападения стали не нормой, конечно, но рутинной - и все же это не удовлетворяло потребностей банды. Семь шкур можно слупить только фигурально, а реально происходило иначе: большинство нищало, а немногие обогащались...

Но что это были за немногие? И как до них было добираться?

Обо всех говорить пока не время. Поговорим только о некоторых.

Сейчас ясно, что не все, но, тем не менее, некоторые кооперативы и малые предприятия возникли не на пустом месте, а представляли собой частичную или полную легализацию теневых предприятий. Как правило, они уже имели свои охранные структуры, поэтому новые наезды сопровождалась острыми столкновениями. Иногда они заканчивались в пользу "гончих", агрессоров, иногда - в пользу "сторожевых".

Заранее предвидеть результат, четко знать расклад сил дано не каждому, а дерзость и авантюризм - одна из самых необходимых черт для первых, так сказать, "классических" банд.

Гуня пытается обложить данью все новые кооперативы, предлагая тем то услуги хорового пения, то составления прогнозов - от стратегических до сегодняшнего вечера... Сколько именно "ростков свободного предпринимательства" попали под пята или под "крышу" банды, сейчас уже не установить. Но важно, что среди тех, на кого наехали бандиты, был так называемый торгово-закупочный кооператив (ТЗК) "Ай-Петри", резво набирающий обороты.

Тяжела доля советского рэкетира: кооператив держат крепкие деловые-игровые, Олег Слатвинский, известный в Симферополе под кличкой Жираф, и уже упоминавшийся игровой, экс-король Пушкинской, Евгений Хавич, люди решительные, серьезные и с приличными связями в уголовном и полууголовном мире.

Слатвинский Олег Станиславович, 1964 года рождения, коренной симферополец, привлекался к уголовной ответственности по статье 222 части 1 УК УССР, кличка Жираф.

Хавич Евгений Михайлович, 1944 года рождения, уроженец Омска, ранее судим, женат, кличка Жид, первые приводы в милицию происходили еще в 1959 году.

Они фигуранты многих страниц крымской истории; фотографии не слишком точно передают их силу и своеобразие, впрочем, это беда почти всех фотографий.

Гуня им сделал предложение, но они, естественно, наотрез отказались от его "крыши" и "абиссинского" налога.

Но, как известно, отказаться, выставить за двери рэкетиров – дело, конечно же, серьезное и решительное, но не окончательное. Рэкетиров надо отвадить, и желательно так отвадить, чтобы у них впредь не возникали всякие забавные намерения типа разгромить офис, или что-нибудь поджечь, или выбить из строптивцев иллюзии бейсбольной битой (в Симферополе бейсбол в моде), или выжечь предпринимательскую гордость утюгом, паяльником или автогенном.

По причинам, ведомым только им, - а мы можем об этих причинах догадываться, - Хавич и Слатвинский не стали ни обращаться к правоохранительным органам, ни искать другую группировку, способную отогнать Гуню.

Наверное, матерые игровые, люди весьма неглупые и достаточно опытные, Жираф и Жид знали заранее, например, о неэффективности милицейской защиты, или, будучи недавними выходцами из теневого бизнеса, не хотели лишний раз засвечивать кооператив и соваться в милицию.

Они решили поступить проще и резче: своими силами убрать Гуню, возможно, вычислив уже, что конкурентная борьба или бандитская война в его кругах разгорается и без вожака банда если и сохранится, то ей будет не до экспансии.

Вероятность такого предположения очень велика: на тот период все знали всех, и уж игровые Жид с Жирафом, с их связями в криминалитете, просто не могли не знать, что у Гуни большие осложнения с Дзубой и Саханом, об этом в Симферополе, как говорится, не знали только те, кто по долгу службы не хотел знать.

А уж тенивики-игровые... Союзников и противников они выделяли безошибочно.

Убивать своими руками ни Слатвинский, ни Хавич не собирались. Особенно это касалось сорокатрехлетнего Хавича, который стремился руководить, - оставаясь в тени.

В числе их знакомых был и Макаленок, который, порвав с прежним шефом, состоял (в числе многих, надо сказать) в контрах с Гуней и обладал достаточной решимостью пойти до конца. Ему сделали предложение - и Макаленок дал себя уговорить.

Жираф, вдобавок к обещанному вознаграждению, взялся за техническое обеспечение операции.

С этого момента арсенал гангстерских войн и разборок расширяется: в ход пошли взрывчатые вещества, да так широко, что на долгие годы Крым оказался впереди Украины всей по числу, мощности и эффективности взрывов, произведенных бандитами.

Начиналось же все на любительском уровне: у одного из команды кооператива "Ай-Петри" оказались связи со взрывниками в Перми. Там и достали тротиловые патроны для имитации взрывов, при помощи которых самостоятельно смастерили достаточно убедительное взрывное устройство, и Макаленок подложил его в машину Гужева.

Заодно, чтобы не терять время даром, заряды были заложены в два продуктовых магазина по соседству, отделение банка и публичный дом, расположенный в одной из квартир многоэтажного дома.

Большой сложности это не составляло: маршруты передвижений и особенно долгих остановок ("на оттяжку") Гуни бывший соратник знал, а сравнительно недавнее

покушение так еще и не научило Гужева осторожности. Предсказаниям он не верил, но в багажнике возил станковый пулемет 1936 года выпуска, который был очень похож на настоящий. В том же багажнике постоянно находился один из цыган местного табора, которого Гуня раз в месяц пытался обменять на наличные.

Итак, двадцать восьмого марта 1989 года, поздно вечером, Гуня на своей "девятке", вместе с цыганом подъехал к дому на улице Украинская, 8.

Гуня загнал машину в гараж, вышел, и, уже когда запирали снаружи прочную металлическую дверь, грохнул мощный взрыв. Капитальный гараж разлетелся, как карточный домик, "девятка" превратилась в груды искореженного и оплавленного металла, но сам Гужев уцелел: стальной лист двери принял осколки и часть ударной волны. Судьба же цыгана сложилась иначе: после взрыва он решил бесповоротно сменить стиль жизни: вспомнил, что вообще-то его прабабка – еврейка, а дед – казах. Теперь он живет в Израиле и иногда приезжает в Крым. Говорят, скучает по прежним временам страшно...

С тяжелой контузией первый крымский авторитет оказался в областной больнице имени монаха Бертольда Шварца и на продолжительный срок был выведен из войны (в то время в больницах еще не доставали: взрывы, пожары и выстрелы в больничных корпусах начнутся в более поздний период).

А война продолжалась, и теперь охота пошла на Гуниных боевиков.

Тот же Макаленок, пользуясь своей относительной незаслуженностью как противника в банде Гуни, ликвидировал Рауля.

Ликвидировал по простейшей схеме, которая в тот период еще срабатывала: остановил знакомого просто на улице, пригласил в свою машину, мол, надо поговорить о делах в спокойном месте, вези куда хочешь - и даже уступил Раулю место за рулем.

Рауля потянуло в очень спокойное место - в район за центральным городским кладбищем.

Там Макаленок прострелил голову самоуверенного боевика (пуля прошла навывлет и выбила левое стекло "семерки"), оттащил труп в лесопосадку, сначала обработал автогеном до неузнаваемости, затем облил бензином и поджег останки, чтобы уж наверняка не идентифицировали и не нашли никаких следов. Поэтому все это – моя авторская версия событий тех лет!

Машину он спрятал во дворе дома Жирафа, где ее впоследствии нашли со следами крови на переднем сиденье и выбитым стеклом дверцы водителя.

На кого же в действительности работал Макаленок?

Вроде бы на ай-петринцев, получал задания, взрывчатку, оружие и деньги от Жирафа, пользовался его машиной; частенько бывал в доме у Жида.

В то же время реально действовал на пользу скорее свою и Дзюбы, а Жирафа подставлял, да так, что при самом обычном профессиональном расследовании его преступная связка с Жирафом была бы раскрыта.

Начнем с простого вопроса: зачем вообще айпетринцам было устранять Рауля?

Да, Жираф и Жид наверняка знали, что осетинский клан работает на Гуню, и могли предположить, что Гужев, пережив следующее покушение, взрыв, вычислит его заказчиков и попытается с ними разделаться руками бестаевской группировки. Но это лишь одна из вероятностей ответного хода Гуни, а уж уверенности в том, что против ай-петринцев будет брошен именно Рауль, почти совсем не могло быть: в банде у Гужева хватало и других, скажем так, не менее опасных боевиков.

А вот с точки зрения Дзюбы и особенно Сахана, Рауль, равно как Чапай, враги проявленные, действующие и подлежащие скорейшему уничтожению.

Для ай-петринцев Рауль - враг возможный, но далеко еще не определенный; для Сахана же - самый настоящий.

Теперь - о подставке.

Едва ликвидировав Рауля и отогнав машину, Макаленок рассказывает "знакомым ментам" из территориального райотдела милиции, что Манафов угнал его "семерку", а затем, когда эту машину с очень определенными следами совершенного в ней убийства, нашли во дворе дома Жирафа (интересно как? Сплошная проверка дворов и гаражей не производилась; ясно, что машину эту нашли, потому что знали, информированы были, что и где искать), дает показания, что "случайно" обнаружил ее в другом конце города.

Если в этом не было умысла - например, желания стравить Жирафа с осетинским кланом или сообщения-предупреждения для Гуни, то прокол, недостойное для блатного поведение или в лучшем случае ошибка Макаленка попросту непонятна. Не на ментовку же он работал, это уж не вызывает сомнений!

И еще один момент.

Макаленок и Сахан были если и не дружны по-настоящему, то, во всяком случае, считались близкими приятелями, а вот игровые Жираф и Жид были для Сахана весьма неблизкими; и когда несколько позже Сахан стал в городе одним из самых крупных авторитетов, то воевал он прежде всего с Жирафом.

ОХОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

...Весть об исчезновении Рауля и слухи о том, что он убит (по-видимому, информация просочилась из того же райотдела милиции), заставили Гуню принять дополнительные меры предосторожности. Обычная больница (время спецпалат с решетками, козырьками и надежной охраной еще не пришло) никак не гарантировала безопасности, авторитет это наконец-то понял и, едва немного оклемался, отдал распоряжения. И вот на десятый день после покушения, 9 апреля, верные капо вывозят Гужева из больницы домой, на Украинскую, 8, где уже отремонтирован гараж и организовано круглосуточное дежурство боевиков.

У классической мафии это называется, кажется, "лечь на матрасы".

Через неделю, 16 апреля, когда напряжение несколько спало и в доме Гужева находились только он сам, его жена Татьяна и Чапай, в половине пятого утра залаяла сторожевая собака.

Чего она залаяла – об этом мне долго рассказывали в местном обществе по защите прав животных, но это опять же только версия. Во-первых, уточню, лаяла она и до этого. Еще бы – псу на тот момент было три года от роду, и ни одной случки! Во-вторых, пришло время завтракать - услышав, что в семье собирались сесть за стол, заявило о своих правах на полную миску. Надо ли говорить, что естественное желание пса вновь спасло жизнь Гуне!

Караульный в эту смену Вася Чапай выглянул в окно и увидел Хрипанюка, опального наперсточника, неудачливого хироманта, то и дело путавшего Линию Судьбы с Линией Жизни. Легкое беспокойство Чапая, заметившего в руках Хрипанюка ружье, впрочем, тут же улетучилось: «Может, просто так зашел» - подумал Чапай. Однако Хрипанюк взводил курки и пробирался к дому, в полутьме виднелось еще несколько не менее впечатляющих фигур. И хотя Чапай не успел их ни опознать, ни разглядеть, кто чем вооружен (впоследствии на суде это был один из убойных козырей защиты), в целом намерения нападающих были ясны.

"Тревога!" – закричал Чапай. Кто-то из Гужевых оповестил милицию, с которой существовала договоренность о помощи (отключить Гунин телефон у налетчиков еще не хватало квалификации).

Тут же раздались два взрыва - рванули граната "ф-1" и ручная бомба-самоделка, брошенные с полутора десятков метров, но особого ущерба не нанесшие. Затем нападавшие открыли огонь из карабинов и пистолетов по окнам дома. Силы были явно неравны, при желании уже через несколько секунд можно было вышибить двери, но

спустя несколько минут, когда еще никто в доме не был задет пулями, раздался вой милицейской сирены, и нападавшие ретировались.

Уйти удалось не всем - в 300 метрах от дома Гужева был задержан Олег Дзюба с обрезом старого армейского карабина (калибр 7,62), заряженным пятью боевыми патронами; его арестовали и препроводили в СИЗО.

По делу было собрано достаточно доказательств, и суд принял его к производству. Далее начинались очередные "странности Фемиды". Суд откладывался и откладывался, свидетели по два-три раза меняли показания, исчезали вещественные доказательства, изменяли показания и потерпевшие, так что, в конце концов, получалось, будто Дзюба из несуществующего карабина, но героически отражал нападение неведомых темных сил плечо в плечо с Гуней. В общем, все это напоминало гибрид Беккета с Гашеком и закончилось ничем. Еще следует остановиться на сторожевой собаке – той самой, что залаяла прямо перед нападением. Она оказалась единственной, кто ни разу не менял показаний.

А вот Гужев следователю заявил, будто происшедшего не помнит, так как контужен, и, отлежавшись дома около трех недель, скрылся из города и, естественно, в суд явился не скоро.

Тем временем вторая партия "охотников на Гуню", люди Жирафа, продолжали готовиться к следующей операции. Но на этот раз любительство в подготовке дорого им обошлось. Очередная самодельная бомба, которую приготовил "на Гуню" и постоянно возил с собой Макаленок, внезапно сработала прямо в машине (кстати, это была та же самая "семерка" А10-66 КР, в которой Макаленок убил Манафова. Для любителей мистики вопрос - уж не дух ли убиенного Рауля постарался, спровоцировав взрыв, который разорвал в клочья Макаленка и Сажня?). Недавний приближенный Гужева Сажень к тому времени на беду свою перешел на сторону ай-петринцев.

До конца года наступило относительное затишье. Гуню навели на мысль, что истинным, главным и чуть не единственным врагом его был неудавшийся бомбист Макаленок и теперь особо опасаться нечего, поэтому авторитет вернулся в город. Давал "правильные" показания местным служителям Фемиды, вяло пытавшимся осудить Дзюбу. Вроде бы всерьез "помирился", что стало сенсацией в городском криминалитете, с Саханом, который на время принудительной изоляции Дзюбы возглавлял его бригаду. Все-таки чувствуя приближение новых времен, Гуня договаривался о производственном сотрудничестве (производственном в прямом смысле - о перепрофилировании не слишком рентабельного бандитского кафе в дальнем конце Севастопольской в колбасный цех) с Виктором Башмаковым, о нем еще будет сказано ниже. В общем, жил.

Жил и, несколько внимательнее проанализировав ситуацию, наконец-то вроде бы вычислил, кто есть кто, и стал готовиться к расправе с Жирафом, которого, в отсутствие Дзюбы, считал (небезосновательно) врагом номер один.

Жирафу тоже отступать было некуда, и он решил нанести упреждающий удар.

Семнадцатого декабря 1989 года Гужев вместе с женой Татьяной, Чапаем и своими знакомыми, начальником технооружения одной из воинских частей, с его женой и несколькими подругами, в пригородном ресторане (село Чистенькое, пять километров от Симферополя по Севастопольской дороге) отмечали крестины. Гуляли не слишком долго и не слишком шумно – со своими-то женами сильно не разгуляешься - и около одиннадцати вечера уехали из села Чистенькое в новой Гуниной "восьмерке". За руль сел подвыпивший, но вполне уверенно держащийся Гужев. С ГАИ проблем не было: на въезде в город пост "восьмерку" остановил, но милиционеры к уважаемому водителю и пассажирам отнеслись с должным пониманием.

Следом за ними от самого ресторана ехала еще одна "восьмерка", светлая, в точности повторяя все маневры машины Гуни.

Расслабленный отдыхом в семейном и дружеском кругу вожак не заподозрил неладного. Ай-петринца, который провел вечер в том же ресторане и сейчас вел машину

вслед за "восьмеркой" Гуни, он не опознал, наверное, не знал в лицо так же хорошо, как гаишник на том же посту при въезде в город, который не стал ни останавливать, ни осматривать машину и пассажиров, а только сделал ручкой богатому и влиятельному молодому господину.

А когда, уже не слишком далеко от дома, в достаточно глухом в эту пору месте (около дома N 5 по улице Федько) светлая "восьмерка" пошла на обгон, что-либо предпринимать было поздно. Правое стекло опустилось, блеснули в свете фонарей два ствола, и загремели выстрелы.

Чапай был убит на месте, Гужев тяжело ранен, но все-таки сумел затормозить; достались пули и остальным пассажирам. Машина со снайперами, не останавливаясь, умчалась...

На несколько недель Жираф спрятался в городском зоопарке, справедливо полагая, что Гунины боевики постараются отомстить.

И такая попытка была предпринята, но сила наравлась на силу.

Не за Жирафа, а скорее против остатков первой бандитской бригады выступили новые авторитеты, которые поднялись за спиной Гуни и переросли его.

Прежде всего, это был Сахан, сначала со Шпаком и Хрипанюком, затем, естественно, к ним присоединился Дзюба, выпущенный после того, как судебный процесс окончательно развалился, и совсем недавние поделщики, Сокура (Оразмурадов) и Элик (Бестаев). Это была сила, решимость и неудержимая, беспредельная жестокость, когда убивали, раздумывая только, как бы сделать смерть мучительнее и эффектнее.

Пять человек погибли в разборках... И Гуня почел за благо не совершать более попыток "подняться", а просто исчез, едва только выбрался из больницы.

Куда он на самом деле уехал, под каким именем скрывается, чем занят, если предположить, что он "поменял окрас", - не знает никто, но уехал сравнительно благополучно, и в Крыму его больше нет.

Бегство Гуни в 1989 году стало своеобразным рубежом в развитии крымского криминалитета.

Во-первых, после него на долгое (по меркам этой бурной среды, где не многие доживают до седых волос) время в Симферополе и в Крыму в целом не было отчетливого лидера, все время шла борьба между бандами, между ними заключались и рушились союзы, устанавливались и тут же нарушались границы "зон раздела влияния" и сбора бандитской подати. В ходе этой неширокой, но перманентной войны совершенствовалось боевое мастерство, приемы конспирации, разведки, диверсионной работы.

А во-вторых, через полгода как по команде началось активное "отмывание" бандитских денег, которые вкладывались в легальные предприятия. Денег этих, по местным меркам, было немало. Только доходы от рэкеты превышали миллион долларов, а было еще бутлегерство, торговля наркотиками, игровой бизнес, сутенерство.

РОКИРОВКА СИЛ

Лидеры группировок, не слишком враждующих друг с другом, объединились в две большие группы. Одна из них (О. Слатвинский - Жираф, С. Воронков - Воронок, К. Полищук - Хам) организовала многопрофильный кооператив "Сейлем", который к августу 1990 года уже именовался "кооперативным объединением" и включал в себя восемь комиссионных магазинов, ресторан, бары, центры технического обслуживания и автоперевозок, туристическую фирму, медицинский центр и др. Затем в сферу объединения начали втягиваться несколько малых предприятий, а еще большее число или работали под сейлемовской "крышей", или выполняли более-менее регулярные производственные заказы.

Службой безопасности "Сейлема" руководили О. Слатвинский и А. Вишняков.

Вторая же группировка начала с подчинения, финансового и организационного, кооперативного кафе "Иден", а затем вошла в состав большого и существующего донныне

объединения "Русь", включающего в себя предприятия примерно такого же, как в "Сейлеме", профиля - книготорговые фирмы, транспортные и строительные организации, вещевые рынки, цеха по производству лако-красочных изделий и т.п.

К объединению примкнули бригады и вожаки помельче: Б.Наперстков, С.Карапуз, Ж.Подросток, Г.Юноша (далее по алфавиту, имена известны)...

Службой безопасности объединения ведал Виктор Башмаков, парень из пригорода, который, действуя совместно со своими сводными братьями, Павлом Шолоховым и Станиславом Комягиным, быстро приобретал авторитет, а также новые ботинки и плащ из кожи арабского верблюда, умершего своей смертью (чем Виктор Башмаков очень гордился, говорил, что из-за его плаща не пострадало ни одно животное).

Формально ни над "Сейлемом", ни над "Русью" никто не стоял, но "старшие товарищи" - старшие по возрасту, опыту, связям и положению - Е.Хавич и Н.Хивренко тяготели к "Сейлему", а Константин Савопуло (Грек) и несколько позднее севастопольские, джанкойские и феодосийские группировки - к "Руси".

Такое распределение взаимоотношений, как все бандитские договоренности, было временным. Через пару лет "башмаки" и "греки" всюду воевали, а от сейлемовско-казиновского отростка, "Аудит-резерва", досталось и Хавичу, но это случилось позже.

Очевидная польза для бандитов от больших объединений проявилась сразу (возможности мобилизации мобильных и крепких групп боевиков, сбора разведданных, в том числе в банках и налоговой инспекции, привлечение для прибыльных инвестиций значительных средств).

Мирные граждане, особенно те, кто проявлял инициативу и предприимчивость, пытался подрабатывать в любой сфере, от челночных поставок товаров до автосервиса и розничной торговли, очень крепко почувствовали на своей шкуре, что настали особенные времена: уже никто не был застрахован от поборов и бандитских "разводок", заканчивающихся полным разорением, а бывало, увечьями и убийством. При этом защищаться становилось очень трудно, бандиты начинали работать четче и более оперативно, чем милиция.

Симферополь разделили быстро и сравнительно мирно, не столько по территориальному, сколько по производственному принципу. "Свои", городские, если не вливались в объединения, то соседствовали на договорных принципах с ними, так, например, до поры до времени было с бригадой Иванова. Чужих же, залетных, не разбирая национальности, изгоняли резко и круто; например, в павильон чеченской группировки на Центральном рынке бросили гранату, затем обстреляли машины и дома, арендованные чеченцами в Симферополе. Затем люди Дзюбы расстреляли у спорткомплекса "Динамо" Делана Хасикова, авторитета, лидера чеченской группировки, и восточная бригада отправилась в места поспокойнее, некоторые перебрались в поселок Красногвардейское в степной части Крыма, некоторые сразу же укатили в Россию.

Там, кстати, в самом поселке и на территории одноименного района, чеченская группировка "Сулейман", называемая так по имени вожака, Сулеймана Байсарова, свирепствовала до 1997 года.

Об уровне специфической подготовки, дерзости и наглости этой группировки может свидетельствовать хотя бы то, что С. Байсаров входил в состав специального подразделения "вооруженных сил Ичкерии", совершившего нападение на Буденновск. Правой рукой и помощником Сулеймана был его брат, Бислан Байсаров, тоже отменно владеющий оружием. Наиболее эффектно он применил его прямо в поселке, свалив автоматной очередью двоих бандитов, бывших соратников, которые стали проявлять излишнюю самостоятельность и требовали разборки.

В 1997 году, когда правоохранители стали работать намного серьезней, Сулеймана и еще одного авторитета, И. Османова, взяли и осудили (на не слишком убедительные сроки), а пятерых членов группировки, граждан Чечни, выслали по месту жительства.

ГРОМКОЕ ЭХО ВЫСТРЕЛОВ И ВЗРЫВОВ

Разобравшись в городе, оба "больших дома" начинают экспансию, прежде всего в непосредственно курортную зону, на побережье.

И здесь конечно же они впервые столкнулись между собой всерьез.

Поводом для первого большого столкновения преступных объединений стал дележ зон контроля над кооперативами, малыми предприятиями, видеотеками, кафе и летними магазинами в курортном поселке Николаевка, городах и поселках Большой Ялты и Алуште.

Сначала произошло с десятков разборок, как правило без применения огнестрельного оружия, непосредственно у спорных объектов.

По логике, теперь в дело должны были вступить стволы, но прежде чем переходить к широкому военным действиям (или чтобы их избежать), одна из высоких непримиримых сторон предприняла сильный упреждающий ход.

Боевики "Руси", уже достаточно облеченные доверием своего руководства, а именно Н. Буряк и А. Чупахин, захватывают Жирафа, вывозят его в Джанкой (около 90 километров от Симферополя) и, до окончательного решения о ликвидации, держат одного из опаснейших противников на явочной квартире. Тем временем "старшие" пытаются поторгаться с остальными лидерами "Сейлема".

Расчет, несомненно, верный: в то время более значительной фигуры у "Сейлема" не было, если не считать держащегося чуть в стороне Жида. Но не были учтены возможности самого Жирафа. А он, улучив момент, когда с ним остался один Чупахин, проломил череп заснувшему у него на коленях боевику, выбрался на трассу и на попутке вернулся в Симферополь.

И закрутилась карусель!

Захватывают Колю Буряка, но, в отличие от Жирафа, чудесного освобождения не происходит. Как в воду - а может быть, именно в воду - канул парень.

Взрывают дверь партнерствующего с "Русью" директора фирмы, лихо торгующей на побережье. А через два дня, видимо в порядке ответного хода, в очередной раз стреляют в Жирафа, и в очередной раз неточно.

Расстреливают охранников и боевиков "Руси" - и вновь палят по Жирафу, ранив его водителя-охранника.

Еще через две недели точным выстрелом из "макарова" заваливают в собственном дворе Сокуру, отважного боксера и, по отзывам, одного из приверженцев "понятий".

А мелкие стычки уже и не упомнить, выстрелы и взрывы загревели чуть ли не по всему Крыму и, как это стало модно, гулко заколотились эхом по всем периодическим изданиям страны, уже расчлененной, но еще не признающей этого.

И, наконец, в ноябре 1991 года переполнилась чаша терпения. Еще не народная, но у милиции.

Надо ли говорить, что милиция была как раз той самой третьей стороной, чье место на пляже еще совсем недавно заняли враждующие кланы? Правда вот, в песке ковырялись младшие чины, но формочки у них получались тоже что надо: сплошь лычки, очередные звезды, а у одного вышла даже звезда маршала...

Нельзя сказать, что правоохранительные органы вообще ничего не делали, только смотрели, как мир погружается в трясину бандитского беспредела.

Если проанализировать милицмейскую хронику тех лет, то совершенно наглядно виден рост не только числа правонарушений, но и специфических милицмейских показателей, таких как задержания, аресты, раскрытие преступлений. На столь же высоком, как обычно, уровне раскрывались квартирные кражи, бытовые преступления вплоть до убийств, типичная уличная преступность; боролись и с производством наркотиков из местного сырья и, уж конечно, с поставками наркоты из-за пределов

полуострова. Особенно доставалось "залетным", "гастролерам" - увы, возможно потому, что здесь интересы легальной и бандитской власти смыкались.

Но как только дело касалось больших бригад, а тем более объединений, ситуация становилась иной, бандиты, как правило, всегда оказывались предупреждены, а если и залетали за решетку, то ненадолго и по легким статьям.

Еще хуже вопрос обстоял в судах - дела затягивались зачастую ровно настолько, сколько требовалось, чтобы обработать свидетелей, бывало, что и уничтожить улики, и вообще "договориться".

Самой милиции, где большинство составляли вполне честные и добросовестные работники, приходилось нелегко.

Недавно мне попала на глаза лихая статья, где интерполировался как раз на милицию спорный тезис американских социологов о том, что в любом коллективе 10 процентов - основные, более всего тянущие "рабочие лошадки", а остальные - балласт, работающий как бы поневоле, зато склонные при первом же удобном случае злоупотреблять своим служебным положением.

Полагаю, что здесь все с точностью до наоборот. Да, в милиции работают не ангелы (ангелы сосредоточиваются в других организациях), но в своем большинстве - не сачки и не предатели. Действительно происходит качественное улучшение милицейских кадров, и хотя оно еще далеко-далеко от идеала, но будет происходить непременно: действия милиции определяет Закон, и чем совершеннее и сильнее он будет, тем эффективнее станет "воспитательный процесс".

Тогдашняя милиция и организационно, и по технической базе, и по уровню (прежде всего психологическому) кадров была приспособлена к совсем иным условиям и временам, чем те, которые наступили в годы драматического перелома.

В прежние времена за милицией стояла сильная, едва ли не слишком сильная власть, которая вдруг стала рушиться, слабеть, раскалываться, вплоть до того, что в начале девяностых в Крыму было просто юридически неясно, кто командует и кто платит жалованье.

Вдобавок золотое совковое времечко обвешало каждого милиционера таким грузом правил и инструкций, что серьезно бороться не то что с вооруженными бандитами, но и с уличными хулиганами было сложно.

Слабость технической базы милиции давно стала притчей во языцех. Ко всему прочему на эту слабую базу, на табельное оружие, рации, спецсредства, нередко еще и успешно покушались. Кроме того, информаторы, осведомители, просто свидетели и потерпевшие воздерживались от показаний, потому что власть бандитская резко стала оперативнее и круче.

Начало доходить уже до того, что вопреки давней традиции "с ментами не считаться" бандиты стали совершать теракты против офицеров милиции.

Самым громким, буквально всколыхнувшим Крым, преступлением стало жестокое убийство рецидивистами, которых "он посадил", участкового инспектора села Вилино Бахчисарайского района майора милиции Василия Кулыняка, его жены и двоих сыновей. Несколько десятков сотрудников милиции погибли при попытках задержания бандитов в городах и районах, в том числе и на автодорогах.

Апофеозом стало совершенное позднее и по сей день окончательно не раскрытое (следствие продолжается) убийство одного из самых добросовестных и грамотных офицеров, начальника отдела по борьбе с организованной преступностью полковника милиции Николая Зверева...

Потеряв терпение и воспользовавшись некоторым тогдашним усовершенствованием законодательства (в частности, возможностью задержания на срок до 30 суток без предъявления обвинения), в ноябре 1991 года милиция нанесла первый ощутимый удар по бандитским объединениям.

Удар, как это неоднократно происходило и впоследствии, оказался несбалансированным: у "Руси" был арестован (в четвертый, кажется, раз) Дзюба с новой своей основной бригадой - Митиненко, Ковалев и Бойчевский, а также задержаны (но через месяц отпущены) Виктор Башмаков и Николай Кожухарь (Молдаван).

При задержаниях и обысках, которые происходили практически синхронно по городу, у боевиков изъято оружия, как у доброго пехотного взвода: сорок один ствол, полдюжины гранат, несколько сотен патронов, бронежилеты, рации...

Арестованных было бы больше, операция планировалась серьезная, и, если бы не утечка информации, милиция нанесла бы радикальный удар преступным объединениям. А так часть бригадиров и боевиков временно перешла на нелегальное положение, а несколько авторитетов, в том числе Сахан и Жираф, ударились в бег.

Сахан, по заранее заготовленному загранпаспорту на имя Александра Орлова, попытался выехать из страны, но его, несколько позже, опознали и задержали чуть ли не у трапа круизного лайнера в Сочи.

Жирафу сбежать за границу удалось, он перебрался в Польшу, но меньше чем через год его достали и там (по распространенному предположению, это были боевики Дзюбы) и пристрелили за рулем машины на трассе под Лодзью.

Достали, кстати, и Сахана, который после задержания усиленно "косил под психа", избегая суда, и почти два года кочевал по спецотделениям психиатрических больниц Украины. Так, не снимая больничного халата, он и погиб. Его выманили из палаты (там находился и собственный телохранитель), сообщив, что приехала племянница. Она действительно приехала проведать дядю, но снаружи, во дворе, его ожидали и другие. Сахан сразу же узнал своих бывших подельщиков, понял, зачем они здесь, и бросился бежать, но кончилось бандитское везение: его расстреляли из "ТТ" прямо во дворе городской психиатрической больницы в Симферополе.

Но это практически неизбежный конец всех преступных авторитетов. Более того, все преступники, у которых есть хоть проблески самосознания, понимают, пусть самыми отдаленными уголками разума, пусть почти инстинктивно, что век им отпущен короткий, что если и суждено долго прожить, то либо за "колючкой" зоны, либо резко уйдя от дел несправедливых. Правда, останавливает это не многих.

Глава 2 ПО ВОЛЧЬИМ ПОНЯТИЯМ

Объединения гангстеров всегда стремятся распространиться "по максимуму" и в пространстве (отсюда - непрерывные стычки, разделы и переделы зон влияния, отсюда и наезды на все новых и новых жертв), и во времени они пытаются выжить, меняя формы и методы "работы", но не меняя сути, даже в те времена, когда их существование уже не закономерно, когда "тень" практически исчезает, когда укрепляются, скажем, демократические нормы.

...Призрак бродит по Европе, призрак бандитизма. Ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе созревают люди, которые чувствуют простоту и какую-то естественность, что ли, Права Сильного, - и никак не могут принять, что всем, и им самим, и каждому другому, возможно нормально жить и работать только в обществе, где Сила не имеет имени, а только название.

И название это - Закон.

МЕРТВЫЙ ГОРОД

Если посмотреть на карту полуострова, то видно, что "ромбик", подвешенный на тонкой нитке перешейка к материку, искажен - вытянут на восток, завершаясь еще одним,

Керченским полуостровом, где расположено несколько поселков и город-герой Керчь, он же Корчев времен Киевской Руси, он же Пантикапей эллинской поры.

Территория почти всего Керченского полуострова - так называемый Ленинский район (не переименованный) с райсоветом в поселке Ленино, бывшем старом селе с прекрасным названием Семь Колодезей.

Район этот по площади самый большой в Крыму и, как писали в путеводителях, "омывается водами двух морей". Но высокими сельскохозяйственными показателями не отличался, несмотря на днепровскую воду, поступающую по каналу. Однако у района были все основания стать одним из важнейших в Крыму: здесь строили крупную атомную электростанцию, которая могла бы совершить переворот во всем хозяйстве Причерноморья и Приазовья.

Успели угрохать много миллионов еще настоящих, "советских рублей", выстроили огромные корпуса, несколько вспомогательных заводов и поселок строителей, который затем, предполагалось, станет городом энергетиков, - Щелкино, названный в честь одного из корифеев мирного и военного атома в нашей стране, трижды Героя и лауреата академика Щелкина, одно время работавшего в Крымском университете.

Затем, когда благодаря перестройке и гласности у нас стало возможно не только думать, но и говорить, выяснилось, что станция "привязана" к одному из немногих мест, где строить нельзя, а уж ядерный объект - просто недопустимо. Когда экологи более-менее внятно, образовав целое ну очень шумное общественное движение, объяснили, почему и как и к чему это все неизбежно приведет, стройку века заморозили. Сначала станцию пытались перепрофилировать, потом мечтали устроить учебный центр Минатомэнерго, потом денег не стало вообще.

И поселок, небольшой, но вполне обустроенный, стал живым трупом. Пустые улицы без названия, предприятия без работы и рабочих мест. Над всем этим унынием безмолвно возвышается остов недостроенной атомной электростанции, которая должна была стать надеждой региона, чудесным средством для его преобразования.

Если бы станцию "посадили" в паре десятков километров от геологического разлома или если бы ее начали строить на пару-тройку лет раньше, когда думать полагалось только по ранжиру... Однако история не терпит сослагательного наклонения, и ни рукотворного, ни тем более эзотерического чуда не произошло.

Стройка не оправдала ни вложенных в нее средств, ни ожиданий тысяч людей, связавших с нею свою судьбу. Ни потока дешевой энергии, ни рабочих мест. Город, выстроенный вокруг ее блоков, остался без будущего. Строительство заморозили, без работы остались строители, в своем большинстве люди приехавшие, не имевшие до этого ни кола ни двора, зато многие уже с криминальным опытом. Их согнали со всей необъятной страны на ударную стройку. Кто бы еще пошел в палатки, разбитые среди необжитой степи?

Эти люди так навсегда и остались в степи, весьма живописной своей суровой вневременной красотой, но удушающе знойной летом, пронзительно холодной зимой и пустой во все времена года.

Постепенно люди приспосабливаются к самым тяжелым условиям, отыскивают способы пропитания и вообще деятельности, тем более, если им не мешают. Но для этого нужно время, нужны определенные внутренние установки, нужна ломка психологии. Если же слом привычного образа жизни и деятельности происходит резко и непредсказуемо, в первое время наступает тяжелейшее потрясение.

Это наиболее остро почувствовали в Крымском Приазовье в 1993-1994 годах, когда в связи с сокращением производства тысячи людей остались без работы, а многие и без средств к существованию, и практически все - без сбережений, как говорится, без копейки за душою на черный день.

Беспросветность, "безнадега", безвластие, и ни свободного куска хлеба, ни даже бесплатных похорон... Результат - наркомания, грабежи, насилие; к существовавшим здесь

всегда браконьерству и контрабанде добавились разбой, рэкет и бандитизм. Обирали полунищих "своих", грабили немногочисленных туристов, привлеченных дикой красотой Азовского побережья, выезжали на преступные гастроли в другие города Крыма и Новороссии...

Как грибы после дождя стали появляться преступные группы, банды.

Инициатором и вдохновителем самой "черной", самой brutальной и самой печально известной банды стал ранее неоднократно судимый, или, как это звучит по судебному определению, особо опасный рецидивист - тридцатилетний Петр Бабака. Это именно ему принадлежит идея объединения всех жителей Крыма в одну сильно организованную преступную группировку, разделенную на мужчин и женщин, молодых и старых, красивых и не очень.

КРУТОЙ НИЦШЕАНЕЦ

По воспоминаниям местных жителей, Петр Бабака работал рядовым электриком, был человеком достаточно известным на станции, хотя и не слишком удачливым.

Специалистом он был классным, часто работал по домам и квартирам, устраняя жильцам неполадки в электрооборудовании и проводке. Говорят, что задолго до прихода к нам западных технологий он самостоятельно собирал вполне современные средства связи и даже телекоммуникационные приборы, позволявшие принимать ранее недоступные программы. Руки у него были, что называется, золотые. Но амбициозного и своенравного Бабака, увлекавшегося трудами Ницше и Гитлера, не устраивало его место в обществе. Он претендовал на лидерство и даже носил маленькие черные усики.

В отличие от множества предшественников, которые становились гангстерами вроде как неосознанно, в силу обстоятельств и внутренней ориентировки на "первую власть", власть силы, ницшеанец Петр к этому шел сознательно и методично, и практическая "деятельность" только началась, когда кризис парализовал провинцию.

Все было продумано и подготовлено, и все осуществлялось по плану. Умный и властный, расчетливый и жестокий, он подбирал себе команду исключительно из местных. С одной стороны, парни должны были хорошо знать район, в котором им предстояло действовать, с другой - испытывать определенные материальные трудности, чтобы согласиться на предложение Бабака, в-третьих, иметь семью, чтобы ими было легче управлять.

Таких людей не пришлось долго искать: с застоем в производстве и сокращением рабочих мест создалась целая армия рабочих рук, которым было все равно, чем добывать себе на хлеб - кельмой, гаечным ключом, долотом или автоматом.

Правой рукой Бабака стал Геннадий Продан, уроженец Ленинского района. Отец его дважды отбывал срок за различные преступления, он сам тоже не минул участи отца. После отсидки работу не нашел (это уже стало непросто, а Геннадий особо и не стремился), промышлял рэкетом и шантажом. В конце 1993 года его нашел Бабака и сделал предложение, от которого тот не отказался.

Кстати, по большому счету он в своем первом напарнике не ошибся - после смерти Бабака члены банды единодушно признали лидерство Геннадия, так как Продан не уступал Бабаке ни в дерзости, ни в жестокости.

Продан предложил задействовать двадцатилетнего Виктора Никерова. Тот, в свою очередь, привел на встречу своего одноклассника и соседа Эдуарда Туника.

Позже, в 1995-м, в кассационной жалобе об изменении приговора Туник так опишет свою первую встречу с Бабаком: "С 1986 года я проживал в Щелкине со своими родителями. В 1993 году женился. Никерова я знал еще со школы, мы поддерживали дружеские отношения после армии. Я ходил с ним в спортзал, где позднее познакомился с Проданом, Кравцовым и Бабаком, который был тренером по боксу. Познакомившись поближе, Бабака предложил мне войти в группу, заниматься рэкетом...".

Еще одним "новобранцем" стал двадцатидевятилетний Виктор Кравцов, бывший участник войны в Афганистане. В дело он вошел быстро: уже в конце 1993 года именно у него на квартире Продан с еще одним дружкой, Формановым, "прессовали" несчастного автовладельца, избивая и демонстрируя готовность вытолкнуть беднягу вниз с восьмого этажа, пока тот не согласился переоформить на них свой автомобиль.

Помимо дерзости, жестокости, безжалостности и тяги, почти страсти к насилию, все "волки" были наркоманами, что поощрялось главарем.

Петр Бабак рассчитывал структуру банды и ее будущие действия с математической точностью. Задолго до вербовки по каналам, известным не одному ему - были бы деньги, - он приобрел для будущих "волков" оружие: три "Калашникова", карабин, пистолет Макарова, пистолет-пулемет Шпагина, несколько ружей, боевые гранаты, взрывчатку. За городом, на пустыре, присмотрел место для полигона.

Как только появилась команда, они регулярно выезжали на сигаретные стрельбы. До слуха жителей расположенных неподалеку домов иногда доносились просьбы закурить, но они оставались слепоглухонемы к этим мольбам, и не рассказывали, где можно раздобыть огоньку, лишь издевались над бедными "волками", рассказывали, кто им товарищ, и советовали выйти за красные флажки.

«Волки» до утра шатались по городу в поисках хотя бы самого маленького окурка, но, ничего не находя, убегали, оставляя за собой кровавые следы (они не беспокоились о каких-то там пятнах). Скупые горожане не роняли слова, особенно такие, как «здравствуйте», «пожалуйста», «извините», они их бережно хранили и редко лазили за ними в карман.

Одни - таких, к сожалению, большинство - боялись Бабака, другие любили бабки, третьи откровенно симпатизировали подвигам своих соотечественников, которые смогли ослабить тиски "мертвого" города некромансеров, победив злого вампира по имени Сандро.

Бояться последнего были все основания.

Легальная власть в районе, где, кстати, до сих пор нет нормальной связи, весьма немногочисленны и весьма плохо оснащены правоохранительные органы, где не хватает самого элементарного для жизни и нет работы, - очень слаба.

Весьма вероятно, что уже к началу деятельности предусмотрительный Бабак нашел если не помощников, то информаторов в административных и силовых структурах. Поэтому, если бы кто "стукнул", он узнал бы об этом раньше, чем наступила бы легальная реакция. А на расправу "волки" были скоры; не случайно большинство из жителей Щелкина и района, которых "волки" грабили, предпочитали молчать.

Одна из главных задач, ставших перед организатором банды, заключалась в подборе "базы". Необходимо было отыскать укрытие, где можно было бы прятать награбленное, в том числе и автомобили, пережидать облавы и чувствовать себя в относительной безопасности, иметь несколько путей отступления. В небольших поселках района, где все и все в общем-то на виду, это представляло определенную трудность и риск - каждого молчать не заставишь.

Выбор членов банды пал на каменоломни, находившиеся недалеко от села Семихатка.

Каменоломни эти несколько меньшие, чем не столь отдаленные Аджимушкайские под Керчью, где во время войны чуть ли не год держали героическую оборону несколько сот красноармейцев против целой немецкой дивизии, но тоже немалые.

Запутанные лабиринты штолен после небольшой предварительной работы превратились в "логово", которое могло укрыть в себе как преступников, так и следы их преступлений.

"ВОЛЧЬЯ СТАЯ"

Банда начала свою деятельность с краж, налетов на коммерческие лотки и дома чуть более обеспеченных людей. Аппетиты росли: не довольствуясь тем, что можно взять в домах и карманах, стали вымогать и то, что было достаточно далеко. Жителя Щепкина А. П., у которого сохранилась квартира в Киеве, вывезли в лесок, сначала только запугивали, потом били, да так, что проломили грудину, а потом приковали наручниками к машине, воткнули палец в колпачок свечи и запустили мотор. Какое напряжение зажигания у "девятки", вы знаете...

После серии удач Бабак понял, что команда, "волчья стая", достаточно мобильна и послушна, поэтому решил, что настало время для более крупной операции.

Повторим еще раз, что Ленинский район, омываемый с двух сторон Азовским и Черным морями, самый большой по площади в Крыму и в то же время самый "глухой". Плотность населения здесь незначительная, на многие десятки километров тянутся пустынные степи, в редких хуторах и рыбацких поселках чаще всего отсутствуют телефоны, нет радио, телевидения, сюда не доходят газеты. Люди оторваны от жизни, но значительную часть населения, особенно живущих "от земли" и "от моря", это мало тяготит, а для действий банды условия благоприятные.

(Позже, когда ловили банду, милиция столкнулась с проблемой информационной блокады района. О банде знал почти весь Крым, Украина, поминали российские издания, а в Ленинском районе о ней знал не каждый).

Начиналось лето. Побережье в Ленинском районе никогда не было забито отдыхающими, поэтому туда любили приезжать люди, не терпящие суеты. Приезжали, как правило, издалека, своим узким кругом на несколько недель, с автомобилями и всем необходимым для длительного пребывания в полевых условиях.

Бандиты это хорошо понимали. Знали они и то, что в случае возникновения проблем дозвониться в милицию людям будет нелегко. Да и не каждый побежит в райотдел, особенно если человек из другого, пусть даже из соседнего государства. Наверное, поэтому поначалу в милицию не поступали заявления, когда бандиты просто обкладывали отдыхающих данью в обмен на спокойный отдых. Но аппетиты росли...

В июне в районе села Золотое, в Генеральской бухте, остановилась компания из тринадцати человек, прикативших отдохнуть из Москвы и Харькова. Как только в уединенной бухте наметилось оживление, кто-то из местных информаторов сообщил вожаку "волков", и туда под вечер наведалься и Бабак со своими людьми.

Приезжие, как оказалось, были из "крутых". Два джипа, "восьмерка", переносная электростанция, новенький мангал - все это никак не могло принадлежать скромным отдыхающим.

Убедившись, что риск того стоит, Продан, Кравцов и Бабак приступили к разработке деталей операции. Несколько дней они следили за лагерем, установили точное число отдыхающих, места расположения палаток и автомобилей.

Налет произошел 28 июня около полуночи, когда все в лагере устроились на ночной отдых, а один из отдыхающих отправился проверять работу электростанции.

Загрохотали автоматные очереди, над самыми палатками засвистели пули; вспыхнули фонари, и с холмов, окружающих бухту, в сторону палаточного городка ринулись темные фигуры с масками на лицах.

- Руки за голову! К столу! Не дергаться! - И автоматные очереди над головами напуганных неожиданной стрельбой, полусонных, растерянных людей.

Один из них бросился бежать в сторону грунтовой дороги, ведущей к селу. Реакция бандитов была скорой и страшной: прогремела еще одна очередь (позже следствие установило, что в ту ночь из автоматов стреляли Продан, Кравцов и Бабак; кто именно пролил первую кровь, неизвестно, да и не важно), и парень, попытавшийся бежать, рухнул под пулями...

- Выходить по одному! - раздалась команда.

По толпе пронесся шепот:

- Убили!

Один из налетчиков поспешил их "успокоить":

- Не бойтесь, это ограбление. Не дергайтесь, и все обойдется. Золото складывайте перед собой и показывайте, где спрятаны деньги.

Ошеломленные отдыхающие теперь уже безропотно выполняли все требования напавших, справедливо боясь за свои жизни и жизни своих детей.

Обшаривая чужие вещи, налетчики поняли, что компания, которую они грабят, гораздо более крутая, чем могло показаться на первый взгляд. Помимо обилия золота и валюты, в недрах палатки хранились карабины и пистолет, а также около тысячи патронов. Это было редкой удачей.

Бандиты собрали все, что представляло хоть какую-либо ценность: деньги, вещи, одежду, аппаратуру, продукты питания. Сгрузили добычу в две машины, принадлежавшие отдыхающим, а третью привели в негодность.

Самых курортников загнали на плот. Туда же притащили и их срубленного автоматной очередью товарища, который получил серьезные ранения, но все-таки остался жив. Затем "волки" облили бензином деревянный плот и дощатый причал и, на прощанье обнадежив:

- Если в течение часа шелохнетесь, поджарим вас автоматной очередью, - скрылись на угнанных автомобилях.

"Стая" на бешеной скорости полетела сквозь ночь к каменоломням. Машины с награбленным исчезли в просторных штольнях...

Вещи распределили между участниками налета, но большую часть денег и золота Бабак забрал с собой, объяснив, что спрячет их в надежном месте.

Преступный улов в тот раз был действительно велик и исчислялся десятками тысяч долларов. Разумеется, шальные деньги жгли руки, и безумным налетчикам хотелось встряхнуться, расслабиться. Через пару недель они, что называется, "оттянулись".

Посетители бара "Зацеп" пансионата "Ярославский" надолго запомнили вечер 17 июля, когда в зал заглянули парни из Щелкина. Даже по походке вновь прибывших можно было догадаться, что посторонним нужно уносить ноги. К сожалению, гости из Краматорска, незнакомые с местными обычаями, вовремя не распознали опасность и повели себя самым обычным образом, не теряя достоинства. А когда их выволокли на улицу и набросились всей "стаей" избивать по-боксерски профессионально и по-бандитски грязно и жестоко, достойное сопротивление оказать уже не удалось. Тем более, что Бабак, к тому времени не расстававшийся с пистолетом, обнажил ствол, и "волки" били несчастных ребят, под угрозами вожака в любую минуту "поставить свинцовую пломбу".

Чтобы отбить у кого бы то ни было желание преследовать его "волков", он несколько раз выстрелил в воздух, после чего вся компания покинула территорию пансионата, оставив избитых туристов на земле перед баром.

Еще несколько ограблений произошло в общем-то по той же схеме, иногда с большим насилием и кровопролитием, если жертвы пытались оказать сопротивление. Например, одного парня (москвича) избили, затем заставили раздеться догола, загнали по грудь в воду и полоснули автоматной очередью над головой, "чтобы не высывался".

О разбойничьей банде, кстати не слишком сгущая молоко, зашумели в прессе, ее данные метко попадали в сводки республиканской милиции, но сообщения поступали с большим опозданием и далеко не всегда были конкретны. Кроме того, смущало отсутствие очень больших вещественных доказательств - солидных и весьма приметных джипов. Почему-то в распоряжении следствия оказывались только игрушечные, детские джипы! Как сквозь землю проваливались и машины, и вещи, и даже местным

ироническим детективам, которые знали о каменоломнях, довольно долго ничего не приходило в голову.

Но без конца такое продолжаться не могло, по крайней мере, сам Бабак, бандит вполне расчетливый, не наркоман и не алкоголик, это наверняка знал и готовился заранее, нет, не завязать, а сорваться куда подальше. После каждого дела забирал львиную долю и где-то прятал, объясняя поделщикам, что так все сохранится надежнее.

Но остановиться, как правило, труднее, чем начать, всегда кажется, что вот еще одно, ну вот последнее дело, вот еще такая возможность.

И конечно же сказывалось и настроение "волков", которые зверели налет от налета, жили переменяя насилие и наркотики.

На следующее ограбление, последнее из совершенных бандой в полном составе, "волки" Бабака вышли 20 июля. Накануне главарь и его правая рука Геннадий Продан проезжали по побережью неподалеку от села Каменское все того же Ленинского района и заметили, что очередная группа новеньких отдыхающих разбила лагерь. Рядом стояла и привлекательная "Ауди-100".

Решено было действовать той же ночью.

Вновь в полночь, вооруженные до зубов, все члены банды нагрянули в лагерь. Сценарий тот же: маски, автоматная пальба, фонари - все как в кино, только страшнее, потому что пули визжат над самой головой, пороховая гарь бьет в ноздри и тебя, именно тебя толкают грубые руки или подпирает в бок горячий жесткий ствол "калаша"...

Семеро взрослых не оказали никакого сопротивления, опасаясь за жизнь малолетних детей.

Бандиты не церемонились и забрали все, включая детскую одежду, продукты питания, постельное белье. Погрузив награбленное в отобранную "ауди", они скрылись.

Вся операция заняла чуть больше часа. Остаток ночи и следующий день до обеда "волки" провели в своем логове в каменоломнях, перебирая вещи и сжигая ненужное им добро.

МИЛИЦИЯ ВЫШЛА НА СЛЕД

Сигнал в милицию об этом очередном бандитском нападении дошел в рекордно короткие сроки. На поиск дерзких преступников был поднят практически весь личный состав. Следы "ауди" определенно проходили вдоль побережья, в глубь Керченского полуострова, и растворялись на одной из дорог с твердым покрытием. Но где конкретно могли прятаться преступники на территории огромного района, было неясно.

Один из автомобильных экипажей патрулировал район села Семисотка. Старшим патруля был назначен инспектор дорожно-патрульной службы старшина милиции И. Фарафонов. Помимо него, в экипаж входил стажер уголовного розыска. Естественно, оружие было только у Фарафопова.

Подъезжая к Семисотке, инспектор ГАИ вспомнил, что лучше всего эти окрестности знает его коллега, старший лейтенант Тарасенко.

В этот день у того был выходной, однако старлей не отказался от участия в патрулировании. Именно Тарасенко и пришла в голову мысль проверить штольни.

Милицейский патруль направился к побережью, в окрестностях которого находились известные каждому местному мальчишке каменоломни. Штольни тянулись под землей на много километров, и обилие выходов на поверхность делало их удобным тайным убежищем.

Милиционеры не спеша направились к входу.

- Я пацаном здесь лазил, - говорил спутнику Тарасенко, - для местных мальчишек забавы лучше не придумаешь - лишь бы по темным коридорам полазить, в войнушку поиграть...

Словно в подтверждение его слов из темноты прохода показалась чья-то фигура. Милиционерам показалось, что это подросток.

Парень вышел на свет и, только когда его глаза адаптировались к солнечному освещению, увидел людей в милицейской форме. На мгновение парень остолбенел, а затем с пронзительным криком "Пацаны! Атас!" - бросился обратно в темноту подземного коридора.

Не родился еще милиционер, которому бы не показалось такое поведение странным; а уж тем более, что заметили у парня в руках предмет, выражаясь протокольным языком, "похожий на ружье". Фарафонов с Тарасенко отослали стажера за подкреплением в райотдел, а сами решительно продолжили спуск.

Через несколько мгновений раздались выстрелы. Оглянувшись, Тарасенко увидел три головы над грудой камней. Оттуда, из-за прикрытия, и велся огонь.

Тарасенко пригнулся: у него было всего несколько мгновений, чтобы оценить ситуацию и принять единственное решение.

Отстреливаться невозможно - пистолет был только у Фарафонтова. Да и один "макар" против трех стволов - неубедительно. И стреляют из-за камней, а они здесь как на ладони...

Тогда Тарасенко бросился к штольне, надеясь в ее мраке скрыться от снайперов.

- Беги за мной! - крикнул он Фарафонову и побежал вперед.

Некоторое время он слышал за спиной шаги Фарафонтова. Потом, уже у входа в каменоломни, почувствовал толчок, резкую боль в плече и понял, что ранен. Однако, собрав все силы, он все же забежал внутрь, пробежал через галерею и спрятался в правом коридоре, - знал, что там безопаснее.

Потеряв в темноте из виду фигуру Тарасенко, Фарафонов, не зная этих мест, побежал, наоборот, вправо. Он бежал до тех пор, пока не ударился об автомобиль "ауди". Бандиты преследовали его и трижды ранили – в плечо, спину и лицо, - с такими ранениями он не мог далеко уйти и упал на дороге.

Бабак и Продан принялись искать Тарасенко, но тщетно - старший лейтенант скрылся в темноте знакомых с детства выработок. Один из членов банды предложил подорвать проходы штолен, но мин с дистанционным управлением у "волков" не было, а использовать гранаты они не решились - в результате взрывов могли обрушиться потолки галерей.

Создавалась безвыходная ситуация. В штольнях спрятался опасный свидетель, которого бандиты не могли найти и устранить. И очевидно, что убежищем больше пользоваться нельзя. Милиционеры же не просто так отправили куда-то своего третьего на машине, наверняка за подмогой. Все входы-выходы из штолен проконтролировать "волки" не могли, да и не собирались держать оборону. Поэтому Бабак отдал команду грузить джипы, а сам с Проданом принялся допрашивать раненого о маршруте милицейских патрулей и количестве личного состава, задействованного в операции. Затем по штольне пронеслось эхо двух выстрелов - Продан добил раненого, беспомощного милиционера.

(На суде Продан утверждал, что милиционера застрелил Бабак. Свидетели и баллистическая экспертиза доказали обратное.)

Бросив труп Фарафонтова в штольне, банда пересела на джипы и навсегда покинула каменоломни, столько времени служившие им укрытием.

А получасом позже прибыла оперативная группа, вызванная стажером.

Перед въездом в самую широкую штольню, где стажер (фамилию его просили не называть) расстался с Тарасенко и Фарафоновым, валялась грудка стреляных гильз.

В коридоре штольни лежал окровавленный труп Фарафонтова, а в глубине коридоров сотрудники милиций обнаружили раму сожженного автомобиля, угнанного у москвичей.

Нашли они и раненого безоружного старлея Тарасенко, который, несмотря на серьезность ранения и обильную кровопотерю, все же сумел добраться до основного коридора.

Два джипа тем временем мчались по направлению к селу Калиновка. Один автомобиль вел - Продан, другой - Бабак. Опасаясь преследования, преступники гнали машины на безумной скорости. Возможно, именно поэтому автомобиль под управлением Бабака перевернулся, и ему пришлось пересест в машину Продана.

Доехав до Калиновки, бандиты разделились. Дальше решено было скрываться по отдельности. Бабак с Никеровым ушли пешком, остальная часть команды оставалась "на колесах".

Именно на нее и наткнулись работники милиции на следующий день.

...Усиленные милицейские патрули днем и ночью курсировали по близлежащим районам. Каждого участника патрулирования особо предупредили, что преступники вооружены и особо опасны, описали приметы автомобилей. Дополнительно "заводить" милиционеров не требовалось - работали профессиональная честь и мужская солидарность.

Двадцать первого июля около 16 часов прямо на патрульный "УАЗ", в котором находились пятеро сотрудников милиции, выскочил из-за поворота джип, обогнул патрульную машину и, не сбавляя скорости, помчался по дороге. За рулем джипа сидел Продан, рядом находились Кравцов и Туник.

- Принять вправо! Остановиться!

В ответ - только рев мотора. Расстояние еще позволяло стрелять из "Макарова", патрульные выхватили оружие, но на бандитское везение на дороге появился автобус, везший детей к морю; под его прикрытие и метнулись "волки", а затем, свернув на грунтовую дорогу, прибавили скорости.

"УАЗ" начал преследование, и тут же в его лобовое стекло полетела автоматная очередь. Милицейский "уазик" продолжал преследование, пятеро парней в форме, вооруженные табельными "Макаровыми", эффективными только в ближнем бою, шли на автоматные стволы, но джип с более мощным двигателем уходил все дальше и дальше и вскоре совсем скрылся из виду...

Экипаж вернулся в райотдел, где участники преследования по фотографии опознали автоматчика. Снайпером был Кравцов.

Из приговора:

"Судебная коллегия считает, что, произведя автоматные очереди с расстояния 60 - 70 метров по машине, где находились сотрудники милиции, исполняющие свой долг по задержанию банды, Кравцов сознательно допускал лишение их жизни и стремился к этому, что подтверждается наличием сквозных пулевых отверстий в металле кузова в непосредственной близости от работников милиции, но Кравцову не удалось привести свой замысел в исполнение по независящей от него причине. Продан, который управлял машиной, и Туник, находившийся на заднем сиденье, не возражали против действий Кравцова и поддерживали его советами, чем совершили участие и пособничество в покушении на жизнь работников милиции..."

После стрельбы по патрульной машине бандиты скрывались в самой глухой части Ленинского района. Зброшенне пансионаты на время стали им пристанищем. Там они прятали автомобили и прятались сами, но, естественно, вели себя так, как уже не могли себя не вести: устраивали попойки и пальбу, по мишеням и просто так.

Милиция наступала им на пятки, но тройка Продан - Никеров - Кравцов успешно уходила от преследования, пользуясь поддержкой местных жителей.

Как ни прискорбно, но это именно так: местные рыбаки (читай - браконьеры) и крестьяне (читай - саботажники) предупреждали "волков" о милицейских проверках, предоставляли убежище, продавали съестное и выпивку.

Мертвый остов атомной электростанции сослужил бандитам последнюю службу: свел обе части "волчьей стаи" вместе. Бабак снова воссоединился со своей бандой, но к этому времени "волки" уже не видели в нем необходимости. Очень многое не устраивало членов банды в их руководителе: его жестокость, из-за которой они все оказались обречены на войну с милицией, его жадность и диктат.

Ну а больше всего раздражало то, что о судьбе большей части похищенных денег и золота знал только он и никого в нее не посвящал. Все чаще и чаще "волки" говорили между собой, что Бабак собирается захватить их денежки, добытые кровавыми трудами, и смыться, скорее всего, не просто так, а избавившись от "стаи".

- Если бы мы не убили его, он убил бы нас, - в один голос заявляли подсудимые.

В этом они окончательно убедились, вновь встретившись в циклопическом бетонном лабиринте мертворожденной станции.

Если когда-то по мотивам дела "бабаков" будет снят художественный фильм, то центральная сцена будет происходить именно там, в непомерно огромных пустынных залах, бесконечных коридорах с выбитыми стеклами и осыпающейся штукатуркой, среди груд слежавшегося строительного мусора, битого камня и ржавеющего металла. Причудливое эхо будет всколыхиваться и замирать, подхватывать и перевирать выкрики, брань и шепот.

У сцены будет жесткое драматическое напряжение: главарь, который и расчетливее, и хитрее, и авторитетнее всех и каждого в отдельности, старался манипулировать "волками", стравливая их друг с другом, попеременно сближаясь, сговариваясь то с одним, то с другим и пытаясь всячески избежать слияния их в команду. Уговоры и угрозы, лесть и оскорбления, шантаж и посулы - все шло в ход и сработало бы, но...

И вот это "но" явственно читалось в раскаленном грязном бетоне стен, в иссушающем ветре, разносящем по коридорам едкую пыль, в зловонии и хлюпанье воды, залившей подземные туннели и колодцы, в потных, небритых, ожесточенных лицах "волков".

Так явственно читалось, что сам ницшеанец, посчитавший себя некогда вправе вырваться из паутины умирающего города ценою судеб и жизней прочих, начал все чаще срывать на крик и на угрозы.

После полнолуния наступило утро, и "волкам" стало понятно, что никакие они не «волки», а всего лишь люди. Поняв, что Бабак скорее сдаст экзамены в Сорбонну, чем позволит уйти всем, возник замысел избавиться от главаря.

Сам Бабак, почувствовав, что "всех" ему уже не удастся подчинить и выиграть необходимое время и свободу действий, устав ставить на красное, сделал ставку на Кравцова. Намакал ему на то, что неплохо было бы уйти вдвоем, сбросив "ненужный балласт".

Однако Бабак просчитался: после убийства милиционера и для Кравцова, и для остальных "волков" больше не существовало непререкаемых авторитетов, и взгляды, которыми обменялись члены стаи, оказались значительно слабее слов.

Вот это, пожалуй, одна из самых главных и устойчивых закономерностей организаций, основанных на власти одной только силы.

Группировка или организация, как бы мала или велика она ни была, устойчива только до той поры, пока выгоды объединения и страх перед вожаками превышает личные интересы ее членов.

Если любая часть группы почувствует свою силу и свою возможность "работать" самостоятельно, произойдет раскол.

Если приходится выбирать между своей жизнью и жизнью вожака, последний обречен.

Настоящие человеческие чувства в группировке, основанной на власти силы, возможны только как случайность, побочное явление.

Бабак предусмотрел многое, подбирая себе "волков" из молодых, но семейных наркоманов, каждый из которых еще до вхождения в "стаю" признавал и принимал его авторитет, повязывая их кровью и общими преступными интересами. Но все это действовало только до поры до времени, пока не появились факторы, превышающие иерархические отношения.

Понять же, что порог перейден, кровавый нищеанец не смог.

ВЕЗЕНИЮ - КОНЕЦ

В последний раз в полном составе банда собралась в недостроенном здании пионерского лагеря "Полет". Требуя по-прежнему беспрекословного подчинения, Бабак сам окончательно подписал себе смертный приговор, который привел в исполнение Никеров с молчаливого согласия остальных участников банды.

Он всадил пулю в голову вожаку, когда тот прилег отдохнуть.

Тело своего низложенного главаря бандиты закопали в глину под нишей цокольного этажа. Грунтовые воды в то лето поднимались высоко, так что когда труп обнаружили, опознать его удалось только по рисунку зубов.

То, что происходило в последующие дни, представляло собой затянувшуюся кровавую агонию.

Убитый нищеанец конечно же был зверем и беспредельщиком, но планировал четче, действовал более продуманно и не так пьянел от крови, как "волки". История не терпит сослагательного наклонения, возможно, травля бы продолжалась дольше, возможно, крови бы тоже пролилось не меньше, но может быть, он и в самом деле сдал бы подельщиков и оторвался сам куда подальше от Крыма. Накопленные деньги (кстати, судьба их доселе неизвестна; известно только, что сумма ценностей, оплаченных непомерной кровью и страданиями, в сущности, совсем невелика) ему одному, от силы двоим, это позволяли.

Но история пошла иным путем.

Фактически став главарем банды, Продан не давал своим "волкам" ни времени, ни места на раскачку («Продан всё продал» - шутили бойцы). На следующий же день после убийства Бабака он взял с собой Никерова и отправился в поселок Ленине, к дедушке. Тот ласково принял ходоков и напоил чаем без сахара, а потом навел на очередную машину, заслуживающую внимания.

Знакомый Продана чинил автомобиль в своем гараже. Увидев приближающихся "волков", он заподозрил неладное, но вида не показал.

Продан начал разговор без предисловий.

- Ты должен тысячу двести долларов, - заявил он очередной жертве. - Кроме того, сейчас же пойдем - переоформишь на меня тачку.

Парень, у которого были все причины сомневаться в размере и вообще в наличии долга, а "шестерка", по сути, представляла его единственное достояние, отказался. А Продан находился в таком состоянии, когда малейшее прекословие приводило его в бешенство. Мгновение - и ствол в руках беспредельщика.

Грязная брань - и крик:

- Гонишь, падла? - И, не дожидаясь ответа, новый главарь в упор расстрелял автовладельца.

Труп перетаскивали за гараж и бросили в траву, "шестерку" вывели из гаража и отправились в лесополосу, где их поджидали Туник и Кравцов. Бандиты переоделись, приняли еще дозу и отправились колесить по окрестностям.

События развивались со стремительной быстротой. Псы пьянели от вида крови. По малейшему поводу их руки тянулись к спусковому крючку. И труп молодого парня из Ленине в тот роковой день не был последним на их черном счету.

В выходной супруги К. выбрались на огород копать картошку. Дочь тоже собиралась поехать вместе с родителями, но в последний момент передумала, осталась позагорать. Родители обещали вернуться за ней под вечер, но когда все сроки прошли, а они не появились, девочка не на шутку обеспокоилась.

...Около шести вечера автомобиль с бандитами проезжал мимо садово-огородных участков в районе села Владиславовка соседнего, Кировского района. В глубине поля они увидели новенькую "девятку" - а в их купленной за две пули "шестерке" бензин был на исходе; кроме того, ориентировку на ее пропажу уже могли передать постам дорожно-патрульной службы, - и бандиты решили "сменить машину".

На тот момент лишь у одного Туника руки были, что называется, непосредственно не замараны кровью, он впрямую еще не принимал участия в убийствах. Решено было, в прямом соответствии с бабаковским воспитанием, исправить эту ошибку, чтобы "не сорвался", чтобы не надеялся, что в случае чего сможет сравнительно легко отделаться от закона.

Хозяева машины, ничего не подозревающие горожане, муж с женой, работали рядом друг с дружкой на своих любовно ухоженных, обильно политых потом шести сотках.

Теперь к поту прибавилась кровь.

Из подъехавшей "шестерки" выскочил Туник, вооруженный автоматом. Короткая очередь - и супруги пали замертво.

Новый вожак, Продан, подошел, осмотрел итоги кровавой "присяги" и на всякий случай контрольным выстрелом прострелил еще слабо трепыхающееся сердце невинной жертвы.

На сей раз тела убитых сбросили в оросительный канал и наскоро забросали землей. Там же, в канале, утопили и "шестерку", справедливо опасаясь, что машину опознают.

"Девятку" они позже удачно "толкнули" через своих знакомых в Симферопольском районе, куда "волки" перекочевали с Керченского полуострова.

Устроились они недалеко от крымской столицы, сняв частный дом в селе Укромном. Оттуда выезжали на дело, там же, по соседству, сбывали угнанные автомобили.

Вымогательства и разбойные нападения продолжались до октября, и на автодорогах, и в пригородных селах. Их перечисление, изобилующее столь же кровавыми, черными и грязными деталями, как и предыдущие эпизоды, занимает десяток страниц обвинительного заключения. Брутальный нажим, избиения, а при попытках сопротивления - стрельба.

Однако теперь "волки", выходя на дело, чаще стали переодеваться в милицейскую форму. Так они "взяли" хорошую, набитую импортным барахлом "девятку", которую семья из Краснодарского края перегоняла из Германии домой. Это, в числе немногих дел, обошлось без стрельбы: достаточно было лжемилиционерам приставить ствол к виску малолетней дочери, которая ездила с родителями посмотреть Европу.

Крым полнился страшными слухами, недоумевали даже бандиты из больших "семейств", постепенно переходящие на более тихие методы работы.

"Волков" искали и милиция и "башмаки", действительно искали по всему Крыму, но, видимо, с наибольшим тщанием искали все-таки на Керченском полуострове, а не в десятке километров от Симферополя, в селе, где жила мать братьев Башмаковых.

Тем более, что они засветились, опять наведавшись в Щелкино, где по накатанной схеме вымогали машину и деньги (правда, на этот раз обошлось без жертв: щелкинец Л., "воспитанный" рукояткой пистолета и арматуриной, пообещал сбегать за деньгами, но вместо этого проскочил в отделение милиции. Волчье чутье сработало: Продан с Никеровым не стали дожидаться нерадивого "должника" и даже не угнали его "фольксваген", а под покровом ночи вернулись в Укромное).

Однако в октябре везение "волков" наконец-то закончилось.

Семнадцатого октября около семи часов вечера Продан и Никеров ехали на мотоцикле по одной из улиц села Комсомольского, ближнего пригорода Симферополя. У

гаражей стоял милицейский патруль. Один из сотрудников милиции просигналил мотоциклисту, чтобы тот остановился, однако тот начал разворачиваться в противоположном направлении. Почуввав неладное, милиционеры решили задержать водителя. Один из патрульных схватил мотоцикл за руль.

Продан упал. Никерову удалось спрыгнуть, и он быстро побежал в поле. Второй милиционер бросился за ним вдогонку.

- Дяденька, не стреляйте! - закричал преследуемый урка, почувствовав, что просто так от инспектора не уйти.

Когда милиционер приостановился, "волк", действуя в точном соответствии со старым приемом урока, сравнительно недавно вновь продемонстрированным в фильме Алексея Германа, обернулся и выстрелил.

Пуля попала сотруднику милиции в грудь и сбила его с ног. Третий патрульный рванулся к "волку", но прогремели еще два выстрела - и милиционер упал, получив ранения в живот и голову. А Никеров бросился бежать, и ему удалось уйти в сторону ГРЭС и затеряться в лабиринте строений и хоздворов промзоны (грэсовский жилой поселок, в то время вотчина "башмаков", находится на противоположной стороне Евпаторийской трассы); но Продана все-таки взяли.

Взяли, опознали и в считанные часы раскололи, выяснив между прочим возможные места укрытия подельщиков.

На поиски по адресам были направлены несколько оперативных групп, и за два дня Никерова выследили и попытались задержать 19 октября в доме у родственников жены.

Увидев подъезжающую милицейскую машину, Никеров выпрыгнул в окно и через огороды побежал к лесополосе. Дорогу ему преградил оперуполномоченный уголовного розыска. Используя тот же "киношный" прием, "волк" замедлил бег и снова разыграл испуг - и снова удачно, ему удалось выстрелить первым.

Милиционер получил серьезное огнестрельное ранение; однако, истекая кровью, оперативник успел несколько раз выстрелить в убегающего преступника и ранить его в ногу.

При задержании Никеров отчаянно матерился. Так, что даже выдавшие виды оперативники морщились и затыкали уши, из-за чего опасный преступник чуть не ушел...

Туника задержали через несколько дней. Сопротивления он не оказывал и, по его словам, шел попрощаться с родными прежде, чем сдать милиции.

Кравцова так и не нашли.

Суд приговорил всех членов банды, включая Кравцова, к исключительной мере наказания - расстрелу, и приговор был приведен в исполнение, несмотря на прошение о помиловании и отсутствие Кравцова.

Глава 3

"ПАРТИЯ РАССТРЕЛЯННЫХ"

В 1993 - 1994 годах, на волне "независимых" веяний, дальновидные авторитеты активно включаются в общественно-политическую жизнь республики, чтобы обеспечить себе особо благоприятные условия в настоящем и возможность в будущем "контролировать ситуацию".

Так возникают различные организации типа Спортивно-туристического союза, который впоследствии подчинил себе Евгений Поданев, создатель Христианско - либеральной партии Крыма (ХЛПК), которая в недолгую пору своего расцвета насчитывала 168 тысяч членов.

ПОМИНКИ В "КАЛИНКЕ"

Девять дней со дня гибели Виктора Башмакова, поминальная трапеза по расстрелянному вожаку одного из сильнейших преступных объединений полуострова, не задумывались как мероприятие для семьи и круга ближайших друзей. Трудно сказать, по чьему именно замыслу, но эти поминки должны были стать событием в жизни крымского криминального мира, своеобразной демонстрацией (чего именно - скажите каждый себе сами).

Однако то, что произошло в жаркий июльский день, когда, согласно преданию, особенно чтимому людьми, привыкшими к постоянному риску, душа покойного прощается с грешным миром, не мог предвидеть никто или почти никто.

Со временем стало ясно, что произошедшее было своеобразным "трубным гласом", возвещающим начало новых времен.

И в еще большей степени, чем судьба наиболее известного крымского авторитета, произошедшее касалось всех и каждого - наступал новый виток в развитии уже не криминалитета, а всего Крыма.

Внешний ряд событий выглядел примерно так.

Двадцать девятого июля 1994 года все более или менее "авторитетные люди" полуострова, многочисленные друзья и родственники усопшего съезжались в Симферополь для того, чтобы помянуть человека, имя которого, без преувеличения, стало к этому времени легендарным.

Собирались, несмотря на многочисленность званных, только "свои", без излишнего шума, почти скромно, - поминки обычно не превращают в шикарную тусовку. Кроме того, многие гости не хотели афишировать свое присутствие на мероприятии, не посетить которое просто не могли - кто по долгу, кто по каким еще причинам.

Выбор организаторов поминок остановился на месте постоянного сбора "башмаков", не слишком шикарном и неприметном с виду кафе-ресторане "Калинка", в грэсовском поселке на окраине города, недалеко от последнего места земного обитания Виктора Викторовича.

Поскольку помещение при всем желании не могло вместить всех приглашенных, столы с поминальной трапезой накрыли на большой, окруженной живой изгородью площадке у кафе, прямо под палящими лучами немилосердного в это время года крымского солнца.

Столы накрывались человек на восемьсот; к началу церемонии, около 14 часов, собралось уже более пятисот гостей.

Не все знали друг друга в лицо, хотя присутствие посторонних не предполагалось.

Тут и там среди коротко стриженных молодых охранников в адидасовских костюмах китайского производства мелькали лица достаточно известные, порой даже примелькавшиеся горожанам по заборам, газетным иллюстрациям и телевизионным передачам. Как всегда, были здесь и другие официальные лица, правда, как правило, без галстуков, подобно мартышкам, с ног до головы прикрытые темными солнцезащитными очками.

На танцплощадке распоряжался толстый милицейский майор-диджей, еще несколько человек в форме скромно стояли в сторонке, теребя в руках свои жезлы и подчеркивая своим присутствием солидность всего мероприятия.

Ждали одного из главных коллег покойного, севастопольского соратника старшего Башмака, Евгения Поданева.

Вот и его кортеж: крутые машины останавливаются на специальной площадке, выходит сам Папа, за ним еще человек тридцать - ближайшие соратники и охрана.

С приличествующим случаю выражением лица Папа подходит к ближайшим родственникам, целует женщин в черных косынках, борцовским рукопожатием (двумя руками) приветствует мужчин. С прочими гостями здоровается сдержанным кивком; не

исключено, что многих он еще не успел разглядеть, но ведь предполагается, что трапеза будет достаточно долгой.

Закончив формальности, Папа проходит к отведенному севастопольцам почетному месту. Можно начинать.

По сигналу распорядителя все встают для того, чтобы почтить память усопшего.

Царствие ему небесное!

Пустые рюмки возвращаются на столы, все неторопливо усаживаются...

Что произошло в последующие несколько секунд, никто потом толком описать так и не смог.

Стук пододвигаемых стульев, звяканье посуды и негромкий гул голосов внезапно разорвали три громких пистолетных выстрела; некоторые свидетели говорили, что выстрелы были "необычайно громкими". В самом деле, "ТТ" бьет громко, а далеко не все присутствующие слышали в реальности и вблизи пистолетные выстрелы. Разборки, в том числе и та, что произошла в "Калинке", зачастую проводятся при минимуме свидетелей. В телебоевиках же все звучит иначе.

Впоследствии некоторые из очевидцев утверждали, что видели, как от соседнего стола к севастопольцам подошел мужчина, выстрелил в Поданева и бросился бежать, но упал под пулями телохранителей Папы.

Можно вообразить, что тут началось. Со стороны могло показаться, что у кафе "Калинка" идет настоящий бой.

"Примерно в 14.50-14.55, - вспоминал позже один из очевидцев происшедшего (житель поселка, на поминках не присутствовал), - у ресторана зазвучали выстрелы. Перестрелка длилась около 10 минут. Сначала я расслышал три пистолетных выстрела, затем прозвучала автоматная очередь... (На самом деле очередей было несколько. - К.Ч.)

...Когда я выскочил на улицу, то увидел сержанта без фуражки, которого вел под руку, почти тащил какой-то мужчина в штатском. Милиционер был немножко не в себе и на мой вопрос, что случилось, ничего не ответил. Насколько я понял, милиционера довольно крепко побили. Как оказалось впоследствии, он стрелял по какой-то машине. Толпа, не разобравшись, набросилась на него, и дело закончилось мордобоем.

В это время толпа еще кого-то избивала, а выстрелы продолжались...

Как мне рассказали, за несколько минут до моего прихода какой-то парень убегал в сторону детского сада, отстреливаясь из пистолета. Его преследовал другой молодой человек и палил из автомата. Автомат калибра 5,45 мм был впоследствии найден в подвале общежития...

Когда я подошел к "Калинке", то увидел два трупа. Остальных, видимо, увезли в больницу.

В самом кафе, в проходе между столами, лежал убитый Поданев. Еще один убитый лежал неподалеку от детского сада...

Как я понял из разговоров собравшихся людей, восемь человек в спортивных адидасовских костюмах убежали с места происшествия через стадион.

Но больше всего меня поразили бабушки, которые торговали семечками, сидя на парапете недалеко от детского сада. Они не только не убежали, а продолжали заниматься своим "бизнесом", не обращая внимания на стрельбу..."

Всего в перестрелке у ресторана "Калинка" было убито пять человек и четверо ранено; среди раненых был десятилетний мальчик.

Позже в газетных публикациях об этой кровавой драме приводились и иные подробности, сообщаемые журналистам местными жителями - в частности, о дежурившем якобы неподалеку от ресторана самолете Як-40 и т.д.

Однако, кроме следов от колес на плюгавеньком газоне около ресторана каких-либо доказательств этому найти не удалось. Как и ответа на то, кто так безжалостно, хладнокровно и мастерски убрал второго после старшего Башмака криминального

авторитета Крыма. Только почти четыре года спустя многое тайное стало явным, действительная картина событий проявилась и перестала двоиться.

Но уже тогда многие понимали, что погибшие один за другим авторитеты Виктор Башмаков и Евгений Поданев, будучи почти друзьями, существенно различались.

ПАПА ЛЮБИЛ ПОРЯДОК

Евгений Поданев был личностью весьма известной. Достаточно сказать, что на его смерть как аукнулись, так и откликнулись многие крупные газеты, причем не только местные крымские, но и столичные: московские "Литературка", "Комсомольская правда", «Главбух», «Playboy» и даже "Киевские ведомости".

Со страниц журналистских публикаций перед нами предстает отнюдь не заурядный человек.

Некогда он закончил ленинградскую мореходку, но карьеры "морского волка" не сделал - работал всего-навсего на буксире, а позже катал на пони детишек в городском парке. Зато страстно увлекался спортом, прежде всего только вошедшим в моду каратэ.

- Отлично владел ногой... - рассказывал о Поданеве его бывший спарринг-партнер. - Обаятельный парень, правда, не скажу, что верный. Друзей легко предавал. Умел разговорить... И не только... Жестокий. Любимая книга? Пьюзо, "Крестный отец".

В начале восьмидесятых Поданев уже обладатель черного пояса), как говорили, первый в Союзе, кто достиг такого уровня, и - один из первых тренеров-нелегалов.

Подпольные залы, где он учил молодежь, скрываясь от правоохранительных органов, были, по некоторым свидетельствам, забиты до отказа.

Называли Евгения Владимировича в городе не иначе как Папа.

В конце концов над Папой нависли тучи. Старшие читатели наверняка помнят период, когда по всей стране громили школы и кружки восточных единоборств, и, справедливо опасаясь разделить участь таких же педагогов-новаторов, как он сам, и отправиться в места не столь отдаленные, Поданев покинул Севастополь и устроился егерем в лесничестве.

Дальнейшая его биография полна разночтении. Согласно одной версии, в конце восьмидесятых, в разгар кооперативного бума, спустившись с гор, каратист собрал небольшую бригаду и обложил данью севастопольских уличных торговцев и мелких цеховиков; согласно другой, почти героической и, как видно, более соответствующей пожеланиям имиджмейкеров нового лидера, - спустившийся с гор каратист был поражен размахом мелкого рэкета в родном городе и поставил своей целью искоренить его. Он предлагал предпринимателям охранные услуги, решение проблем долгов, неплатежей и так далее.

Папа любил порядок.

В 1992-м он подмял под себя несколько более мелких бригад и раздвинул жизненное пространство до размеров города.

Оставался, как писал один из историографов, главный конкурент, довольно известный спортсмен и предприниматель Н. (Михаил Гудко. - К.Ч.), никак не желавший признать подавляющую Женину крутизну.

Окончательно разобраться с ним мешала могучая крыша - Гудко дружил с небезызвестным Отари Квантришвили.

На торжествах по поводу открытия Крымской обсерватории, проходивших в севастопольском городском Театре имени Луначарского, Отари Витальевич, которому Гудко, естественно, "доложил обстановку", сделал Папе города замечание:

- Слышь, астроном, ты что шумишь? У меня таких, как ты, по пять человек в каждом районе!

Чего стоило в то время замечание Квантришвили, в криминальных кругах знали хорошо. Знал это и Поданев и сделал выводы, притих на время; но зато, как только из

Москвы пришла весть, что Квантришвили убит, немедленно нанес жестокий удар по его севастопольскому наместнику.

...Среди белого дня к одному из городских спортзалов, служившему также штаб-квартирой "спортсменов и туристов", подъехало несколько машин с поданевскими боевиками. Вооруженные цепями и металлическими прутьями, они ворвались в помещение и принялись жестоко молотить всех находившихся там. Для бригады Гудко это было полной неожиданностью.

Сломив сопротивление, поданевцы подвергли офис конкурентов настоящему разгрому, порядочно покалечив и весь "партактив", включая самого руководителя Союза, который с тяжелыми увечьями попал в больницу (лечение прошло успешно; в дальнейшем, после разгрома ХЛПК, Гудко "поднялся" и сейчас возглавляет крупную коммерческую структуру)...

После этого Папа стал единственным полноправным хозяином города. Его власть над Севастополем вскоре признали могущественные "башмаки" - в обмен на союзнические отношения, которые установил с ними Папа.

"Башмаков" и Поданева объединяла общая цель - установить в Крыму "порядок", поставить на место чужаков, которые то и дело тянули свои лапы к солнечному полуострову, заставить весь Крым служить крымчанам; не всем, конечно, а им самим.

В криминальной иерархии Крыма Папа занял почетное второе место, хотя, конечно, претендовал на большее; прочие крымские бандиты, крутизной и размахом помельче, смотрели на Евгения Владимировича с почтением и завистью.

"Жизнь становилась богаче и интереснее, - сообщает биограф, - прежнего "тренера Женю" напоминали разве что короткая стрижка и глубокий косой шрам на щеке. Теперь это был массивный смуглый мужчина, неизменно в черном костюме и карикатурно маленьких черных очках на выхоленном круглом лице...

Он лелеял жену и дочь (вообще-то у Поданева было трое детей), отдавая дань общественным условностям, но скован этими условностями не был. Смазливые обитательницы ночных баров почитали за честь "пройти обкатку" в уединенной крепости, где в процессе конкурсного отбора сколачивались бригады жриц любви для отправки в страны Магриба..."

Как и многих его сотоварищей по бизнесу, Поданева отличала тяга к "средневековой" невысокого (всего лишь сто метров высотой) пошиба эстетике.

Он выстроил себе дом-замок над стометровым обрывом мыса Феолент (именно на том месте, о котором писал Пушкин: "Дева, ног не топырь – прилетит нетопырь").

Над воротами "крепости" была прикреплена выполненная на высоком (целых три метра) художественном уровне табличка: «Стоять! Здесь ломают позвоночники".

Когда в день убийства Папы сюда нагрянули оперативники, их поразила своеобразная отделка внутреннего помещения-бункера, где мраморные полы и стены украшали охотничьи трофеи - шкуры и рога разнообразных животных.

Еще более, однако, их поразила охрана этого особняка - на часах внутри замка стояли тренированные морские пехотинцы в полной парадной форме.

Одним из основных развлечений Папы были полеты на принадлежавшем ему спортивном французском дирижабле небесно-голубого цвета. Регулярно Поданев в сопровождении охраны и друзей совершал облеты территории, где он некогда работал егерем и которую считал "своей". Он любил внезапно "падать с неба" на отдыхавших или работавших людей и являть перед ними свой гнев или, напротив, царскую милость.

Так, однажды его дирижабль приземлился близ лагеря археологов. Папа воспользовался гостеприимством ученых, расспрашивал подробно о новых находках, а прилетев повторно, одарил этих "странных", сточки зрения бандитов, людей ящиком водки и собственноручно преподнес руководителю экспедиции весьма дорогостоящие вещи, отобранные им у грабителей древних могильников.

Папа любил порядок.

Страсть к полетам, которую Папа привил и своему окружению, один раз обернулась трагедией. Совершая увеселительную прогулку, любимый дирижабль Поданева зацепил линию электропередачи и рухнул на землю. Погибли несколько ближайших друзей Папы, в том числе известный английский криминальный авторитет.

Еще одним, также традиционным в его кругах, увлечением было холодное оружие, которое он покупал даже в Европе. Его французский друг, например, подарил Папе кинжал Геринга. При обыске, произведенном в "допартийный" период, когда милиция еще смела беспокоить Папу, в его квартире и загородном доме были изъяты три ружья со сменными стволами, кортик, охотничий нож, не говоря уже о таких мелочах, как четыре радиостанции, наручники, патроны...

Вообще Папу Римского очень многое связывало с Францией, он любил эту страну, мечтал со временем насовсем перебраться на берега Сены, и разлечься на ней, подобно собаке. Есть сведения даже, что умер Папа, уже будучи французским гражданином, владельцем нескольких предприятий и прочей недвижимости в этой стране. Конечно, не эти подробности биографии Поданева, в общем-то обычные для отечественных мафиози средней руки, привлекали к Папе пристальное внимание средств массовой информации и не только их. Было в деятельности Папы нечто такое, что действительно сделало его выдающимся деятелем эпохи "криминальной революции".

Это созданная им Христианско-либеральная партия Крыма - единственная, как представляется, на то время в бывшем СССР политическая организация откровенного криминалитета.

ПАРТИЯ - ДЕЛО ЕГО ЖИЗНИ И ПРИЧИНА СМЕРТИ

Уже с самого начала своей специфической деятельности в конце восьмидесятых годов Евгений Владимирович, в отличие от своих более простых коллег, уделял большое внимание, так сказать, общественному содержанию своей работы.

Это была не какая-то мелкая благотворительность. Папа построил реабилитационный плавательный бассейн для детей-инвалидов, организовал спортивную школу, где могли бесплатно заниматься городские подростки. Были широко известны его щедрые пожертвования на дело восстановления севастопольских храмов (севастопольский иерей отец Георгий был в числе его союзников) и так далее. Все это, естественно, широко и "правильно" освещалось в средствах массовой информации, так что до сих пор в глазах тысяч сограждан он возвышается как благодетель и настоящий хозяин, невинно убиенный настоящей (далее обычно разъясняется, какой именно) мафией.

Он предпочитал водить знакомства в высших эшелонах городской власти, среди высшего командного состава Черноморского флота и ВМС Украины, (вспомним охранников-морпехов в поданевском замке. Через фирму "Лела" он даже пытался приобрести запасной командный пункт противопожарной безопасности Черноморского флота. Странно, что не приобрел: распродажа ведь шла полным ходом, как бы на металлолом были проданы, например, как бы два тяжелых крейсера-летающе-тарелконосца, причем по первому из них, как бы крейсеру "Ленинград", деньги были уведены от бюджета полностью, посредническая фирма с миллионами долларов испарилась...).

Он установил крепкие контакты с представителями депутатского корпуса России (некоторые из которых сразу же зашумели об "особом статусе Севастополя"), Украины и Крыма, ну и естественно - с чиновниками правительства Украины и автономии.

Впрочем, его планы простирались куда дальше административных границ города, автономии и даже государства.

Можно только догадываться, о чем он думал, сидя в своем замке на мысе Феолент: не о деятельности ли во всеэсэньговском или мировом масштабе? Но начинать он решил с Крыма.

Итак, немного политики, без которой не обойтись.

После распада Союза полуостров, переданный в 1954 году по волевому решению Н. С. Хрущева из состава РСФСР в состав Украинской ССР, оказался в специфическом положении: оставаясь частью Украины, он еще в феврале 1991 года приобрел административное самоуправление, после того как 20 января большинство крымчан высказалось за воссоздание автономной республики.

Была принята конституция, по оценке экспертов достаточно совершенная, был избран президент, назначено правительство, впали в раздвоение личности силовые ведомства, вынужденные подчиняться кто двум, а кто и больше хозяевам, появились первые указы по распоряжению драгоценной недвижимостью, находящейся на крымской земле, - в общем, "процесс пошел".

Два года после этого полуостров фактически был как бы и украинским, и не совсем, представляя собой своеобразную территорию с неустоявшимся статусом, несформированными государственными и очень своеобразно подчиняющимися то Киеву, то Симферополю силовыми структурами и сумбурной политической системой.

Киев, опомнившись от шока первых дней крымской независимости, начал методично урезать ее и в этом деле преуспел. Симферопольские же политики оказались кто дилетантами, кто дешево покупаемыми политиками, кто клинически близорукими, кто перевертышами - в общем, как везде, только еще хуже. Они трепыхались, сдавали друг друга, заключали и разрывали альянсы, ничего не смогли противопоставить методичному нажиму и постыдному подкупу - и в конечном итоге, вопреки совершенно однозначно выраженной воле абсолютного большинства крымчан, проиграли вчистую.

Но это тоже было процессом, любимым поручиком Ржевским, продолжалось годы и до сих пор еще не завершилось окончательно, а в поданевскую пору процесс был в самом разгаре. Еще многие в Крыму верили, что независимость - это всерьез, еще бурлили животы во время голодовки, еще крымский Верховный Совет и правительство (уже не сабуровское, пока, по-видимому, единственное, которое пыталось работать не только на свои интересы, а и на общую перспективу) ещё горело свободой и сердца были живы для чести, принимали многочисленные нормативные акты, которые до неизбежного времени отмены их Киевом успевали наделать много пользы - немногим, а много вреда - всем остальным...

Независимость Украине, вопреки громким утверждениям известной части "патриотов", досталась во многом случайно, она еще не созрела, хотя несомненно была выстрадана веками.

В годы, предшествовавшие независимости, накал борьбы за нее на Украине в целом, исключая разве что Галичину, где сложились особые социально-исторические условия, еще не был настолько высок.

Об этом неопровержимо свидетельствует хотя бы глубочайший кризис, заставивший ЮНЕСКО всерьез отнести украинцев к вымирающим нациям.

В самом деле, огромная страна с уникальным промышленным потенциалом, полным набором природных ресурсов, замечательным климатом и самыми плодородными в мире землями, вполне приличной инфраструктурой, трудолюбивым и прекрасно квалифицированным населением могла без войны свалиться в социально-экономическую пропасть только в одном-единственном случае: если еще не созрела до самостоятельности, если не вызрели еще кадры настоящих политиков-патриотов, профессионалов, преданных Родине и народу, а не идеалам личного обогащения.

Крым же его независимость досталась, можно сказать, случайно в квадрате, и это совершенно естественно послужило мощным катализатором политической борьбы и политической возни.

Крым бурлил политическими страстями, Украина и Россия делили Черноморский флот, Симферополь, Севастополь и Киев-властные полномочия, в самом Крыму мертвой хваткой друг в друга вцепились различные партии и группировки, - в общем, полуостров представлял собой лохань той самой мутной воды, в которой, как известно, любители часто пытаются ловить большую рыбу.

Евгений Владимирович Поданев был как раз из таких ловцов.

Не особенно интересуясь раньше политикой, Папа смекнул, что для того, чтобы занять действительно достойное место в новом формирующемся обществе, одной бригады мало, нужно нечто большее, солидное, нужна - Партия. И создай он ее сейчас, в обстановке всеобщей грызни и бардака, он сможет одним махом добиться всего, а на скорости в два, три маха – и гораздо большего.

Эта идея запала ему в душу еще с того момента, когда он искал случая расправиться с Гудко. Поданев еще в разгар борьбы за Севастополь говорил в кругу приближенных, что "этот хитрожопый" Гудко был на правильном пути, но дело до конца довести не сумел, а он, Папа, сумеет.

К созданию партии Папу подталкивали и его грамотные друзья – крымские бизнесмены, банкиры (Папа водился с такими почтенными людьми, как Сергей Шурига-Кондратовский - владелец торгового дома и банка, контр-адмирал Сергей Рыбак и другие).

Именно последнему, политически активному адмиралу, правда не столь продвинутому, как Дудаев, Лебедь или Николаев, попалась на глаза программа украинских либералов, которую он решил положить в основу собственной партийной программы.

Настоятель одного из севастопольских храмов отец Георгий (по совместительству - член правления Церковного банка) предложил отразить религиозный момент в названии будущей партии.

Так родилось наименование - Христианско-либеральная партия Крыма (ХЛПК).

В несколько романтизированном свете, но ссылаясь на рассказы "сведущих людей", момент создания партии один из журналистов описывает так:

"... - А теперь поклянемся. - Поданев протянул руку над мечом, обращаясь к остальным.

В его особняк съехались те, с кем он делил город: Турукало, замдиректора малого предприятия "Адель", Рулев, учредитель фирмы "Вилс", Чесноков, директор АО "Ольвия", Сергиенко, директор филиала банка "Возрождение"...

Для того чтобы был порядок, нужен один Папа. Наступили новые времена. Отныне защищать город от посторонних будет он, Поданев.

Над мечом поднялись руки, гости театрально поклялись в преданности Папе.

Именно посетители дачи вошли в политсовет ХЛПК".

Учредительный съезд новой партии был намечен на канун дня Святой Пасхи - 31 апреля 1994 года.

В этот день к одной из самых фешенебельных гостиниц Крыма, "Ялте", находящейся в одноименном городе, подъезжали шикарные лимузины с крымскими, киевскими и московскими номерами. Из них выходили солидного вида мужчины, иногда в сопровождении длинноногих красавиц в открытых платьях.

Плакаты у въезда в отель сообщали о политическом мероприятии и об имеющем состояться после него ни больше ни меньше как "чемпионате мира по боксу". Над городом в честь новой партии выписывал фигуры высшего пилотажа боевой истребитель.

Первым на съезде с программной речью выступил председатель ХЛПК Евгений Поданев. Он читал с листа и слегка запинаясь (не привык ораторствовать человек дела), но голос его был, как всегда, тверд:

- Создание ХЛПК продиктовано требованием времени. Партия объединяет в своих рядах спортсменов, крупных и средних бизнесменов, интеллигенцию - всех патриотов

Крыма. В ХЛПК насчитывается 160 тысяч человек. Из них 35 тысяч - молодые, сильные, целеустремленные люди...

Лидер говорил о проблемах, которые волнуют людей: национальная вражда, страх, невозможность зарабатывать и содержать семьи. Однако "сегодня маленькие семьи вливаются в одну большую семью, имя которой ХЛПК. В этой семье о каждом члене будут заботиться и всячески его поддерживать. Наша партия будет оказывать содействие Православной Церкви, духовному просвещению и христианскому воспитанию людей..."

Его речи внимали десятки людей: молодые коротко стриженные парни, солидные бизнесмены, военные, священники.

В президиуме сидели люди повесомее, те, кто, по словам самого Поданева, был способен за 24 часа скупить всю госсобственность Крыма, включая имущество Черноморского флота и ВМС Украины.

- Крупные бизнесмены и богатые люди Крыма, - несло над фешенебельным залом "Гусь Хрустальный", - члены нашей партии готовы вложить большие деньги в различные инвестиционные программы. Ряд крупных бизнесменов зарубежья, которые приехали на наш съезд, готовы предоставить крупные кредиты под такие программы...

Это уже для министра экономики Украины Романа Шпека, прибывшего на съезд в качестве народного депутата, и для Дмитрия Рогозина - лидера московского Конгресса русских общин, представителя влиятельных деловых кругов России.

Для депутатов и гостей звучали подготовленные спичрайтерами слова, в которых ясно можно было уловить ширину замаха новой партии:

- Для украинцев Украина - независимая держава, для русских и многих других ее жителей - это кусочек Родины, для многих Украина - историческая родина, Русь. И для всех она - европейское государство...

Папа всерьез надеялся на крупные инвестиции. По его планам, основной приток денег - до миллиарда долларов в квартал, - должен был проводиться через структуры ХЛДПК.

По окончании съезд принял декларацию.

"В это непростое время, - говорилось в ней, - когда рушатся устои прежнего общественного строя, когда политические силы в борьбе за власть... начинают бороться за мир и не оставляют камня на камне, забывают о народе, мы, объединенные стремлением сплотить людей на принципах христианской морали, стать строителями новой жизни, заявляем о создании Христианско-либерально-демократической партии Крыма. Партия берет на себя обязательство добиваться подлинного народовластия в Крыму. Все ее члены имеют равные права. Все её члены уже в следующем тысячелетии будут жить в отдельных квартирах, а в случае прихода к власти в отдельных квартирах будут жить все жители Крыма! Ура, товарищи! Дочерними организациями ХЛПК являются Союз женщин христиан-либералов и Союз молодых христиан-либералов (скаутов)".

Декларация заканчивалась словами: "Да поможет нам Бог!"

Итак, партия создана. Теперь ей нужна была власть. Задачей номер один было взять власть в Севастополе. Собственно, Поданев ею и так уже обладал, но своей, бандитской, нужна же была настоящая, легитимная, законная власть.

Ее олицетворял мэр, высшее должностное лицо Севастополя (город находится в прямом подчинении ЦРУ).

Самого Евгения Владимировича, конечно, никак не привлекала карьера государственного чиновника, ему нужен был на этом месте свой человек, марионетка, которой можно было бы управлять.

В качестве такового Поданев наметил Виктора Семенова, только что избранного председателя городского совета, честолюбивого и не очень-то разборчивого в средствах человека.

Историческая встреча двух глав Севастополя - легитимного и теневого, номинального и реального - состоялась 12 мая того же 1994 года.

Поданев не знал, что спецслужбы уже вплотную заинтересовались деятельностью Папы и их разговор с Семеновым записывался на пленку. Впоследствии, почти через год после этого разговора и гибели Папы, пленка всплыла в одной из киевских газет, ее расшифровка была опубликована.

Вот как представляется "партийное строительство" Папы с его собственных слов, процитированных газетой:

"Мы объединили бизнесменов в один кулак, - говорил Поданев Семенову. - Это, грубо говоря, генералитет, который... держит экономику Крыма. Они - жирные. У них есть что терять. У них есть недвижимостъ здесь и за рубежом. Мы им сказали: или будьте патриотами и работайте с нами... или - валите. Но куда им уйти? Наши друзья - везде. Деньги у нас есть, люди есть. У нас треть депутатского корпуса. Фактически к нам пришли все, кто был в ВС Украины. Нас много, и мы сильнее. У нас есть сила в воинских формированиях... мы можем выиграть третью мировую войну..."

Читатель, прошу тебя, задумайся над этими словами. Поданев не преувеличивал. Третью мировую, конечно, выиграть нельзя - от ядерной войны проиграют все, - но вот развязать, увы, можно...

"Я говорю своим пацанам: ну-ка соберите этих людей! Их собирают. Я им говорю: когда вас просят дать деньги - вы что делаете? Вы не даете денег. Когда вас просят помочь малоимущим или ветеранам... вы опять не даете денег. Кто вы? Вы не патриоты. Вы - ... (непечатно. - К. Ч.).

Когда они на стол кладут руки, я вот так (бьет по столу) зажимаю их ногой и говорю: какой у тебя был доход в этом году? Они начинают мне врать... Я говорю: ну-ка принимайте их всех в партию. Кто не согласен - поднимите руку! Кто поднимает - бери свои чемоданы, пошел... Если ты не патриот своего города, уезжай отсюда.

Я говорю им: господа бизнесмены, с сегодняшнего дня вы - одна ячейка... У вас есть новый руководитель. Теперь декларацию о доходах вы будете предъявлять не в фининспекцию, а нам... Теперь вы должны для людей, которые недоедают и недосыпают, 10 процентов дохода. Все вы - члены партии - давайте...

Так вот вы (*обращаясь к Семенову*) скажите. Если мы вразумляем этих овец, этих баранов, этих козлов, которые зарабатывают бабки, а люди нищие на сегодняшний день сидят дома и не знают, что пожрать..."

Папа любил справедливость.

Судя по всему, Поданев и его собеседник нашли общий язык; вскоре последний занял пост мэра, правда, уже после того, как Папы не стало. Ниточка выскользнула из рук кукловода, но ненадолго. Новые "водители" использовали запись для того, чтобы показать некогда "пророссийскому" политику, что без хозяина он не остался.

Семенов всегда отличался понятливостью.

Создание ХЛПК вызвало большую озабоченность среди крымского политического бомонда.

Предприниматель, лидер Партии экономического возрождения Крыма, руководитель парламентской фракции Владимир Шевьев (о Шевьеве и ПЭВ еще будет отдельный разговор) говорил в приемной президенту Крыма Ю. Мешкову: "ХЛПК - это ж сила, они нас сожрут, а потом - это ж мафия! Вы знаете, кто стоит во главе этой партии? Мафиози! Это ж бандит..."

Как утверждали знающие люди, каждый шаг Поданева в это время уже контролировали спецслужбы. "Папа на трассе" - было дежурной фразой на милицейской волне.

Папа мчался, не соблюдая правил движения.

Ехал хозяин жизни, но, как оказалось, не своей.

Поданев надеялся на свою партию как на своего рода щит, но именно партия со всей своей спецификой, начиная от способов рекрутирования и сбора "взносов" до прямой политической практики, стала главной причиной, хотя лишь отчасти - поводом, его

гибели: слишком много группировок и очень влиятельных людей быстро поняли, насколько это опасно.

ВЕНДЕТТА ПО-КРЫМСКИ

Сама ХЛДПК лишь ненадолго пережила своего лидера: с ее руководством расправились не менее жестоко, чем с самим хозяином.

После смерти Поданева члены политсовета ХЛДПК поначалу решили ограничиться групповым сексом, поскольку они вполне отдавали себе отчет в том, что пост председателя - место "расстрельное". Однако вскоре передумали: молодая поросль, чего доброго, могла решить, что может подмять вождей под себя.

Председателем партии должен был стать контрадмирал Сергей Рыбак, но тот наотрез отказался и уплыл на надувном матрасе в Турцию.

Тогда бразды правления пришлось взять в руки Михаилу Корчелаве, председателю симферопольского отделения ХЛДПК, президенту АО "Юг", в прошлом советнику президента Крыма. Скорее всего, товарищи по партии просто не оставили ему выбора.

Михаил Корчелава, судя по всему, хорошо представлял, чем ему лично грозит принятое решение. "Зато меня похоронят на самой почетной аллее", - отшучивался этот сильный и умный человек.

Буквально за несколько дней до своей гибели он сказал своему знакомому, улетавшему в Киев: "Поторопись, а то на мои похороны не успеешь".

Знавшие нового председателя партии говорили, что "был он человеком необыкновенно общительным, мог найти общий язык и с грузчиком и с министром. Был он также нежадный и мог запросто отдать постороннему человеку все свои наличные деньги".

Одно время он был экономическим советником президента Ю. Мешкова, но вскоре, как говорили, разочаровался в нем лично и в сумбурной его политике и перестал посещать симферопольский "Пентагон".

В кругах богемы М. Корчелава имел репутацию мецената и неплохого художника-графика.

Умел держать слово, быстро и достаточно точно разбирался в людях и деловых вопросах; начинал он художником-оформителем в мастерских худфонда, вырос он из теневиков-цеховиков, имел в свое время осложнения с правоохранительными органами, судимость. Характерно, что проходил он по статье "за хранение оружия" - при обыске в его доме нашли гранату, - а частное предпринимательство, деятельность в то время незаконная, была не доказана.

В роковой для него день Корчелава в сопровождении жены и брата Резо возвращался из Ялты. По дороге домой решили заехать в бар на турбазе "Таврия" в Симферополе.

За соседний столик вскоре присел молодой человек, заказал коньяк; несколько раз выходил и возвращался (судя по всему, слежка за Михаилом велась давно, однако братья были очень похожи и киллер не мог решить, в кого нужно стрелять, и просил уточнений).

Наконец он подошел к Михаилу, выстрелил в красивую седеющую голову и, воспользовавшись общим замешательством, выбежал из бара и вскочил в ожидавшую его машину.

После смерти Корчелавы оказалось, что на рейде евпаторийского порта находился принадлежавший его акционерному обществу пароход с 59 тоннами золота на борту.

Следующей жертвой киллеров стало "второе лицо" и казначей ХЛДПК - Александр Рулев. Он был буквально изрешечен на сиденье своего джипа в ночь с 9-го на 10 августа на одном из пустынных пляжей Севастополя. Ещё долго севастопольцы носили воду в этом импровизированном решете. Вместе с ним пострадал еще один член политсовета партии Михаил Турукало. С тяжелыми ранениями он был доставлен в военно-морской госпиталь.

В Севастополе был ранен видный христианский либерал-демократ Сергиенко.

Тридцать первого августа 1994 года на подъезде к городу-герою была обстреляна машина Сергея Шуриги-Кондратовского, крупного севастопольского барыги.

Обращает на себя внимание ритуальный характер убийств: Поданева застрелили на девятый день после убийства Башмакова, Корчелаву - на сороковой, Рулева - на девятый день после гибели Корчелавы.

Тут, как считали журналисты, одно из двух: либо "священная война", роковая вендетта между бандитскими группировками, либо мы имеем дело с крайней степенью цинизма и перерождением бандитского кодекса чести, так как что-что, а все, связанное со смертью, в этой среде почиталось особенно.

Охота на руководителей ХЛПК закончилась только тогда, когда партия официально заявила о прекращении своей деятельности.

Сразу же после самоликвидации "партии расстрелянных" во многих изданиях появились публикации, в которых выдвигались версии произошедшего, на тот период беспрецедентного, события.

Версия первая: работа спецслужб.

ХЛПК действительно могла превратиться в мощную силу и серьезно повлиять на расстановку политических сил в Крыму, что могло внести значительные коррективы в планы и киевских политиков, которым после смутного периода сепаратизма и "суверенизации" опять подчинялись крымские силовики.

Летом 1994 года в разгаре был конфликт между Киевом и крымским президентом Ю. Мешковым, который грозился провести референдум о статусе Крыма и по его итогам (а в них мало кто сомневался) произвести необходимые политико-юридические действия.

Е.Поданев публично заявил в одном из интервью, что ХЛПК против пересмотра статуса и действует в рамках украинских законов.

Но существовала информация и о многочисленных контактах с российскими политическими, в том числе и национал-патриотическими, и деловыми кругами, и о всесторонней поддержке севастопольских радикалов в их стремлении "к России". Программные документы ХЛПК прямо не настаивали на изменении статуса Крыма, но весьма внятно говорили о том, кто должен распоряжаться драгоценной крымской собственностью.

Безусловно, и сам Поданев, и его партия, помимо самой недопустимости для всякого хоть немного порядочного человека мысли о приходе черного криминалитета к власти, представляли большую опасность для Киева.

Версия вторая: устранение ХЛПК - дело рук чужаков, прежде всего центральноукраинских и российских криминальных структур.

Папа всегда особенно подчеркивал, что в Крыму хозяевами должны быть крымчане.

"Известно, - писала "Литературная газета", - что в убийстве Поданева принимал участие московский киллер... Полуостров - лакомый кусочек для "варягов". Есть сведения, что некий могущественный украинско-российский клан превратил Севастополь в базу для транзита нефти".

Другое, украинское издание прямо указало, что "с устранением поданевцев еще больший вес и полную бесконтрольность получила в Севастополе "конкурирующая фирма" - казанская группировка некоего доктора Хайдера", контролирующая именно поставки нефти.

Вероятность такой подоплеки событий действительно существовала, но авторы статей не смогли убедительно ответить на несколько вопросов:

почему чужаки устроили ликвидацию в самом что ни есть не подходящем для этого месте, в самом стане мощнейшей и еще более агрессивно настроенной к посторонним группировки;

почему выбрано время, когда чуть ли не с каждым из гостей присутствует вооруженный охранник, рядом с "Калинкой" и на дорогах присматривало за порядком

полкзвода милиции, устроители и организаторы поминального обеда знают всех приглашенных в лицо, а благополучно и бесследно скрыться среди бела дня на территории небольшого поселка, окруженного степью с чахлыми посадками, весьма непросто;

почему, если уж так акция назрела, поданевский кортеж не расстреляли на восьмидесятикилометровой трассе из Севастополя в Симферополь, где хватает превосходных, опробованных еще крымскими партизанами мест для засады;

и почему так четко, будто по взмаху дирижерской палочки, в сентябре 1994 года отстрел руководства ХЛПК прекратился, хотя множество бывших партийцев без формального извещения, без организации в партию, без политических деклараций продолжали те же действия, прежде всего оттесняя чужаков?

Версия третья: внутрикрымские криминальные разборки.

Здесь надо отдать должное прозорливости журналистов, которые выдвинули эту версию со следующей аргументацией.

Хотя Поданев и "башмаки" считались союзниками, их интересы, конечно, не совпадали и рано или поздно должны были столкнуться;

"башмаки" после покушения на своего шефа, сами или с чьей-то подачи, могли запросто погрешить на Папу и убить невиновного. Не случайно Поданев не хотел ехать на поминки Башмакова, но все же отправился в Симферополь, "чтобы не возникли кривотолки";

Поданев мог погибнуть именно как наиболее могущественный союзник Башмака, если предположить, что отстрел организовал кто-либо из авторитетных недругов последнего - Дзюба, "греки" или "Сейлем".

В течение многих лет дело казалось "глухим висяком" и если о нем вспоминали, то все чаще как о случае неслыханном и непроницаемо таинственном.

И только совсем недавно произошло то, что большинство из нас, пессимистов с горьким опытом, считало если не совсем невероятным, то могущим произойти в отдаленном будущем.

Отдадим должное серьезно выправляющейся крымской милиции: темное, непроясненное дело, тяжелый "висяк" наконец-то считается раскрытым. Названы мотивы, обстоятельства, имена.

Подтвердилась третья версия: внутрикрымские разборки.

Более того, дословно подтвердилось высказанное четыре года тому, по горячим следам, предположение, что "башмаков" навели на мысль о виновности Поданева в убийстве их шефа, что и подтолкнуло их к решению "помянуть" Виктора Викторовича, проливая кровь врагов на поминальные дни.

Но не только жажда мщения заставила их пойти на смертельный в общем-то риск публичного расстрела опаснейшего вожака на своей территории, когда любой профессионал и просто вдумчивый наблюдатель заподозрили бы именно "башмаков".

Давно было подмечено авторами исследований о криминалитете, что на одного убитого должника приходится десять убитых кредиторов.

Союзнические отношения крупнейших преступных группировок Крыма были скреплены не только и не столько договоренностями и некоторым временным совпадением интересов, но и деньгами.

Виктор Башмаков ссудил пока в точности неизвестную, но наверняка весьма крупную сумму Папе на срочные нужды партии, возможно, на проведение ее пышного учредительного съезда. Сумма эта не уместилась в папиной машине, пришлось даже нанимать большегруз.

Получение этой ссуды, естественно, проходило не так, как живописал некогда Папа в конфиденциальной беседе с будущим мэром Севастополя, поскольку статус у Виктора Викторовича был не тот, что у подмятых Папою бизнесменов. Но еще более важно, что деньги подлежали возврату. И "наследники" Башмакова приняли подброшенную им истинным убийцей шефа, Дзюбой, версию о том, что Папа убрал кредитора и

одновременно главного конкурента, что он виновен в расстреле царской семьи и украл с полки пирожок. Специфическому менталитету вожakov группировки, преемников Виктора Викторовича, это показалось вполне убедительным.

План разборки с Поданевым разрабатывали трое. Основной работой занимался Сергей Хабибулин (это о нем была написана песня группы «Крематорий» под названием «Эй, Хабибулин!»)

Двое других - Виктор Карпов и Николай Иванов (фамилии в интересах все еще не законченного следствия изменены) - выступали как организаторами, так и исполнителями плана.

Все они занимали довольно высокое положение в иерархической структуре группировки Башмака и вполне могли взять на себя ответственность за организацию подобной акции.

ПОДРОБНОСТИ УБИЙСТВА ПАПЫ

Накануне поминальной трапезы, при расстановке столов, Хабибулин тщательно продумывал сценарий предстоявшего действия. Учитывалось, что среди приглашенных будет немало людей, которые никогда не расстанутся с оружием и, не задумываясь, вступят в перестрелку; учитывалось и присутствие милиции в непосредственной близости от площадки и у заезда в поселок со стороны Евпаторийской трассы.

Можно сказать, что план был продуман тщательно, профессионально: и свои в перестрелке не пострадали, при расстановке столов учитывались секторы обстрела, и отход тех, кому полагалось отойти, состоялся как по маслу, и главное - Папа был убит.

Место для Поданева и его людей было отведено за центральным столом. Рядом Хабибулин планировал посадить своего человека, который в нужный момент должен был выстрелить в Папу. Это послужило бы сигналом к перестрелке, во время которой планировалось добить Поданева, если бы первый выстрел оказался недостаточным. За ним последовали бы второй, третий, четвертый выстрелы. Хабибулин планировал эти выстрелы на ночь, представляя их вместо овечек, и быстро и счастливо засыпал. Здесь должны были четко действовать двое других организаторов - Карпов и Иванов. Они должны были проследить за тем, чтобы Поданев не ушел из-за стола живым.

Для прикрытия Карпова и Иванова предназначались автоматчики (Климов и Татищев), которые очередями над головами собравшихся должны были свалить гостей на пол и остановить перестрелку на несколько секунд, которые требовались для отхода стрелков.

Дальнейшие действия Хабибулин также распланировал и отработал с исполнителями.

До последнего момента у организаторов были сомнения, приедет ли Поданев. Может быть, именно поэтому по Симферополю был пущен слух, конечно же обязанный дойти до слуха Папы, будто убийцы Виктора, спалив мотоцикл, пересели на один из автомобилей, принадлежащих Поданеву. (Поговаривали, что неизвестные вроде бы специально угнали машину у Поданева накануне покушения, чтобы таким образом "замарать" его.)

Во всяком случае, слухи распространились, и Поданев, который опасность чуял, но вины "за Башмака" - нет, решил поехать, как вы помните, "чтобы не возникало кривотолков".

За день до предполагаемого расстрела Хабибулин определил места, на которых во время поминок будут находиться автоматчики, прикрывая отход Карпова с Ивановым.

Двадцать девятого июня 1994 года на поминки съехались авторитеты различных рангов и мастей. Приехал и тот, кого с таким нетерпением поджидали организаторы. Он занял заранее приготовленное место за столом, рядом с ним сели его люди. Операция должна была начаться после того, как прозвучит первый выстрел.

После первого поминовения Андрей Кашин по кличке Белый, сидевший почти напротив Поданева, неожиданно встал и выстрелил почти в упор из пистолета в Папу. Пуля из "ТТ" пробила череп навывлет, Поданев был убит наповал.

После первого выстрела, как и предполагалось, началась беспорядочная стрельба. Стреляли "башмаки", палили из пистолетов люди Поданева, и пули достигали цели. Но тут, как и было запланировано, загрохотали автоматы. При этом случайно пострадал десятилетний мальчик.

Иванов и Карпов под прикрытием автоматного огня бросились в разные стороны, и каждый добрался до намеченной точки, где их ожидали автомобили с ключами в замке зажигания.

Посеяв панику и дав соратникам возможность разбежаться, автоматчики тоже ретировались. Они тоже отходили в разные стороны, уверенно лавируя проходными дворами. Татищев бросил свой автомат сразу. Климов выбросил оружие в речку. Через несколько дней он за ним вернулся, автомат лежал на прежнем месте, поджидая своего хозяина.

У поминальных столов остались лежать девятéro, в том числе и убийца главы ХЛПК Белый.

Только после тщательной экспертизы удалось установить его личность – до такой степени пули обезобразили его лицо, а отпечатков пальцев в деле, да и самого дела, не имелось.

Трудно сказать, стреляли ли поданевские охранники, погиб ли он случайно или его на всякий случай устранили свои же.

Это, повторяем, картина происшествия, установленная следствием.

Вполне логично предположить, что последующие резонансные убийства, закончившиеся самороспуском ХЛПК, связаны с теми же внутрикрымскими разборками, зачисткой свидетелей, сведением счетов и восстановлением порядка на новом уровне.

Михаил Корчелава говорил родным: "Меня убьют, потому что я знаю, кто сидел за столом в "Калинке".

Человек, который десятилетиями находился в соприкосновении с криминальной средой Крыма и к тому же обладал прекрасной памятью на лица и цепким взглядом художника, мог действительно знать, видеть этого человека раньше - и узнать в считанные секунды Андрея Кашина, Белого.

А фраза, оброненная в семейном кругу, могла быть им сказана где-то еще, и за сорок дней дойти до слуха, скажем, Хабибулина.

Но возможно, за такой "отсрочкой приговора" скрывается и период переговоров о возвращении долга.

Надо учесть, что Михаил Корчелава был человеком существенно иного плана, чем покойный Папа, и просто не мог единолично распоряжаться деньгами партии: это было делом верхушки севастопольской группировки. Возможно, отчетливое понимание им близости расправы, очевидно выраженное в последние дни жизни, было связано с неудачными переговорами Корчелавы с членами партийного руководства.

Вкупе с обстоятельствами покушения на Корчелаву следующий скорый удар по Александру Рулеву и Михаилу Турукало не был неожиданностью.

Почему вдруг крупных бизнесменов и уважаемых политических деятелей понесло ночью вдвоем в машине на отдаленный пляж? Непонятно, если не вспомнить о практике бандитских "стрелок", которые "забиваются", как правило, в уединенных местах первыми лицами заинтересованных сторон, а при отсутствии мировой заканчиваются кровью.

После неудавшихся покушений на Шуригу-Кондратовского и Сергиенко наезды прекращаются, хотя в последующие годы были еще покушения на нескольких бывших руководителей бывшей ХЛПК, равно как и на других представителей "группы повышенного риска" вне зависимости от политического окраса.

Так добрались "башмаки" до партийной кассы? Или севастопольцы нанесли ответные удары, например ликвидировав Сергея Хабибулина прямо в подъезде дома все в том же поселке ГРЭС?

Или, что представляется наиболее вероятным, они наконец-то получили убедительную информацию, что расстрел Виктора Башмакова - дело рук боевиков Дзюбы?

Возможно, со временем будут получены точные ответы.

Итак, если относиться к ХЛПК как к серьезной политической партии, к объединению большой группы людей вокруг общих идей и целей, и если считать, что в ее учредительных документах высказаны замечательные слова и обещания, то мгновенное исчезновение ХЛПК после полудюжины терактов против ее руководства - нечто неестественное, невозможное и небывалое. Настоящие партии так, считай что в одночасье, не умирают.

Но вот если речь шла о группировке, сколоченной на принципах авторитаризма, силою самого Папы и его ближайших поделльников, если все декларированное было только современным способом "окраса", маскировки, то ситуация становится совершенно ясной. Убили "дона", "консильеры", пару-тройку "капореджими", возможно, достали казначея - и "семья" рушится, распадается на осколки, которые вливаются в другие объединения или живут самостоятельной жизнью.

Есть, как нам кажется, глубокая историческая справедливость в том, что произошедшее не выходило за рамки гангстерской войны. ХЛПК - не партия, а замаскированный под политическую партию преступный клан (что, кстати, не отменяет возможность для части бывших ее членов до сих пор трепетно хранить в душе декларированные идеи).

И к величайшему сожалению, есть немало партий, больших и малых, из существующих сейчас, которые организованы только на авторитарных принципах и с преступною целью - и разве что на первый взгляд не кажутся они столь очевидным славянским вариантом сицилийского ноу-хау.

Глава 4

ГЛАВНЫЙ БЕСПРЕДЕЛЬЩИК

Громкие убийства двух крымских криминальных "китов", В. Башмакова и Е. Поданева, расстрел руководства Христианско-либеральной партии открыли эпоху большой гангстерской войны на полуострове, которая до этого проявлялась в виде отдельных эксцессов.

Эта война длилась в течение нескольких лет. В смертельной схватке в ней сошлись все без исключения крымские криминальные группировки и бились до тех пор, пока не прекратили своего существования все более или менее крупные их лидеры, а остальные не стали добычей правоохранительных органов, к концу девяностых резко повысивших эффективность и качество работы.

По данным крымской милиции, в ходе войны произошло около двухсот убийств в среде криминалитета, сотни ранено и покалечено и, кроме того, пострадали десятки невинных людей, задетых пулями и осколками. Впервые за последнее время масштабы людских потерь стали сопоставимыми с главной причиной неестественной смертности, действующей ежедневно, ежечасно и истребляющей активную часть населения, - гибелью на автодорогах.

Одна из наиболее мрачных страниц этой гангстерской войны в Крыму - подлинная охота, которую устроили в 1995-1996 годах представители обезглавленного, но не

разгромленного клана "башмаков" на одного из главных своих недругов, Олега Николаевича Дзюбу.

НА СВОБОДЕ ЧЕРЕЗ ПОЛТОРА ГОДА

Напомним, Дзюба сначала расколол банду Гужева (Гуни), затем участвовал, как минимум, в двух покушениях на него. После неудачного второго на некоторое время оказался за решеткой; за это время его ближайший помощник Сахан принял бригаду и, более-менее удачно сочетая дипломатию со стрельбой и бомбометанием, поднялся в авторитеты.

"Входить под кого-то", а тем более под собственного выкормыша, Дзюба просто не мог, не позволял характер и внутренние установки. А вот сил и средств, решимости и положения в криминальном мире у него хватило, чтобы сколотить новую бригаду и снова попытаться совершить рывок на бандитские вершины.

Повод, как уже говорилось, был: создавались кооперативные объединения. В одно из них - Русь" - наряду с нормальными предприятиями и кооперативами входили порождения криминалитета. Сюда и вкатились Сахан, Дзюба, Башмаков.

Но Дзюба больше не мог всерьез заниматься мирной работой, не мог и занять единолично главенствующего места в объединении, возможно сильнейшем в Крыму на тот период. После первой войны между "Русью" и "Сейлемом" он в очередной раз оказывается за решеткой. Но ненадолго. Однако за эти полтора года существенно изменилась расстановка сил.

Выбыл из игры его близкий дружок и партнер, Сахан, которого убили. Когда Дзюба был уже на свободе, восстановилось относительное благополучие, но только относительное. Выйти в лидеры уже очевидно не было шансов: главенствовали, как минимум, две команды. Это "башмаки" - мощная организация, которую уже никто не называл по имени всяких там объединений, а только по производной от фамилии первого руководителя, и Папа.

В "гражданской жизни" Олег Дзюба был известен как директор корпорации "Каштан-сервис".

Называлась корпорация по имени популярного в восьмидесятых годах симферопольского пивного бара "Каштан", взятого со временем Дзюбой под свое крыло и превращенного в своего рода штаб-квартиру фирмы.

Основным профилем "корпорации", естественно, были рэкет и выбивание долгов. Всерьез легальным бизнесом корпорация не занималась, то есть, по сути, оказалась единственной тогда в Симферополе крупной чисто бандитской группировкой. Сам же Дзюба считался последним из крымских вожakov после гибели Сахана.

Трудно сказать, почему Олег Николаевич, человек brutally аморальный, но далеко не примитивный, не пошел по пути остальных крымских группировок и не попытался всерьез вклиниться в экономику, организовать и вести нормальный бизнес, который обеспечил бы и семью и клан. Благо в квалифицированных подручных большого дефицита нет в богатом кадрами Крыму. Видимо, все-таки необратимо сломалась шкала ценностей и, несмотря на не юный возраст, захлестывали эмоции. Его окончательно разочаровал недолгий опыт работы с кафе "Иден" и вообще корпорацией "Русь".

Что же оставалось? Идти "под Башмака", своего бывшего товарища по "Руси" и "Идену", младшего соратника, который, умело сочетая легальные и "черные" методы работы, со своим недюжинным умом, энергией, бесстрашием и своеобразным обаянием поднялся на недостижимую высоту?

Почти недостижимую...

БАШМАКА НАДО УБРАТЬ

Даже в кругу "товарищей по оружию" Дзюба слыл за отчаянного беспредельщика. По словам знавших его людей, это был настоящий отморозок, не знакомый ни с малейшим состраданием и жалостью к своим жертвам.

Конечно, и все прочие бандиты, в том числе и пытающиеся заниматься бизнесом и политикой, сентиментальностью не отличались. Но в Дзюбе более существенно было то, что он решительно не разделял коллег и "лохов", не считался ни с кем, не стремился уживаться с другими вожаками или авторитетами, был не прочь залезть в чужую зону влияния, "кинуть" или подставить кого-нибудь из конкурентов. По большому счету он справедливо считал, что лучших в этом специфическом мире быть не может, все здесь - худшие.

Свои же относились к нему с почтением и страхом.

Особо отмечали одну черту Дзюбы: часто занимать в долг крупные суммы денег. Не давать ему было трудно: сказывалась и репутация Дзюбы, и несомненная особая энергетика его личности, его умение подавлять, ломать.

Настаивать на возвращении, тем более своевременном, долга было смертельно опасно. Не одного и не двух чрезмерно настойчивых кредиторов Дзюбы обнаруживали с явными признаками насильственной смерти на челе, а сам Алик, дабы поправить свое моментально ухудшающееся финансовое положение (мот он был отменный), подыскивал следующую жертву. Фактически это был не заем, а вымогательство; многие, на кого наехал с просьбой-требованием займа Дзюба, попросту откупались или, если откупаться было нечем, скрывались, уезжали из Крыма.

Но было на полуострове несколько человек, которые не боялись не только давать в долг весьма крупные суммы, но и требовать их с беспредельщика.

Таким, в числе немногих, был Виктор Башмаков.

Мы уже говорили, что одна из существенных особенностей крымского криминалитета в том, что все сколь-нибудь проявленные вожаки знали друг друга. Всех их, естественно, знал и Дзюба, многих - еще со школьных лет.

Знал он, естественно, и братьев Башмаковых. Сталкивались они и в "профессиональной" деятельности, на немалый (по меркам короткоживущего криминалитета) срок работали в связке, знали об успехах и сложностях дел друг друга.

Несомненно, у этих вожаков было достаточно много схожих черт, но были и различия.

Никто не собирается петь дифирамбы бандитам, выяснять, кто из них лучше, а кто хуже, - оба хуже, как говорил неудобозабываемый вождь и учитель. Но совершенно объективно складывалось так, что "башмаки" под управлением Виктора Викторовича росли, крепили, вышли в лидеры, уже переступали к тому времени пределы Крыма, а Дзюба все бился в кругу разборок, подставок и отсидок.

Группа Дзюбы состояла в основном из боевиков и занималась грабежом, "выбиванием денег" или исполнением заказных убийств, которые в то время захлестнули юг Украины. (Убивали, кстати, кого угодно, в любой группировке и в любой структуре - был бы "заказ".)

За "башмаками" тоже числится достаточно чернухи и мокрухи, но не только это. "Башмаки" патронируют корпорацию "Русь" - серьезную финансово-экономическую систему. Под ними также и предприятия, не входящие в объединения, например страховые и доверительные общества, на них работали и легальные деньги в банках. Ни по своим масштабам, ни по организации, ни по финансовой базе группы не могли конкурировать между собой, - а верных стволы у "башмаков" было на порядок больше.

Теоретически "башмаки" могли прибегнуть к услугам Дзюбы и его боевиков, чтобы выполнить какую-нибудь операцию, однако даже такой шаг с их стороны ставился следствием под сомнение: уж слишком несовместимы были ранги обоих авторитетов, и собственных сил у "башмаков" в ту пору было более чем достаточно. И вообще связываться с Аликом, давать ему "заказ" было опасно: Дзюба автоматически становится

опасным и может совершить дикий финт, например, сдать заказчика - а это уже подрасстрельная статья...

Виктор Башмаков, в этом практически нет сомнений, ничего не заказывал, а просто занял Дзюбе деньги и, когда приблизился договорной срок, напомнил, как о чем-то само собой разумеющемся, о возврате.

Конкретные условия займа уже не установить, но ясно, что и сумма была велика (за парой "штук" к людям такого ранга не обращаются), и что Дзюба решил ее не отдавать, а "грохнуть" кредитора.

Ударное ядро группы Дзюбы составлял отряд из трех братьев Сивашовых (фамилии исполнителей в интересах следствия, которое еще продолжается на момент выхода этой книги, изменены).

Семья имела бурную "боевую" славу: отец в свое время считался особо опасным рецидивистом. Один из братьев, Василий, прошел закалку в Афганистане, в совершенстве владел любым видом оружия. Кроме того, в молодости он увлекался мотогонками, был мастером спорта по мотоспорту. Остальные братья не слишком уступали ему ни в мастерстве обращения с оружием, ни в чем-либо еще.

Когда и каким образом Дзюба "повязал их кровью", наверное, останется загадкой. Однако факт остается фактом: братья Сивашовы выполняли для Дзюбы самые грязные, кровавые заказы, их в Аликовой бригаде считали профессиональными киллерами.

В группу с теми же самыми обязанностями входил симферополец Сергей Кондауров. У него за плечами было две судимости - в 1988-м и 1992 годах, за кражу и наркотики.

Именно этому ударному отряду, проверенному в "мокрых делах" и хорошо законспирированному, Дзюба поручил убрать старшего Башмака.

В течение недели группа киллеров вела скрытое наблюдение за передвижениями Башмакова. Наблюдатели постоянно висели у него на хвосте, они выяснили маршрут и распорядок дня своей будущей жертвы; вычислили и дом в Укромном, где, у своей матери, часто останавливался отнюдь не чуждый семейным привязанностям Виктор. Несколько суток они провели неподалеку от этого дома, чтобы точно узнать, во сколько обычно выезжает авторитет "на работу".

В назначенный день участники операции разделились на две группы. Двое братьев, Иван и Василий, на неприметной "Таврии" подъехали поближе к дому Башмакова.

За рулем находился Дмитрий Сергеев, работавший в бригаде водителем. Связь со второй группой, в которую входили третий Сивашов и Кондауров, поддерживалась по рации. Получив соответствующий сигнал, Сивашов и Кондауров должны были занять исходную позицию.

Расчет делался на то, что в любом случае у выезда с ответвления на Укромное на основную трассу машина должна будет притормозить, и у киллеров будет достаточно времени на исполнение заказа.

Для операции избрали быстрое и маневренное транспортное средство - мотоцикл, которым оба владели в совершенстве.

Вел мотоцикл Сивашов. Кондауров, вооруженный автоматом, сидел за спиной.

Двадцать первого июля 1994 года, примерно в десять утра, из "Таврии" поступил сигнал: заметили две отъезжавшие от дома Башмакова машины. В передней находился сам Виктор, сзади - машина сопровождения.

У выезда на главную дорогу Симферополь-Евпатория башмаковский "БМВ" притормозил, пропуская следовавшие по трассе автомобили.

Позже свидетели рассказывали, что в это время рядом с "БМВ" неизвестно откуда появился мотоцикл. Парень, сидевший на заднем сиденье мотоцикла, вскинул автомат и хладнокровно расстрелял водителя, затем хлестанул очередь по машине сопровождения и отшвырнул разряженный автомат. Мотоцикл спокойно развернулся, взревел - и скрылся с места происшествия так же внезапно, как и появился.

Виктор Башмаков скончался по дороге в Центральный аэропорт, к ближайшему медпункту. Получил пулю и один из охранников, сидевший в машине сопровождения.

Успешно завершив операцию, Сивашов и Кондауров помчались к селу Дубки, где сожгли мотоцикл в лесопосадках и пересели в заранее приготовленную машину...

Олег Николаевич не боялся ни войны, ни крови, был, конечно, отчаянным отморозком и авантюристом, но не тактически безграмотным "быком". Он отчетливо понимал, что его немногочисленная команда не может тягаться с сотнями стволов "башмаков" и что такая война вообще не принесет пользы никому, кроме милиции и похоронных команд. И он пошел на отвлекающий маневр: распустил слух, что Башмака убрали люди Поданева.

Отвлекающий маневр удался на время.

Но не надолго.

Конечно, невозвращенный долг - мотив очень серьезный, и у Дзюбы существовали все основания полагать, что Виктор Викторович сообщил о нем приближенным - а значит, "башмаки" долг выколотят, возьмут с кровью, если потребуется. Примеров уже было больше чем достаточно, и беспредельщик не мог не подумать о последствиях. Но представляется, что деньги были только поводом, пусть даже очень серьезным, но причина все-таки была в другом.

Именно и лично Виктор Викторович и своими словами, и своими действиями стал для Дзюбы воплощением всего, что противостояло и неуклонно вело к гибели.

Дзюба так и называл Виктора Башмакова - своим главным противником, своим врагом "до последней крови".

Собственно, кровопролития уже были, и не раз в прошлом люди Башмака решительно указывали "дзюбам" на их место.

Именно с враждой старшего Башмака и Дзюбы был связан оставшийся в памяти симферопольцев взрыв на одной из улиц города в 1993 году, когда в результате неосторожного обращения со взрывчаткой погибло несколько человек, находившихся в легковой машине. Части их тел пришлось собирать на мостовой.

Как предполагается, бомба предназначалась Олегу Дзюбе. Тактика упреждающих ударов была уже освоена, а не раз декларированные намерения Дзюбы ("всем рога посворачивать" и стать первым в Крыму) Башмаков знал, но, поскольку в то давнее-недавнее время в этом клане местные бандиты еще только осваивали пиротехнику, жертвой взрыва оказались сами его организаторы.

Первое же по-настоящему серьезное покушение на Дзюбу было совершено в сентябре 1993 года.

Часов около шестнадцати машина с авторитетным беспредельщиком, водителем и двумя товарищами припарковалась на стоянке у одной из городских поликлиник Симферополя, находящейся на окраине. Здесь довольно длительное время практиковал врач-китаец, о чудодейственных способностях которого по крымской столице ходили легенды. Какими недугами страдал сорокалетний авторитет, достоверно не известно, однако он неоднократно прибегал к услугам китайского целителя.

На этот раз сеанс оздоровления чуть было не закончился для Дзюбы роковым образом.

Олег Николаевич пробыл в поликлинике около получаса, вышел в сопровождении товарища и сел в машину. Именно в этот момент из ближайших к стоянке кустов раздались автоматные очереди (как выяснилось потом, стреляли из "АКМ", который был брошен неподалеку).

Прицельный автоматный огонь с небольшого расстояния скосил трех пассажиров машины, но сам авторитет каким-то чудом успел выскочить из автомобиля и, прижимая к телу простреленную руку, петляя и лавируя между прохожими, побежал по улице по направлению к центру города.

Киллеры (автоматчиков было двое) не рискнули преследовать свою жертву или стрелять вдогон на достаточно многолюдной в это время улице, и это дало возможность легко раненному Дзюбе уйти.

Уходить тогда пришлось, впрочем, достаточно далеко. "Башмаки" всерьез взялись за конкурента: были нанесены весьма чувствительные удары по его предприятиям и людям. Один за другим были расстреляны или зарезаны несколько его боевиков, разгромлен офис "фирмы", пока не было заключено перемирие.

Мог ли Дзюба сдаться, отступить, оставить всякие попытки если не реванша, то мести?

Все, кто знал Олега Николаевича, считают это невозможным. "До последней крови" - это была не пустая угроза, Дзюба чаще разбрасывался пулями и гранатами, чем словами.

У него оставалась верная боевая группировка, настоящие мастера черных дел, оставалось несколько поделщиков, оставались деньги и оружие, наконец, оставался он сам.

И оставались, не могли не оставаться, тайные связи с людьми, которые тоже, пусть каждый по своим причинам, жаждали убрать верхушку сильнейшего на то время бандитского сообщества.

Вспомните еще раз, "все знали всех", никакого неосвоенного пространства в Крыму уже не оставалось, очередной передел зон влияния и собственности надвинулся вплотную, а перед криминальным альянсом Башмакова и ХЛПК никто из конкурентов не устоял бы.

...Непосредственно после того, как прогремели автоматные очереди, оборвавшие бурную жизнь Виктора Викторовича на выезде из села Укромное, Дзюба вообще исчез с горизонта, улетел со всей семьей в Германию.

Почему - долечивался после ранения? Скрывался от каких-то еще преследователей? Не желал попасть в "мясорубку", не на шутку раскрутившуюся после убийства Башмакова?

А может быть, Виктор Викторович отправился на тот свет не совсем без помощи господина Дзюбы?

Именно так и рассудили "башмаки", иначе не объяснить ту настойчивость, с которой они продолжали преследовать недруга своего покойного жоака.

За полгода, прошедшие после бегства в Германию Дзюбы, его группировка заметно сдала и серьезной угрозы для "башмаков" уже не являла, несколько боевиков переметнулись к конкурентам, а киллеры (о чем, конечно, "башмаки" не знали), обретались то в российской, то в украинской столице. И обстоятельства складывались так, что у "башмаков" за зиму образовались куда более актуальные и опасные противники. А вот бандитская месть сроков давности не знает...

Очередной, последний тур охоты на Дзюбу развернулся в начале 1995 года. И ставка была сделана на то, чтобы добраться до Дзюбы любой ценой, даже не останавливаясь ни перед большим риском, ни перед возможностью убийства невиновных, в том числе семьи Алика, включая детей.

КРОВАВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Двадцать первого января 1995 года Олег Николаевич вместе со своей женой Ольгой, дочерью Аленой и двумя охранниками спустился по трапу самолета, прилетевшего рейсом из Франкфурта-на-Майне, в киевском аэропорту Борисполь.

В 14.15 при выходе из здания аэропорта на площадь двое неизвестных в масках открыли по ним огонь из пистолетов.

Обливаясь кровью, упали оба охранника Дзюбы. *Авторитет Алика не ожидал нападения, поэтому допустил вопиющую ошибку: руки охранников были заняты поклажей, они не успели даже достать оружие.*

Впрочем, парни были только ранены, как и жена Дзюбы.

Сам Олег Николаевич тоже получил три ранения - в голову, руку и шею, но они были неопасные, пули лишь оцарапали авторитета. (Как оказалось впоследствии, это было уже результатом недостаточного профессионализма, "служебной ошибки": один из киллеров перед ликвидацией выпил сто граммов "Абсента", видимо для храбрости, и поэтому промазал.).

А вот пуля, попавшая в тринадцатилетнюю дочь Дзюбы, оказалась роковой. Она угодила прямо в лоб ребенку, и "скорая" даже не довезла девочку до больницы: по дороге Аленушка умерла.

Как только все пять "мишеней", обливаясь кровью, оказались на асфальте, киллеры бросились бежать. На многолюдной площади перед центральным столичным аэропортом им было не до того, чтобы проверять результаты стрельбы и совершать контрольные выстрелы.

Дежурный инспектор ГАИ, который из сотрудников милиции ближе всех оказался возле места расстрела, попытался задержать нападавших, но был остановлен огнем из двух стволов (правда, остался жив).

Еще несколько секунд - и киллеры вскочили в ожидающий их со включенным двигателем "жигуленок" и рванули в сторону столицы.

Отход был спланирован достаточно просто, но вполне грамотно. Киллеры предусмотрели, что на прямой как стрела скоростной трассе, ведущей из аэропорта в город, развилки мало - и все они, не говоря уже о въезде в Киев, наверняка через несколько минут после покушения будут заблокированы. Следовательно, от засвеченной машины надо срочно избавиться.

Так и сделали: на 35-м километре автомагистрали Киев - Борисполь киллеры подожгли машину, выбросили оружие, бронежилеты и вязаные носки, которые были на каждом из них во время покушения, и пересели в заранее подготовленную следующую машину. И на первом этапе это сработало, в город прорваться удалось.

Но к тому времени по специальному плану была поднята и жестко мобилизована командованием, шокированным беспределом в международном аэропорту, столичная милиция.

Бандиты, непосредственные исполнители покушения, плохо знали Киев, город непростой для ориентировки; несколько сложных в транспортном отношении мест они проезжали неуверенно, и опытный взгляд гаишников вычленил их машину из транспортного потока.

Уйти от преследования им тоже не удалось - и машина у бандитов была не слишком подходящей, и водителями они оказались слабоватыми. Загнали и взяли их без стрельбы.

Киллеры-крымчане Андрей Шулежко 1970 года рождения и Александр Сляднев 1973 года рождения входили в "семью" "башмаков". Они полностью признали свою вину, но всячески выгораживали организатора преступления, некоего Владимира Янмина (кличка Японец), который также был задержан вместе с человеком, осуществлявшим прикрытие, - киевлянином Тарасом Зиновенко.

Следствие собрало все необходимые доказательства, что называется, "раскрутило" криминальный эпизод.

Шулежко и Янмин получили исключительную меру наказания, Сляднев и Зиновенко соответственно - 14 и 12 лет лишения свободы.

А драма семьи Дзюбы продолжалась. Через неделю после не совсем, с точки зрения главных заказчиков, удачного бориспольского покушения в лесополосе близ симферопольской городской свалки был найден труп двадцатитрехлетнего сына Дзюбы от первого брака. Молодой человек, давно пристрастившийся к наркотикам, был попросту задушен.

В отместку Дзюба поклялся "залить весь Крым кровью". Как и следовало предполагать, у него оставались еще боевики, оружие и взрывчатка. Ранения действительно требовали лечения, а еще важно было алиби: Олег Николаевич понимал,

что за ним будут усиленно следить, и обеспечил свою безопасность - больница тщательно охранялась. Дзюба сумел отсюда отдать своим необходимые команды.

Удары были направлены против легальных предприятий "башмаков" и заметно сказались на экономическом положении клана. В начале лета 1995 года были взорваны контролируемые "башмаками" бары "У Андрея", "Кондор", "Татьяна", "Аленка", мебельный цех частной "башмаковской" фирмы. Как считали милиция и сами "башмаки", взрывы были организованы Дзюбой.

Между тем сам авторитет лечился после ранений, не покидая больничных стен, а выписавшись из больницы, он с женой уехал ненадолго в Россию, очевидно, подготовить позиции для отступления из Крыма.

Вернувшись летом в Симферополь, они объявили товарищам, что все намерены продать и уехать навсегда.

Но уехать им не дали.

Двенадцатого июля 1995 года красная "девятка", в которой ехала с двумя охранниками и водителем Ольга Дзюба, была буквально изрешечена из двух "Калашниковых". Сама Ольга, ведший машину двадцатидвухлетний Евгений Иконников и двое его ровесников - охранники Игорь и Руслан, - скончались на месте.

Интересно, что нападение на жену Дзюбы произошло буквально через десять минут после того, как она вышла из приемной тогдашнего начальника Главного управления внутренних дел Украины в Крыму Виталия Кириченко. Незадолго до этого она обратилась к Кириченко с просьбой о защите и выдаче разрешения на ношение оружия. Но 12 июля назначенная на полдень встреча не состоялась: посидев в приемной, Ольга получила сообщение, что ее не примут (по другой информации, Кириченко все же принял ее), после чего Ольга села в красную "девятку".

В монументальное здание ГУ МВД Украины по Крыму сторонние посетители, конечно, заходят, но наверняка Ольгу Дзюбу увидел кто-то из своих, управленческих, и сообщил "башмакам". Хотя, возможно, за машиной тщательно следили, и долгая ее стоянка перед зданием управления милиции дала возможность выставить бригаду киллеров.

Сразу же после расстрела автомашины первыми к ней подбежали сотрудники железнодорожной милиции (преступление произошло недалеко от железнодорожного вокзала в Симферополе, на вполне предсказуемом маршруте от центра к дому Дзюбы). Убийцы же, сбросив рабочие халаты, спортивные шапочки и перчатки, бежали с места преступления. Автоматы полетели в речку Салгир.

Ольга была убита чуть за полдень. Буквально через два часа после гибели жены Олег Дзюба позвонил своей матери и сообщил, что "Олечку убили", а он задержан милицией.

Около 22 часов, после беседы у руководства крымской милиции (на самом деле Олег Николаевич не был "задержан", его привезли в Главное управление поговорить, выяснить прежде всего, есть ли какая-нибудь информация о причинах покушения на жену), Дзюба отправился домой.

Во избежание "продолжения" вокруг дома была выставлена охрана – бойцы спецподразделения "Беркут". Вскоре в дом приехали несколько милицейских офицеров, а затем и сам начальник крымской милиции.

Приехавшая домой к сыну мать (Олег жил отдельно) застала его в окружении милиции. Он был сильно, чуть ли не до невменяемости пьяным. Тут же присутствовал начальник ГУВД Кириченко.

Олег, достав бутылку водки, предложил еще выпить. Мать отговаривала: "Давай, сынок, сначала Олечку похороним".

Рванув на себе рубаху, Дзюба, почти рыдая, выкрикнул: "Что мне делать? Дочь убили, жену убили!".

После этого в комнату вошли следователи. Посоветовавшись с ними, генерал В. Кириченко отдал распоряжение оставить у дома охрану и уехал.

О последующих нескольких часах жизни авторитета ничего не известно. Никто из немногочисленных свидетелей не может вспомнить, говорил ли Дзюба что-либо существенное. Лишь вспоминают, что он больше практически не пил.

Тем временем напряжение нарастало: многие, и бойцы "Беркута" в том числе, полагали, что с наступлением темноты произойдет нападение.

Сам Олег Николаевич, не зажигая света, сидел в комнате и думал.

ЗАГАДОЧНО УМЕРЕТЬ НАДО УМЕТЬ

Что созрело в голове этого неординарного человека? Неизвестно, хотя последующие внешние его действия хронометрированы с точностью до минуты.

...Против ожиданий, на Дзюбу в эту ночь никто покушаться не стал. Все произошло как раз наоборот: сам он, выпрыгнув из окна во двор, бежал из охраняемого дома.

Прежде всего он отправился к замаскированному тайнику, откуда взял припрятанные автомат и пистолет "ТТ". Обстреляв из них сотрудников "Беркута", которые попытались преследовать авторитета, он двинулся в назначенное по радиотелефону место, где его уже ожидала машина с тремя охранниками.

Машина колесит по городу с вполне конкретной целью, и в ней появляются, извлеченные из тайников, еще один "Калашников" и граната РГД.

Затем, выбравшись из лабиринта завокзальных улочек на евпаторийскую трассу, белый седан мчится в поселок ГРЭС.

На пустынной в это время трассе Дзюба, скорее всего не столько пьяный, сколько предельно взвинченный, палит в окно из автомата. Так и запомнилась эта картина случайному свидетелю: ночь, рев мотора, ослепительный свет фар, полыхающий пламенем из окна машины автоматный ствол и бледное, мертвенное (из-за освещения?) искаженное лицо стрелка.

Машина влетает в гресовский поселок и направляется к кафе "Калинка", одной из штаб-квартир и традиционных мест сбора "башмаков".

Дзюба едет творить над своими врагами суд и расправу. Можно не сомневаться, что для всякого, кто оказался бы в кафе, эта ночь стала бы последней.

Но в кафе в это время уже никого не было, даже ночного сторожа, поэтому Дзюба, резанув очередями по окнам, приказал возвращаться в город и сам уселся за руль.

Снова ночная трасса, но на этот раз без стрельбы; один автомат с пустым магазином выброшен в кусты, другой по дороге отдан "на хранение" (позднее его вместе с остальным оружием изымут оперативники).

В городе на одной из улиц машину пытается остановить пост ГАИ. Но Дзюба (гаишники его уверенно опознают) вдруг выхватывает гранату и заявляет, что, если милиция будет его преследовать, он взорвет и ментов, и машину со всеми, кто в ней есть. Репутация Дзюбы не позволяет усомниться, что по крайней мере первая часть угрозы непременно осуществится, и патрульные почитают за благо отпустить машину и посоветоваться по рации со старшими.

А граната? Свидетели утверждают, что, отъехав от поста, Дзюба запихнул гранату в карман.

Гонка по ночным улицам, на этот раз с целью, известной только самому Олегу Николаевичу, продолжается до тех пор, пока машина не сталкивается с грузовиком, серьезно повредив при этом радиатор.

Тогда Дзюба едет к своим бывшим соратникам, позднее перешедшим к "башмакам", - братьям Бачевским, чтобы потребовать новую машину. Войдя, "здоровается" - расстреливает собаку. Когда на выстрелы выбегает хозяин, Дзюба, наведя пистолет уже на него, требует машину. Бачевский моментально сообразил, что откупиться от Дзюбы, да еще от вооруженного и взвинченного до невменяемости, за свое "отступничество" всего

лишь машиной - милость небесная. Поэтому он поспешно выгнал из гаража свою "ладушку", а на ее место загнал разбитую "бээмвуху".

На новых колесах Дзюба посылает одного из охранников к себе домой проверить, там ли еще "Беркут", а сам направляется в гараж на Льдозаводской улице, где у него стоит еще одна машина. Здесь он отправляет оставшегося охранника с каким-то поручением и входит в гараж.

Тем временем посыльный добирается до дома Дзюбы на улице Шахтеров. И когда он осматривается - "Беркут" тут как тут. Вооруженного гонца берут тихо и, быстро допросив, отправляют спецгруппу по названному боевиком адресу, где, как предполагают, Дзюба сидит в своей машине в гараже и ждет.

Как только спецназовцы прикоснулись к двери гаража, раздался оглушительный взрыв, за ним еще несколько.

Когда отгремели взрывы и удалось сбить пламя, в развороченном автомобиле оперативники обнаружили обгоревший до неузнаваемости труп.

По официальной версии, рванула граната, которая, по клятвенным утверждениям посыльного и задержанного в тот же час охранника, была у Дзюбы, когда авторитет входил в гараж, - а затем детонировали хранившиеся там взрывчатка и боеприпасы, целый арсенал банды.

Что же произошло в действительности? Самоубийство? Или совершенно пьяный от водки, горя и ярости главный беспредельщик подорвался на своей гранате по неосторожности?

Но если проанализировать хронику ночи с 12-го на 13 июля, то создается впечатление, что Олег Николаевич постепенно трезвел, а не пьянел и, согнав хмель и ярость стрельбой, автомобильными гонками и "отравниванием" тех, кто попадался под руку, начинал действовать осмысленно и целенаправленно. Во всяком случае, ни посылка разведчика к своему дому, ни точное нахождение нужных ему адресов, ни вполне четкие команды и распоряжения не указывают на крайнюю, до полной потери самоконтроля степень опьянения.

Более вероятно, что после вспышки активности на Олега Николаевича накатило отчаяние от понимания полного разгрома и безвозвратности потери семьи, дочери и жены, которых он, по всем отзывам, очень любил. А по данным МВД, в войне Дзюбы с "башмаками" погибло около 30 человек, была уничтожена практически вся его бригада. Но неужели отчаяние настолько захлестнуло главного беспредельщика, что он решил покончить с собой? И рванул чеку "эргэдэшки", когда услышал звук моторов милицейских "уазиков" и шаги оперативников?

Возможно, и так, однако полной уверенности в этом нет.

Олег Николаевич не отличался устойчивой психикой, легко впадал в ярость, в неудержимое бешенство, но вот в депрессию - весьма редко.

Он проигрывал, но не отступал, мирился, но не прощал; так неужели сейчас, когда у него были еще возможности мстить, во всяком случае дорого продать свою жизнь, он доставит врагам такую радость?

И еще. Дзюба всегда был неплохим тактиком и всегда любил заниматься устройством тайников, запасных явок, укромных убежищ. Гараж на Льдозаводской улице был как раз одной из тщательно и заблаговременно подготовленных явок.

Умел он прилично работать с взрывными устройствами, во всяком случае, у подрывников его команды накладок не случалось.

И как-то совсем не верится, что не предусмотрел он запасного хода, не подготовил способ тайного отступления и фейерверка в честь закрытия еще одной страницы жизни.

Тогда становится более понятным, зачем ему понадобилось отправлять подальше обоих охранников. Одного - на разведку (неужели Дзюбе было так важно возвращаться этой же ночью в свой дом?), второго - домой, причем даже не позволил ему войти в гараж,

так что парень не знает, не было ли там еще кого-то. И почему, наконец, взрыв раздался, едва прикоснулись к двери - будто сработала автоматика.

Да и у оперативников, осматривавших место гибели главного беспредельщика, есть вполне обоснованные сомнения: останки ли Дзюбы видели они в разбитом гараже и не стоит ли в ближайшее время ожидать воскресения из мертвых одного из самых жестоких крымских преступников?

А может быть, воскресение под другим именем и где-нибудь достаточно далеко от Крыма уже произошло?

ФИНАЛ С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

С точки зрения легального бизнеса, дела в объединении "Русь" и у нескольких других дружественных предприятий шли нормально для нашей все еще необычной ситуации. А вот с точки зрения нелегального бизнеса... Все не то, чтобы кисло, а как-то даже скучно. Производилась продукция, и оказывались услуги, выплачивались в размерах, определяемых связями и квалификацией бухгалтеров, налоги, подсчитывались прибыли и убытки, ремонтировались пострадавшие в конкурентной борьбе точки и строились новые. В принципе, обычные радости и обычные трудности предпринимательства, лишенного особенных льгот, но еще не исчерпавшего инвестиционные ресурсы.

Что же касается черной стороны, собственно бандитов, то здесь дела обстояли совсем не так.

После короткого, но яркого расцвета для "башмаков" наступили тяжелые времена. Виктор Башмаков, не только преуспевающий предприниматель, но и глава группировки, был убит. В сражениях за наследство ХЛПК, с "греками" и "Сейлемом" полегло несколько бригадиров. Сводный брат Башмака, Станислав, находился в розыске.

Не способствовала башмаковскому укреплению кровавая война с кланом Дзюбы. И главное: у бандитов давно, очень давно закончились оперативные деньги, а бухгалтер Анастасия Францевна наотрез отказывалась выдавать то, что было в кассе. Грозилась потерять ключи от сейфа или, на худой конец, неправильно свести квартальный баланс.

И что только не делали ее не совсем обычные работодатели, чтобы уговорить Францевну, но ничего не помогало: ни бейсбольные биты, ни горячие утюги, ни даже 220 вольт в ноздри. Бухгалтер всегда выписывалась из больницы здоровой и вновь возвращалась на рабочее место, настаивая на своем.

Весьма ощутимые удары по своим предприятиям со стороны и конкурентов, и правоохранительных органов сказались на доходах. Башмаковские бригады несли потери, и, как это водится у бандитов, их лидеры стали нередко перебегать под другие, ставшие более могущественными "крыши".

Летом 1995 года на востоке полуострова и даже в самом Симферополе "башмаков" попытались потеснить татары (об этом читатель узнает из специальной главы).

Наконец, после татарских погромов "точек" и предприятий "башмаков" в Феодосии и Судаче на них всерьез наехала милиция. Несколько облав было проведено на крупных башмаковских "малинах".

Уже давно милиция присматривалась к крупному ялтинскому санаторию "Ай-Даниль", который облюбовала башмаковская братва и превратила в свою южнобережную резиденцию. Здесь "пацаны" отдыхали от ратных трудов, купались в море, загорали под крымским солнцем, набирались сил для дальнейших подвигов. Оперативники нагрянули неожиданно и накрыли на "базе" сразу 38 человек, многие из которых числились в розыске за различные преступления. Среди прочих оказались задержанными и два депутата местных советов, известные в криминальных кругах под кличками Даня и Карась. Правда, их через несколько часов отпустили - сработал депутатский иммунитет. У прочих "отдыхающих" в санатории было изъято семь единиц оружия.

В июле 1995 в разработку взяли джанкойскую бригаду некоего Фили - заметной фигуры в "семье" "башмаков". Позже за нею последовала уже упоминавшаяся чеченская команда, несколько удачных разработок было проведено в Севастополе.

Серьезные неприятности появились у башмаковских группировок в Керчи и Феодосии, которые были более или менее тесно связаны с основным кланом. А на Южном Берегу все больше и больше занимал ведущие позиции "Сейлем", о котором разговор еще впереди. О полном уничтожении "семейства" говорить и теперь не приходится. Еще и в текущем году берут башмаковскую братву, например рэкетиоров, еще идет подпольный бизнес на суррогатной водке, наркотиках, оружии, еще собираются "торпеды" и "быки" на выколачивание долгов и бандитские "стрелки" и "разводки", но все это уже - на излете. Иных уж нет, а те далече.

Во второй половине девяностых недавние "хозяева Крыма" оказались в нелегких условиях. Поэтому та часть уцелевшей братвы, которая не могла и не хотела перейти в мирный бизнес, стала искать новые ниши, искать настойчиво, нетрадиционно, а иногда и вполне успешно. Так, один из башмаковских осколков был занесен суровыми ветрами далеко на север.

Два уважаемых "башмака", Симон Дынян и проживавший там же, в Симферополе, Олег Майский, считались людьми авторитетными. Тандем неплохо освоил целый ряд важнейших бандитских специальностей, таких, как рэкет, грабежи, разбои, мошенничество. Однако главные деньги они делали на нелегальных поставках крупных партий оружия в "горячие точки".

В будущее партнеры глядели с надеждой и оптимизмом, которые в прах развеяли события последних лет. Мощные удары по башмаковской коалиции со стороны их конкурентов, ознаменовавшиеся штабелями трупов, и со стороны милиции, всерьез взявшейся за рэкетиоров, поставили светлую перспективу под большой вопрос.

Уцелевшая в разборках майско-дыняновская братва затаилась, залечивая раны и мучительно размышляя о будущем. Прежде всего, необходимо было отлежаться на дне. Затем принять решение: идти ли на реванш без особенной надежды на успех? Смириться ли с отстранением от "большой политики" в Крыму и подбирать чужие объедки? Или перекинуться на чужую территорию?

Последнее выглядело заманчивее всего. Вот только куда направить свои стопы? Ясно, что на материк, на Большую землю. Но в России, судя по всему, делать нечего: по утверждениям знающих людей, там все "схвачено" и куплено от Балтики до Тихого океана. То же самое и на материковой Украине, где одесская, донбасская, днепропетровская братва все эти годы времени зря не теряла.

Выход неожиданно подсказал залетный "пацан" по кличке Близнец - могилевский уроженец, отбывавший наказание в СИЗО солнечного полуострова.

Чем приглянулся он Симону, можно только гадать. Но так или иначе именно он ввел Близнеца в избранное общество крымских бандитов и даже способствовал поддержанию его авторитета среди них.

Так вот, именно с подачи Близнеца было принято решение держать курс на независимую Беларусь.

В рассуждениях Близнеца была вроде своя логика: конечно, там, за Бугом, доходные места не пустуют, но ведь можно кое-кого и подвинуть. Ссылаясь на свое знание психологии соотечественников, Близнец убеждал: я, мол, знаю, белорусы - не россияне, им крутизны не хватает, а вы - братва тертая, в огне сражений закаленная.

Короче говоря, крымская братва двинула на север. Мосты за собой сжигать не стали, наоборот, сохранили за собой как крымскую прописку, так и российское гражданство на тот случай, если придется "делать ноги" в том или другом направлении.

Местом первой остановки был избран древний город Могилев. Однако, как вскоре выяснилось, белорусы с криминальным отливом совсем не пришли в восторг от залетных авторитетов. Могилевские воры заявили южным гостям примерно следующее: мы и сами

авторитетные, делить нам с вами нечего, у нас и так уже все поделено. Такие речи они подкрепили "пиками" и стволами. Попытка пустить корни в чужом городе закончилась большой разборкой, в результате чего новоявленный союзник крымчан, местный уроженец Игорь Бац, попал в больницу с ножевым ранением.

Именно с этим персонажем связана дальнейшая история пребывания "башмаков" на белорусской земле.

Когда против Баца местная прокуратура возбудила уголовное дело, последний из больницы и из города попросту сбежал. Его примеру последовали и его новые друзья, посчитав за лучшее, не дожидаясь продолжения, покинуть не слишком гостеприимный город.

Место новой дислокации крымчан было связано с немаловажным обстоятельством. В крупном областном центре Беларуси гастролерам светила солидная "крыша", и, следовательно, работа с наименьшей степенью риска. Здесь проживал родственник Баца Федор Климовский - владелец нескольких коммерческих предприятий, фигура весьма известная в коммерческом мире республики, в прошлом видный хозяйственный функционер, обладающий большими связями в правоохранительных органах Беларуси. Злые языки болтали, будто он вообще один из лидеров белорусской теневой экономики, однако убедительных доказательств этому, понятно, не приводилось.

Своего родственничка Баца, с авторитетной компанией, Климовский принял как родных и даже любезно предложил пользоваться комфортабельными апартаментами собственной шикарной загородной виллы.

Именно здесь, судя по всему, родился в творческих муках глобальный проект покорения "Новой Беларуси".

Для более или менее сносного существования гастролерам необходимо было искать новый источник пополнения бригадного бюджета, и он был найден. Небогатая ресурсами республика занимает важное географическое положение, делающее ее транзитным каналом для товаров, перемещаемых из Европы в Россию и обратно, а равно и между странами Балтии и Причерноморьем.

Одним из самых доходных товаров являются автомобили, как "белые" - перевозимые и перегоняемые на легальных основаниях, так и "темные" - попросту краденые иномарки.

Майскому удалось установить контакты с представителями уголовной среды города, занимающимися криминальным автомобильным бизнесом, и плотно "сесть" на важные белорусские дороги.

Крымчане привнесли в дело продажи новых и слегка подержанных автомобилей целый ряд достаточно новых и неизбитых форм.

Основных каналов добычи машин было два: "конфискация" краденых у других бандитов, т.е. своеобразная "экспроприация экспроприаторов", и самостоятельный перегон таких же "темных" машин из-за рубежа.

Первое обставлялось нередко как настоящая милицейская операция, когда переодетые в форму "пацаны" просто изымали "левые" тачки, оставляя незадачливых перегонщиков лишь с "протоколами изъятия" на руках. При этом бандиты проявляли интерес исключительно к новым и престижным иномаркам.

Дело быстро заладилось, и вскоре вилла превратилась почти что в офис процветающей фирмы. Клиентов было хоть отбавляй со всех концов бывшего необъятного Союза. Стены дачи видели и солнцевских, и кунцевских, и еще Бог знает каких мафиози.

Здесь же, на вилле, была налажена и система автосервиса: на "засвеченных" машинах перебивались номера, изготавливались поддельные документы, по которым затем авто сбывались потребителям.

Руководящие роли в группировке к этому времени распределились так: Майский - главарь, его заместитель - Бац.

Между тем через некоторое время "фирма" все же попала в поле внимания белорусских правоохранительных органов. Произошло это из-за разразившегося на вилле, по крымским меркам вполне обычного, скандала.

Неудачная сделка с приехавшими на виллу "партнерами" переросла в перестрелку, изрядно перепугавшую местное население. Но разборка обошлась без жертв, и только пригнанная недавно новенькая "вольво" была попросту превращена в решето.

Как ни удивительно, но никаких оргвыводов со стороны милиции не последовало - настолько надежной оказалась белорусская "крыша" крымских гастролеров.

Впоследствии она не раз спасала "башмаков" от, казалось бы, неминуемой грозы.

Вот лишь одно тому подтверждение.

Как-то господин Майский назначил "стрелку" местному уголовному авторитету для проведения небольшой денежной операции. Едва партнеры смогли перемолвиться несколькими словами, как на горизонте замаячили фигуры "людей в штатском"; уходить незамеченными было слишком поздно. И тогда Майский совершает незабываемый для скромных горожан поступок. Он выхватывает из кармана и швыряет на тротуар изрядную пачку долларов - ни больше ни меньше - 17 тысяч! - в надежде на то, что прохожие вмиг подметут "вещественное доказательство".

Однако сотрудники УБОП оказались более расторопными, и "вещдок" (в том числе и фальшивая сотенная купюра) оказался в их руках. Обыск машины Майского дал еще несколько интересных находок, в том числе замаскированное под авторучку самодельное стреляющее устройство и несколько разнокалиберных патронов. Вроде бы все ясно, не правда ли?

Майского в наручниках препровождают в камеру предварительного заключения и возбуждают уголовное дело по факту обнаружения находок. Но не тут-то было. Оказывается, новоявленный автомобильный король Беларуси приехал на встречу не на своем, а на чужом автомобиле, которым управлял по доверенности. Стало быть, кто подсунул ему "авторучку", Майский не знает, равно как и деньги, с негодованием выброшенные им на асфальт.

Из обвиняемого Майский во мгновение ока превращается в обвинителя – и вот уже уголовное дело заводится по факту превышения работниками УБОПа своих служебных полномочий!

Так что ровно в 11.00 следующего дня у ворот СИЗО узника уже поджидал сверкающий лимузин, а вот убоповцы четыре месяца "ходили под статьей", пока следствие не обнаружило в их действиях отсутствие состава преступления.

Проблемы у крымчан начались не благодаря белорусским правоохранителям, а, как это часто случается, по причине сугубо внутренних разногласий.

По версии одного из двух главных действующих лиц предприятия, Симона Дыняна, он дал по выходе из СИЗО Майскому на "подъем" около 15 тысяч долларов. Соратник же, вместо благодарности, при реализации очередной партии автомобилей в октябре 1995 года попросту "кинул" благодетеля на огромную сумму "зеленых"!

Это было последней каплей в отнюдь не пустую уже чашу взаимных претензий двух компаньонов: остатки "башмаков" раскололись на две враждующие бригады.

Темпераментный, не прощающий обиды Дынян вышел из повиновения "верховного главнокомандующего", Майского, и начал играть в свою личную игру.

Свою бригаду Дынян организовал на национально-родственной основе и главенствующим сделал принцип жесткого единоначалия: слово Дыняна - закон для подчиненных. Успех деятельности банды обеспечивала ее высокая мобильность, использование современных средств связи и оружия, железная дисциплина (насколько она возможна в среде уголовников) и надежная охрана (возле дома Симона круглосуточно несли дежурство трое охранников, еще двое постоянно наблюдали с крыши). Бригада Дыняна какое-то время промышляла на прежней территории, но, спасаясь от белорусского УБОПа, перебралась за Буг, в Польшу.

Что касается Майского, то он со своей частью "башмаков" двинул туда же, в Польшу, еще раньше Дыняна и занялся там ни больше ни меньше - разбоем на польско-немецкой границе.

Авторитет "башмаков" в криминальных кругах Беларуси к этому времени настолько вырос, что за помощью к ним обращались наикрутейшие белорусские бандиты. А помощь требовалась...

В 1996 году события в криминальном мире Беларуси приобрели крутой оборот: возникли крупные разногласия между региональными преступными кланами. Для того чтобы их разрешить, одной из несогласных сторон потребовался киллер. Почему не нашлось его среди своих, местных, остается неизвестным, но обратиться решили именно к крымчанам.

В бригаде Дыняна имелся киллер по кличке Валик.

Интерес к его персоне проявляли не только крутые белорусы, но еще раньше - УБОП Украины и Херсонской области по причине его причастности к покушению на народного депутата, председателя Генического районного исполкома соседней с Крымом Запорожской области П. И. Занченко. В банде Дыняна Валик исполнял обязанности телохранителя босса, перегонщика автомобилей из Польши в Крым, опекуна посредника-поляка.

Он принял приглашение белорусских коллег и отправился в дорогу. Однако заработать на этот раз Валику не пришлось. При пересечении польско-белорусской границы он попал в руки УБОПа МВД Беларуси, которое вскоре сдало его херсонским милиционерам.

...А у Дыняна тем временем дела не заладились.

В гостинице города Бела-Подляска его накрыла польская полиция. Вместе с ним взяли и особо доверенное лицо Симона - поляка-посредника Марека, у которого изъяли большое количество взрывчатки. Как оказалось, бригадир задумывал убийство двух поляков. После нескольких дней отсидки в польском участке Дынян был этапирован на родину как нежелательный элемент, однако, по последним сведениям, вскоре вновь оказался за Бугом.

Что же касается Майского, то он отправился из Польши не на Восток, а на Запад, и видели его чуть ли не в Париже; во всяком случае, теперь тачка авторитета зарегистрирована во Франции. Как и Дынян, он продолжал навещать ставшую ему родной Беларусь и даже осуществил ряд новых прибыльных мероприятий, в частности, возвратил задержанные милицией краденые автомобили, которые братва перегоняла из Польши.

Эту операцию осведомленные люди считают почти невероятной, потому что документация, необходимая для дальнейшей продажи этих машин, была милицией определена как фальшивая.

Впрочем, как и у Дыняна, у Майского случались и мелкие неприятности. Так, мчавшуюся по шоссе в Седлищком воеводстве машину Майского с французскими номерами обстреляли из красного "мерседеса". Через некоторое время на воздух взлетел его дом, однако пока что самому "экс-башмаку" удавалось уходить абсолютно невредимым.

Глава 5

"ГРЕКИ" И К° ГЛАЗАМИ КИЛЛЕРА

Судьба всех преступных кланов в общем-то проста и сводится к выбору: погибнуть или измениться, переходить к законной жизни, ложиться "на дно" или же самому становиться законом (как изредка происходит, например, при удачных агрессиях и смене династий). Те, кто останавливают свой выбор на чем-то одном, обречены.

Пока "башмаки" воевали со всеми остальными группировками, искореняли клан господина Дзюбы, учиняли борьбу с татарским нашествием, гоняли ворованные машины по дорогам Беларуси и Польши и довоевались до своего ослабления и распада, на улицах Симферополя и других крымских городов шла еще одна большая война.

В ней истребляли друг друга представители "Казино", "греки" и бригады давнего авторитета, начинавшего еще с Гуней, боксера Иванова.

РОЖДАЕТСЯ СТРУКТУРА

"Башмаки" в начале девяностых годов были первыми в криминальном мире, кто структурировался в особое сообщество. Постепенно оформились и конкуренты. Личностные связи перерастали в групповые, словно, прежде чем навсегда уйти из жизни, люди стремились "раствориться в коллективе".

В самом начале становления кооперативов и преступных группировок Евгений Хавич (Жид) вместе с Жирафом (Слатвинским) руководил ТЗК "Ай-Петри", рьяно участвовал в разборках с Гуней, Саханом, Дзюбой, а потом поддерживал партнерские отношения с "Сейлемом". Есть данные, что поначалу он вообще входил, так же как Жираф, в эту группировку.

Постепенно Хавич несколько дистанцировался от "Сейлема", вел и расширял свой бизнес, в том числе игорный. Обойтись без охранников и боевиков он не мог. Если переложить защиту и выбивание долгов, скажем, на соответствующую структуру "Сейлема", то тогда что от своего бизнеса получишь? Все загребут и самого еще убьют.

Собственные его силовики и составляли, под его руководством, группировку, прозванную "Казино".

Хавич сохранял определенную независимость, несколько раз ухитрялся остаться "над схваткой" в башмаковско-сейлемовских разборках. Постепенно он готовился отойти от дел, но прекрасно понимал, что просто собрать свои немалые капиталы и уехать, хоть в Патагонию, не выйдет, найдут и в лучшем случае обчистят до нитки. Поэтому и выращивал подмену.

Выбор его остановился на братьях Любичах. Под его руководством и на его деньги братья набирались опыта, боевого и хозяйственного, до тех пор, пока не решили, что "дедушка" сковывает их инициативу и самостоятельность и вообще устарел, отстал от жизни.

Но об этом, неизбежном во всяком бездуховном авторитарном сообществе, эпизоде несколько позже. Сейчас - о третьем знаменитом гангстерском объединении, о "греках".

Его создателем и почти харизматическим лидером был этнический грек, Константин Савопуло. Фамилия среди греков достаточно распространенная, но Константин уверял, что его предок - крымский негоциант прошлого века, памятный симферопольцам по надписи, высеченной над обустроенным родником-фонтанчиком в горсаду. Во всяком случае, денег и хлопот на изготовление нового дизайна этого фонтана Константин не пожалел.

Ближайшим его помощником был родной сын, Иван Савопуло. Группировка быстро разрасталась, особенно охотно в нее вступали репатрианты - болгары и греки. К середине девяностых под контролем группировки, полностью или частично, находились солидные промышленные предприятия (например, завод "Сельхоздеталь"), сеть ресторанов "Марина", бары, десятки магазинов, большинство обменных пунктов на Центральном рынке; часть денег группировки была вложена в московский банк "Чара".

Это, так сказать, видимая, легальная часть. Были еще традиционные базарные кидалы и рэкетиры, перекупщики и сбытчики наркотиков и, естественно, сильные охранные службы.

"Греки" не слишком увлекались экспансией, предпочитая полное подчинение "зоны", в основном юго-западной части Симферополя. Зато конкурентам давали жесткий отпор, что не могло не привести к большим разборкам.

Фактически с 1992 года у "греков" шла война с "башмаками". Численный и организационный перевес был на стороне "башмаков", однако решительного воплощения этот перевес не находил. Как вы помните, в 1994-м и 1995 годах империя "башмаков" потеряла своего лидера и немало бойцов (не говоря уже о финансовых потерях), затем произошло большое осложнение с татарами, - в общем, "греки" могли воевать еще долго, тем более что главные их "кормушки" были выбраны правильно и денежный поток не иссякал.

Группировка чувствовала себя достаточно уверенно, настолько, что Савопуло решил предоставить крупный, по местным масштабам, заем (полмиллиона долларов) врагу "башмаков" - объединению "Сейлем".

Взяв чужие деньги и на время, сейлемовцы почему-то совсем не захотели отдавать свои и навсегда.

Срок возврата кредита прошел, и "греки", естественно, "включили счетчик". Достаточно скоро половина превратилась в целый миллион. Но к тому времени уже всюду громыхали взрывы и раскатывали автоматные очереди: "грекам" навязали войну на два фронта, в дело вступила организация Любичей. Участвовали в разборке и полегли, вместе с жоаком, и бригады Иванова.

Традиционно принято говорить о войне "Казино" против "греков". Это, пожалуй, не совсем так. Сам глава "Казино", Хавич, эту войну не поощрял и не поддерживал, несколько его боевиков и телохранителей также держались в стороне. Но все, кто выполнял заказы Любичей, в той или иной мере относились к группировке "Казино".

Долгое время кровавые подробности этой войны были никому не известны, и, наверное, они так бы и остались в скупых строчках милицейских протоколов, если бы не чрезвычайное обстоятельство. В 1997 году в руки крымских убоповцев попал один из главных "героев" этой войны, у которого (дело неслыханное!) в конце концов удалось взять интервью, так что читатель имеет уникальную возможность узнать о том, что творилось еще недавно, буквально из первых уст.

И ДЕТСТВО БЫЛО

Мой собеседник-человек совершенно нормальный, далеко не дебил, в его жизни не просматривалось ни идей, ни сколь-нибудь серьезных духовных устремлений, ни четкого следования элементарным нормам бытия, сосредоточенным, скажем, в десяти заповедях. Просто он занимался своими семейными делами и подрабатывал, чтобы как-нибудь прожить еще один день, просто стремился спокойно существовать, не загадывая наперед, не планируя, пытался жить, соглашаясь с тем, как сложатся обстоятельства.

Большинство людей его "профессии" живут не намного дольше, чем их жертвы, а при жизни практически никогда не "раскрываются".

Собственно, заказные убийства как явление, а не отдельный эпизод, не проявляют пока тенденции к искоренению главным образом потому, что исполнители стараются остаться в тени или же их в вечную тень отправляют заказчики, нанимая для этого следующих исполнителей.

Итак, Петр Анкудинов, легендарный киллер.

Список убиенных, дерзость исполнения заказов, отработанный почерк свидетельствовали, что работает профессионал, которому, несмотря на видимую открытость действий, удавалось почти два года успешно избегать встреч с правоохранительными органами.

И это при том, что его видели десятки людей, а сам он, как оказалось, житель Симферополя, и все убийства совершались именно в том районе, где он вырос и жил.

Тем не менее никто не мог описать его подробно. Шок от увиденного охватывал людей. Они помнили только грохот выстрелов и кровь, много крови. И еще страх, желание спрятаться, скрыться, не видеть, не помнить.

Воображение рисовало такого крымского Александра Солоника. Никак не меньше. Но реальность, как всегда, оказалась сложнее.

Идею встречи поддержал Михаил Корниенко, в то время начальник крымской милиции. Сам позвонил генеральному прокурору, Владимиру Шубе, и согласовал этот визит. Но в коридорах прокуратуры позднее что-то не сработало, и встреча была отложена почти на год.

И вот - коридор СИЗО-1 города Симферополя. Открываются тяжелые решетки, и в небольшой комнате, скудно обставленной привинченной к полу мебелью, ждем встречи.

Он входит не спеша, с улыбкой, молодой, начинающий слегка лысеть парень, ничем не похожий на преступника. Худощавый, спортивный, с тонкими пальцами музыканта. В глазах - интеллект и никакого удивления и закрытости. Только едва уловимая досада, что жизнь сложилась именно так и шансов, что приговор не будет исполнен, у него, скажем так, пятьдесят на пятьдесят.

Представившись, достаем приготовленную пачку сигарет, закуриваем. Похоже, он рад возможности пообщаться, хотя наручники, приковавшие его к табурету, стесняют движения.

Петр Анкудинов родился в 1971 году в городе Железногорске Тюменской области. Затем его семья переехала в Симферополь. Родной брат Анкудинова по матери, Андрей Дрожжин, входил в бригаду, которой руководил сейлемовец-казиновец Валерий Любич, являвшийся по совместительству директором фирмы "Аудит-резерв".

Согласно уставу, фирма могла заниматься чуть ли не чем угодно: хорошие юристы, собранные в "Сейлеме", умело использовали специфику законодательства при составлении учредительных документов. Здесь был и собственно аудит - весьма удобное средство контролировать состояние дел потенциальных "дойных коровок", - и всевозможное посредничество, и легальный игровой бизнес, и нелегальный наркобизнес. Но главным было все-таки другое.

Фирма занималась отстрелом кредиторов и должников, "недобросовестных", с их точки зрения, партнеров, отстрелом конкурентов и всех прочих, кто мешает работать. Воспитанники Хавича, братья-разбойники, брали на фирму самые черные дела - лишь бы прибыль была высока, и старались устранить всякого, кто "мешал работать". Полагают, что в числе устраненных "помех" в свое время оказался и главный работодатель Вишняков.

По слухам, фирма принимала и просто заказы на ликвидации; точно об этом могли бы сказать сами Любичи, но в нашем мире показаний от них уже не получить. Только косвенно они говорят "да" - фактом своей нелегкой кончины.

- Говорят, что все мы родом из детства. Каким вы были в детстве? Было ли оно счастливым? - спросил я Анкудинова.

- Ничего особенного. Родился я в Тюменской области. Здоровье у меня было неважное. Маме сказали, что я могу умереть, если она не переедет куда-нибудь на юг. Мы приехали в Симферополь. Здесь все наши родственники жили. Родной отец жив и здоров, но я его никогда и в глаза не видел. Воспитывал меня другой человек. Отчим.

В школе я был твердым троечником. Занимался легкой атлетикой, увлекался футболом. Мог и подраться, когда приходилось доказывать свою правоту.

- Маме хлопот много доставляли?

- У меня очень хорошая мама. Она пыталась сделать все, чтобы и я вырос хорошим человеком. Отчим также порядочный человек.

- Вы один в семье?

- Нет, у меня был старший брат. Андреем звали...

Андрей Дрожжин, в течение нескольких лет - охранник, помощник и телохранитель Валерия Любича. Убит в 1995 году.

- Как все старшие, он любил, чтобы ему подчинялись. А я не такой. Подчиняться кому-либо не могу. Частенько с ним дрался из-за этого.

- У вас с братом разные фамилии. Почему?

- У нас отцы разные. Ни того, ни другого мы не знали.

- А брат как-то влиял на вас?

- Постоянно. Если честно сказать, все из-за него, это он научил меня пить, курить "план", колоться. Нет, он меня не заставлял. Я смотрел на него и думал: "А что я, не мужик, что ли?" Андрея я уважал. В футбол вместе часто играли... После восьмого класса я пошел учиться в 26-е ПТУ на газосварщика. Потом в армию ушел, а когда вернулся, то узнал, что он работает в казино. Было такое на Набережной, в помещении шахматно-шашечного клуба. В армии я служил в стройбате, специальностей много приобрел, но на гражданке найти хорошую работу так и не смог, а пахать за копейки не хотелось. Андрей говорил, что работает крупье. Смотрю, вроде ничем не занимается, а деньги постоянно есть. Он мне и предложил пойти работать охранником в казино. Пару дней поработал, понравилось. Работа непыльная, негрязная. Если кто-то начинал буяннить, помогал девчонкам, выводил бунтаря на улицу. В казино работали все знакомые ребята, с некоторыми в одной школе учился...

Свое название группировка "Казино" получила от первого с Симферополе заведения подобного рода, открытого в самом начале девяностых годов в помещении шахматно-шашечного клуба на набережной реки Салгир. Это заведение стало своего рода клубом, который посещали связанные общими интересами джентльмены. Неофициальным руководителем казино был Евгений Хавич - директор ТЗК "Ай-Петри".

Среди завсегдатаев казино были многие не менее выдающиеся, хотя и более молодые лидеры криминалитета, например, помимо упомянутых уже братьев Валерия и Олега Любичей, один из учредителей "Сейлема" Александр Вишняков (Вишня), С. Мешак, С. Благодатский (Гасконец).

Группировка, выросшая из завсегдатаев, руководителей и охранников казино, контролировала игорный бизнес, торговлю наркотиками и весьма немалую часть автосервиса.

Хавича, как мы уже упоминали, связывали дружеские отношения с сейлемскими, и поэтому очень часто его группировку считали просто частью "Сейлема". Это так, но только в определенной степени.

Казиновцы не упускали случая подчеркнуть свою особость.

"ЕСЛИ НАДО - УБЬЮ"

- Стрелять в армии научились?

- Там я всего один раз стрелял из автомата.

- Откуда же пришло умение с оружием обращаться?

- Брат научил. У него и "магнумы", и "пээмы", и "тэтэшки" были. Ездили в лес, вроде бы как для удовольствия стреляли. Только потом я понял, что меня готовили.

- Не спрашивали, откуда у Андрея пистолеты?

- Он мне обычно говорил, что чем меньше я буду знать, тем дольше проживу.

- У Андрея другое оружие было?

- Еще два "калаша", один 7,62, а другой 5,45, маленький. Из большого я стрелял несколько раз. Из маленького не приходилось.

- К наркотикам в клубе пристрастились?

- Нет, там за это дело по голове не гладили. Кое-кого даже принудительно заставляли лечиться. Я несколько раз бросал, а потом срывался

- А когда вы пришли к мысли, что можно зарабатывать деньги с помощью того же "ТТ"?

- Мне и без пистолетов да автоматов денег хватало. Кулаки и голова есть, язык нормально подвешен. Так обстоятельства сложились. Приехали и сказали: "Знаешь слово "надо"? Вот теперь подумай"... Сначала я не придавал этому значения, а потом было поздно. Семья, ребенок. Можно было бы куда-то уехать. Но ведь если бы они захотели, то нашли бы меня.

- С исполнителями, подобными вам, специально занимались? Вас собирали вместе? Скажем, для совместных занятий спортом, стрельбой, психологической подготовкой?

- Психологическую работу со мной проводил Андрей. По субботам мы собирались, в футбол играли. Потом месяца три в бассейн ходили. Спортзал был. Кто хотел, тот и занимался спортом.

- То есть спецподготовки не было?

- Нет.

- На совместные разборки выезжали?

- Я не по этим делам. У меня другой профиль. Я больше любил дома сидеть или с дочкой гулять. Люблю тишину и одиночество. Брат как-то предлагал всей конторой на Кипр махнуть, оторваться, отдохнуть. Хотел поехать, но, как узнал, что двадцать человек едут, отказался. Зачем светиться...

- Когда в первый раз убивали, вы были уже женаты?

- Да, я женился в 1993-м. Жена на год младше меня. Дочке к этому времени исполнилось три с половиной месяца.

- Вы любите свою дочь?

- Да, она замечательный ребенок. Больше всего в жизни любил гулять с ней. Сядешь в парке на скамейку, откроешь книжку, затанешься "планом", она рядом щебечет. Полный кайф.

- Но ведь вы могли бы сказать, что не умеете убивать и никто вас этому не учил?

- Я так им и сказал. А мне ответили, что ничего сложного в этом нет. Подойти и с трех-четырех метров, практически в упор, расстрелять. С трех метров из автомата не промажешь. Я еще сомневался, а потом Андрей приехал. "Пойми, - говорит, - у тебя две дороги: или с нами, или на "Абдал" (городское кладбище в Симферополе. - К. Ч.). Это не я так считаю, меня попросили тебе об этом передать". После этого я лег в больницу (в 6-е отделение Крымской Республиканской психиатрической больницы, официально - для лечения от наркомании. - К. Ч.), думал как-то перекантоваться. На первое преступление меня оттуда и забрали.

Первым был Булачев...

Из протокола допроса П. Анкудинова:

"... к совершению данного преступления (убийство Магомеда Булачева) его готовил Любич В. В., который спросил, может ли он убить человека, и Анкудинов ему ответил: "Если надо, то убью". Затем Дрожжин... вывез его в лесопосадку за заводом "Пневматика", дал ему пистолет "ТТ" с боевыми патронами к нему, и он, Анкудинов, стал упражняться стрельбой по бутылкам. Убедившись, что стрелять может, разъехались..."

Из официальных материалов следствия:

"28 декабря 1994 года, когда он (Анкудинов. - К. Ч.) находился на стационарном лечении [...], в больницу приехал брат Дрожжин А. В. на автомобиле и забрал его из отделения на пару часов. Когда приехали на улицу Херсонскую, Дрожжин поставил перед Анкудиновым конкретную задачу - убить Булачева М. В., бригадира противоборствующей преступной группировки (группировка "Греки". - К. Ч.), для чего дал автомат Калашникова и боевые патроны к нему, которые находились в магазине, а также куртку светло-зеленого цвета. Одновременно Дрожжин объяснил, что Булачев подъедет на автомобиле "опель-коблири" в 14 часов к торговому центру, расположенному на ул. Д. Ульянова в г. Симферополе. Получив задание убить Булачева, огнестрельное

оружие для этого, Анкудинов переоделся в переданную ему куртку и стал ждать приезда Булачева в указанном месте с противоположной стороны. Автомат был спрятан под курткой. Когда в указанное время подъехал автомобиль, за рулем которого сидел Булачев, и остановился у торгового центра, Анкудинов подбежал к машине и с расстояния одного метра от водительской дверцы произвел очередью из автомата Калашникова выстрелы, в результате чего Булачев М.Б. был убит на месте.

Покидая место преступления, пробегая между домами по ул. Д. Ульянова в сторону ул. Очаковской, 12, где проживал Любич В. В. со своей семьей, выбросил автомат на площадке для сушки белья, а сам побежал к Любичу В. В., где в это время находился и Дрожжин А. В. За совершенное преступление Анкудинов получил благодарность от Любича В. В. и денежное вознаграждение в сумме 1500 долларов США, которое ему вручил Дрожжин, чтобы хорошо провести Новый год".

Получили пулевые ранения (во время покушения. - К. Ч.) подросток С. Канищев и рабочий магазина В. Терещук...

ДО И ПОСЛЕ ВЫСТРЕЛА

- А как обычно это происходит? Составляется ли заранее план, продумываются ли маршруты отхода? Следят ли за жертвой?

- Меня всегда ставили перед фактом. Они сами делали всю черновую работу. Приводили на место, говорили, чтобы стоял и ждал, через полчаса, мол, нужный человек подъедет. Вот и все. Уйти я никуда не мог: жена, дочка, мать.

- Они угрожали их убить?

- В том-то все и дело, что такой разговор был.

- Получается, что именно брат заранее готовил вас к новой профессии?

- Да, и я это не скрываю.

- А сам он этим занимался?

- Насколько мне известно, умение обращаться с оружием ему пригодилось.

- Вы убивали людей недалеко от дома, в котором проживали. Не боялись, что вас кто-нибудь узнает? Или работали в маске?

- Конечно боялся. Я даже думал, что меня подставить хотят. Одевался я как обычно, никаких масок с собой не брал. Ко мне приезжали, выдавали оружие и везли на место.

- А своего оружия у вас не было?

- Нет.

- Оружие обычно сбрасывали?

- Автомат сбросил. Мне никто не сказал, что с ним делать. В других случаях пистолеты отдавал. Работал я всегда в перчатках. Заказчиков не знал и никогда не пытался выяснить, кому помешал тот или иной человек. Возможно, что заказчиком был брат. Один раз попытался его об этом спросить, он ответил: "Оно тебе надо?.. Есть люди..."

Из официальных материалов следствия:

"1 февраля 1995 года Анкудинов П. В., выполняя задание руководителя банды Любича В. В., которое он получил через члена банды Дрожжина А. В., на убийство гр. Новикова И. Н., являющегося членом противоборствующей преступной группировки по торговле и сбыту наркотиков, а также получив от Любича В. В. через Дрожжина огнестрельное оружие для совершения этого убийства - пистолет "ТТ" с боеприпасами, и действуя в соответствии с указаниями Любича В. В., прибыл на ул. Баррикадную в г. Симферополе к дому N 5, где должен был находиться Новиков И. Н. "

Дрожжин описал брату внешность Новикова, которого Анкудинов никогда ранее не видел. Водитель фирмы "Аудит-резерв" Геннадий Кривопапов привез их на машине к дому на улице Баррикадной. В этом доме продают и принимают наркотики, и Новиков, сам причастный как к сбыту, так и употреблению наркотиков, посещал это место. Он состоял в группировке Иванова, занимающейся наркобизнесом.

Остановив машину на противоположной стороне улицы, братья вели наблюдение за домом из бинокля.

Сначала Дрожжин сказал, что будет лично стрелять в Новикова, и на всякий случай дал (Анкудинову) пистолет "ТТ" для прикрытия.

Новиков долго не появлялся. Дрожжин отправился в дом "выяснить обстановку", а Анкудинова оставил вести наблюдение. Дрожжин отсутствовал достаточно долго, а когда появился, был уже "под кайфом" - не смог отказать себе в том, чтобы "ширнуться" вместе с потенциальной жертвой. Возвратившись к брату, Дрожжин изменил свое решение стрелять в Новикова лично, потому что его, Дрожжина, здесь все хорошо знают. Поэтому он поручил совершить убийство Анкудинову, а сам уехал вместе с Кривопаловым.

Из протокола допроса Анкудинова П. В.:

"... минут через 20 вышел Новиков, который шел впереди, за ним шел другой парень, которого я не знал вообще. Новикова я узнал сразу по описанию Дрожжина. Пошел им навстречу. Шел на убийство Новикова. Убийство второго человека в мои планы не входило. Пистолет держал в правой руке под курткой, лично проверил пистолет на готовность к стрельбе. Все было в порядке. [...] Когда я поравнялся с Новиковым, он повернулся в мою сторону, я уже немного прошел от него, навстречу мне шел второй парень. [...] Я оглянулся назад, чтобы увидеть Новикова, и вижу, что Новиков смотрит на меня, по-видимому, он что-то заподозрил. Второй парень не понял, зачем остановился Новиков, и, когда увидел, что Новиков убегает, вообще растерялся, в это время я произвел выстрел в грудь второго парня [Барковского С. М.

], он упал на снег. Перепрыгнув через его тело, я побежал за убегающим Новиковым, ведя прицельный огонь из пистолета. Новиков упал на снег, я подбежал... выстрелил в голову Новикова, после чего развернулся и ушел, был уверен, что он убит..."

Барковский С. М. скончался на месте, Новиков И. Н. остался жив, получив четыре огнестрельных пулевых ранения.

- С Андреем как-то считались те люди, с которыми он общался?

- В своем кругу брат был уважаемым человеком.

- Где он сейчас?

- Убили. Одиннадцать ножевых ранений. Случилось это с 5-го на 6 февраля в 1996 году. Его нашли возле городского пруда...

- Интересовались, почему его убили?

- Одни говорят, что он слишком много знал. Другие утверждают, что брат кому-то перешел дорогу. Концов так и не нашли.

- Существует мнение, что исполнителей и промежуточные звенья обычно убирают, чтобы оборвать цепочку. Может, Андрея убили именно по этой причине? Ведь брат мог знать заказчиков.

- Возможно, но тогда, скорее всего, убрали бы и меня. Правда, один раз в меня стреляли, но, скорее всего, спьяну. Однажды вечером я в свой двор зашел, а навстречу мне два молодых парня. "Ну все, - подумал, - привет семье". Посмотрели мы друг на друга и разошлись. Тогда я подумал, что мне повезло. После этой встречи я каждый раз проверял чуть ли не полрайона, прежде чем прийти домой.

- Говорят, что заказные убийства стоят дорого. Сколько вам платили за каждого клиента?

- Я никогда ни с кем о деньгах заранее не договаривался. Считал, что ко мне должны прийти и расплатиться. Но этого ни разу не произошло. Просто мой брат был человек небедный. Почти каждую неделю приходил в гости, спрашивал, нужны ли мне деньги. "Да у меня есть немного", - отвечал я. Сколько у него было денег в кармане - двести, триста, пятьсот баксов, - столько он нам и отдавал. Может, это и был расчет.

(В официальных следственных материалах фигурирует иное, см. цитату выше. - К. Ч.)

- Вы работали в одиночку или кто-то помогал вам?

- Была машина, которая меня забирала. Заранее обговаривалось, куда мне отходить и кто меня будет забирать. Водитель не знал, кто я такой и чем занимаюсь. Он приезжал, ждал меня, а потом отвозил туда, куда мне было надо. Я ни с кем на эту тему не говорил. Может быть, поэтому и живой остался.

ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА - ГРЕК

- А брат хотя бы объяснял, почему нужно устранить того или иного человека?

- В одном городе жили. То с "башмаками" война, то с "греками".

В группировке "Греки" было много кавказцев и татар, братья Савопуло старались опекать репатриантов, прибывших в Крым во время перестройки из Средней Азии и Казахстана.

Первые серьезные проблемы начались у "греков" в 1994 году. Августовским утром почти в самом центре Симферополя у Центрального рынка раздались пистолетные выстрелы и автоматные очереди: несколько неизвестных в масках совершили нападение на офис "греков" - страховую компанию "Центурион" и "Лесбар".

Как оказалось впоследствии, никто из хозяев компании и бара не пострадал, зато была убита случайная посетительница бара - девушка, просто зашедшая выпить кофе. На звуки выстрелов бросились постовые милиционеры, которым удалось задержать трех нападавших - А. Танасевского, А. Пухтицкого, А. Тимофеева.

Несмотря на то, что все трое были приговорены судом к высшей мере наказания, никто из них так и не признался в том, какая группировка заказала им это преступление. По-видимому, следствие этот вопрос не очень интересовал.

После убийства авторитетного "грека" М. Булачева, одиннадцатого января 1995 года был застрелен еще один "греческий" бригадир Иван Иорданов. Припарковав свой "рено", он вошел в аптеку на углу улиц Севастопольской и Самокиша. При выходе Иорданова прошла очередь из автомата - стреляли из стоявшего здесь же автомобиля, который тут же скрылся.

Все это происходило среди бела дня...

- Вы знали в лицо тех, кого убирали? Или вам показывали фотографии?

- Я их всех знал, но чисто визуально. Одни в казино приезжали. С другими в барах приходилось встречаться, город у нас маленький. Называли фамилию или кличку. "Ты же его знаешь?" - спрашивали. "Знаю", - отвечал я. Потом мне говорили, на какой машине и в какое место он приедет...

- Константин Савопуло - ваших рук дело. В свое время убийство Грека наделало немало шума. Среди бела дня, в центре города. Дерзкое преступление. Вы сами додумались до этого?

- А его иначе "завалить" было нельзя, дома или в офисе его целая свора охраняла. Знали точно, что он по Севастопольской мимо рынка поедет. Там в город одна дорога. Кроме того, учитывалось и то обстоятельство, что на светофоре в том месте практически каждая пятая машина останавливается, как минимум, минут на пять.

Сначала я не знал, зачем мы на рынок поедem. В тот день ко мне пришел Андрей. Принес с собой две камуфляжки. "Переодевайся", - сказал. На рынок приехали на попутке. Он мне "ТТ" дал.

"Со мной пойдешь?" - спросил я его. "Да", - сказал он.

Идем по улице. "Кого?" - спросил я. "Грека", - ответил он. "Ничего себе замахнулись!" - удивился я. "А что делать? Мешает", - сказал Андрей.

В тот момент я вообще ни о чем не думал. Мне было все равно. Уйти я уже не мог, у меня за душой было три "барана" (убитых, жарг.). Свои бы и сдали...

Из официальных материалов следствия:

«17 октября 1995 года Анкудинов П. В. после совершенных им ранее указанных умышленных убийств, продолжая действовать по заданию руководителя банды Любича В.

В., получил от него через Дрожжина очередное задание: совершить убийство руководителя преступной группировки в г. Симферополе под названием "Греки" - Савопуло К. И. и его телохранителя Николина С. В. Это вооруженное бандитское нападение Анкудинов совершил совместно с Дрожжиным.

Готовясь к вооруженному нападению, Анкудинов и Дрожжин переоделись в военную камуфляжную форму, вооружились пистолетами "ТТ" с боеприпасами и, узнав заранее маршрут движения автомобиля Савопуло К. И., заняли позицию у здания бывшего штаба Симферопольского военного училища, расположенного на углу улиц Севастопольской и Козлова в г. Симферополе, ожидая появления автомобиля Савопуло у перекрестка этих улиц..."

Около 10 часов утра по улице Севастопольской к перекрестку подъехал черный "БМВ-кабриолет". За рулем сидел Костя Грек (Константин Савопуло), рядом с ним находился его телохранитель Николин С. В. Грек остановил автомобиль на красный свет. В эту минуту к автомобилю подошли с двух сторон Анкудинов и его брат и открыли огонь на поражение из пистолетов.

Савопуло был убит на месте, а Николин, получив семь пулевых огнестрельных ранений, был впоследствии доставлен в больницу, где принятыми срочными медицинскими мерами удалось спасти ему жизнь.

После этого Анкудинов ушел через территорию Центрального рынка, затерявшись в толпе. Его брат убежал на старое кладбище и оставил окровавленную камуфляжную форму на одной из могил.

Из официальных материалов следствия:

"О совершении данного преступления Анкудинов П. В. впервые заявил в своей явке с повинной от 31 октября 1996 года на имя прокурора г. Симферополя, написанной им собственноручно, в которой он указал, что в 1995 году примерно в середине октября:

"... Я, Анкудинов П. В., и Дрожжин Андрей совершили убийство на перекрестке улиц Севастопольской и Козлова, расстреляв из пистолетов "ТТ" Костю Савопуло. Перед этим мы 2-3 дня вели за ним наблюдение. Этой операцией руководил Дрожжин..."

На допросе от 1 ноября 1996 г. Анкудинов П. В. дал подробные объяснения и показал, что к совершению этого преступления его готовил брат Дрожжин А. В., который ему сказал, что надо убить Савопуло, но за что, он ему не объяснял.

"Я говорил брату о моем нежелании участвовать в убийстве, но он мне объяснил, что мой отказ от этого будет смертным приговором для меня, обратного пути для меня нет..."

- Вы один стреляли в Грека?

- Вдвоем с братом. У него тоже был "ТТ". Я стрелял сначала в охранника, Андрей - в Грека. Потом я в Грека, а он в охранника. Андрея вроде бы ранили. Но я этого не видел.

- А если бы Савопуло не остановился?

- Ждали бы, когда будет ехать обратно, или пришли бы на следующий день. Брату бы дополнительно сообщили.

- А вам не приходило в голову, что убить Грека фактически означало подписать себе смертный приговор?

- Приходило. Думал: "Вот сейчас его сделаем, а домой приедем - и нас сделают".

После этого я ко всему был готов.

- После убийства вы с братом разбежались в разные стороны?

- Нас никто не прикрывал, даже машины не было. Андрей побежал на кладбище, а я нырнул на рынок. Так и ушел в камуфляже.

- Не боялись, что остановят?

- А меня бы все равно не взяли. Я был взвинчен до предела и способен на все. К тому же у меня были патроны. Могли, конечно, пристрелить, но я об этом тогда не думал.

- А вы бы застрелились, если бы вас тогда арестовали?

- Нет, о самоубийстве я никогда не думал. Иллюзий я не питаю. Умирать, конечно, не хочется. Все же двадцать шесть лет...

ИГРА С ЧУЖОЙ ЖИЗНЬЮ?

- Идти на убийство, зная, что за это придется отвечать собственной головой. Что же это за жизнь?

- У меня чуть крыша не поехала. Оставаться дома один не мог. Сидел и постоянно что-то ждал. А потом Хавича убили, Андрея зарезали. "Ну, - думаю, - и за "Сейлем" взялись". Через полгода - Любича, еще через неделю - Шумского, через две недели - Кривопаловых. После - второго Любича. Затем Кривоножко с Вишней. И поехали... Уехать? А куда? Они бы все равно нашли, если бы захотели.

- Сколько человек вы убили?

- Четверых.

- А вам их не жалко? Все же у каждого дети, семьи?

- А почему я должен был их жалеть? Они точно так поступали по отношению к моим друзьям и знакомым. Моя сестра по отчиму сидела в баре. Два малолетних придурка зашли и бросили лимонку. Граната у нее под ногами взорвалась...

Когда Андрея убили, я готов был их всех на куски разорвать. И Воронка пристрелить, и Любича - всех. Я человек вспыльчивый. Меня никто не переубедит, подача была от них. А жена мне тогда сказала: "Успокойся, они больше года не проживут". Как в воду смотрела. Через полгода Любича убили, а Воронок, слышал, сидит. Ничего, пусть узнает, что такое баланда.

По большому счету, я никакого права не имел забирать у других жизни, не я им ее давал. Я ведь и в церковь ходил. Меня успокаивало только то, что те, кого я убил, тоже были нечисты на руку. Хотя плохо, конечно...

- Вы себя считаете профессиональным убийцей?

- Какой же я убийца? Я вообще не убийца. Так, случайно, по стечению обстоятельств...

Здесь, конечно, Анкудинов выбирает позицию, психологически удобную для себя, если можно так предположить, допустимую в своей самооценке. На самом деле ситуация отнюдь не столь идиллична.

Из официальных материалов следствия:

"11 октября 1995 года Анкудинов П. В., являясь активным членом вооруженной банды, с целью завладения индивидуальным имуществом граждан по предварительному сговору с гр. Куценко В. В. совершил разбойное нападение на супругов Фесенко с проникновением в их квартиру по адресу г. Симферополь, пр. Кирова, д. 9/12, кв. 42 и с применением к ним насилия, опасного для жизни и здоровья, а также умышленное убийство Фесенко В. В. и соучастие в форме пособничества Куценко В. В. в покушении им на убийство Фесенко Т. М."

Преступники в самодельных масках, вооруженные металлическими монтировками, появились у дверей квартиры супругов Фесенко около пяти часов вечера. Позвонили, и доверчивая хозяйка открыла. Убийцы ворвались в дом и набросились на хозяев. Куценко избивал несчастную женщину металлической монтировкой, причинив ей закрытую черепно-мозговую травму, ушиб головного мозга, множественные раны головы, искалечил правую кисть... Женщина осталась жива только потому, что преступников вспугнули соседи, привлеченные криками жертвы. Однако ее муж, Фесенко В. В., был убит Анкудиновым. Убийца нанес не менее десяти ударов металлической монтировкой по голове и в грудную клетку, раскроив череп и разорвав легкие... В результате этого разбойного нападения преступники завладели имуществом супругов Фесенко - 250 долларами США, обручальным золотым кольцом, пятью дамскими сумками, двумя парами мужских туфель и парой кроссовок...

- Как вы относитесь к "профессии" киллера?

- Не знаю. Об этом надо не у меня спрашивать. Не так давно, кажется, в Волынской области арестовали бригаду киллеров. Причем ребята из спецподразделения. Вот у них надо спросить, они, наверное, лучше знают. Люди серьезными делами занимались. (Вот это да, Костя Грек - это детские шалости провинциального масштаба? - К. Ч.)

- Когда Андрея убили, вас в милицию вызывали?

- Мало того, утверждали, что это я заказал убийство брата. Мать в течение десяти суток не знала, где я находился. Тут Андрея убили, и я исчез. Мать вся поседела. После этого у меня отношение к милиции, конечно, переменялось в худшую сторону. Нет, как людей я их понимаю. Они ловят беспредельщиков, наказывают их, но и сами не святые.

- У милиции, вероятно, были основания для того, чтобы подозревать вас в каком-либо серьезном преступлении.

- Если бы они хотя бы что-нибудь знали о том, чем я занимался, они бы об этом мне непременно сказали. Но они тогда ничего этого не знали. В конце концов передо мной извинились и отпустили.

- Но вы же понимали, что ваше семейное счастье будет недолгим?

- Мы все это прекрасно понимали. Я знал, что рано или поздно что-то произойдет.

- А разве вам не хотелось выйти из игры?

- Дорога у меня была только одна - на "Абдал". А после убийства Андрея я вышел из игры. Меня никто найти не мог. Приезжали к матери, спрашивали, где я. Она ничего не знала.

- А почему вы в городе остались? Можно было рвануть куда-нибудь подальше, на Дальний Восток, например.

- Можно было бы и уехать. Не знаю, что-то держало меня в этом городе.

- После смерти брата вся пирамида рухнула. Оборвались связи. Деньги больше никто вам не давал. Как вы жили?

- Средств мне хватало. Сэкономил немного. Хотел на работу устроиться, уже договорился. Работа не бандитская, не коммерческая. Вроде экспедитора.

- Родные не знали, чем вам приходилось заниматься?

- Нет, конечно, для них это был удар. Жена сильно волновалась за меня, я нервничал, не находил себе места, стал подозрительным и мнительным.

- А как на вас вышли?

- Подельник сдал. У нас же как делается? На тебе висит преступление, на нем такое же висит. К нему приходят и говорят: "Пиши, дружище, на такого-то, а мы тебе, глядишь, годик-другой скостим, или восемь лет на нарах тебе обеспечено". Тот покумекал - и написал. Когда же меня брали, я и не понял ничего. Больше года в тени просидел. Никакой группы захвата не было. Приехали к теще. Меня дома не было, я за дочерью в садик поехал. "Пускай Петя завтра в милицию придет, на беседу", - сказали ей. Я пришел. А мне и говорят: "Вот, читай. На тебя бумага поступила". Вот так меня и взяли. Красиво сдали, по существу.

- Вы этого не ожидали?

- В принципе я знал, что рано или поздно меня возьмут, хотя была какая-то надежда. Все же столько времени прошло.

- Тем более, что многие уже ушли в мир иной...

- Очень многие. В бригаде было десять человек, только я один в живых остался.

Всех остальных поубивали. А что вы хотите? Пять группировок в одном городе.

Симферополь - маленький, а денег всем хочется. Свои своих и били. Я в этом убежден.

"Башмаки" хорошо стояли, с них и начали. Коля Иванов. Шаткая бригада была. Коли не стало. Куда он делся, я не знаю. Пропал человек бесследно. Потом за "греков" взялись.

Очищали место под солнцем. Один "Сейлем" остался, да и то Москаля (генерал-майор Г. Г. Москаль - нынешний начальник Главного управления МВД по Крыму. - К. Ч.) читал - разогнали всех.

- Ваше нынешнее положение незавидное. А если бы пришлось начинать с начала?

- Я бы, конечно, по-другому поступил. Я здесь многое передумал. Я уверен в том, что поступил бы правильно. Даже если бы попал в такое же дерьмо. Безвыходных ситуаций не бывает. Тем более, голова не дурная, память отличная, почитать, подучиться. Мог бы. Просто лень! Гулять хотелось, гулять. Практически вырос на улице. Дискотеки, драки дурацкие по молодости.

- Вы любите читать?

- Люблю, больше всего мне историческая литература нравится. Чингисхан, Батый. "Три мушкетера". Чейза люблю.

- Фильмы смотрите?

- Когда по телевизору какое-нибудь кино показывали, я обычно садился на порог, ставил перед собой табурет, клал на него книгу и читал. Случалось, смотрю на часы, а уже пять утра. Скоро вставать надо, а я только спать иду.

- Американские боевики нравятся?

- Все это ерунда. Могу мелодраму посмотреть, комедию.

- Судя по всему, вы человек замкнутый?

- Новые знакомства не люблю заводить. Есть у меня два приятеля - мне этого вполне хватает. Пить - не пью, так, могу грамм пятьдесят и то дома. Я человек домашний, ко мне обычно никто не приходит. Тяжелую наркоту ко времени ареста почти бросил. В последнее время только травку курил.

- Приговор был для вас неожиданным?

- Нет, я был готов к этому и не стал отпираться. Следствие шло всего восемь месяцев. Я считаю, что чему быть - того не миновать. Отменяют мораторий - увезут. На суде я так и сказал, что виноват. Какой бы приговор мне ни вынесли, я буду его считать справедливым, сказал я.

- Как вы относитесь к смертной казни? Надо ли ее отменять?

- Наши люди просто крови хотят. В Симферополе молодую женщину и двух ее детей зарезали. Обоим преступникам вышку дали. Если честно сказать, то таких стрелять надо. За детей особенно.

Я себя очень плохим человеком не считаю. А вот детей... Ну не надо было их убивать. Ну пришли вы, поговорили. Разговор не получился, можно было по-другому решить. По радио слушаю. То девочку молотком забили, то еще что-нибудь. А вообще, если мы хотим жить в цивилизованном мире... Не знаю. Можно было бы, конечно, и отменить. А с другой стороны, и отменять нельзя. Вы же видите, что творится.

- Если не секрет, откуда информацию черпаете?

- "Транс-М-радио" слушаем, газеты читаем. Поневоле про политику начинаешь думать. Раньше об этом не думал.

- Недавно в Крыму выборы прошли. За кого вы проголосовали?

- За партию "Союз" и за... как его... Ну этот, генерал-майор?

- За Плюту?

- Ну да.

В очередном номере газеты "С места происшествия", который дали Петру Анкудинову во время нашей беседы, он остановился на четвертой странице, где напечатаны ориентировки по розыску заказных убийц. Он знал их всех и начал охотно говорить о каждом.

"Но найдут навряд ли, - подытожил он, - они скорее всего в земле".

ОТСТРЕЛЫ "НА ПОСОШОК"

Война с самого начала не носила одностороннего характера: не только казиновцы, а точнее группа Любичей, истребляли "греков", но и "греки" наносили ответные удары. Однако некоторое время они били не совсем точно, скорее по "башмакам", чем по "Казино". Долго продолжаться такое положение не могло, слухи распространялись если

не по городу, то в криминальных кругах. Бандитский суд - не "народный", здесь не требовалось тщательного сбора доказательств, тем более со всеми нормами процессуального кодекса, а "состязательность" сторон происходила в основном по правилам военного времени. И "греки" не стали бы тщательно разбираться в тонкостях взаимоотношений обидчиков и отыскивать различия между "Казино", "Аудитом" и "Сейлемом".

Так в свое время и произошло, и только Хавич просчитал ситуацию заранее и решил, что назрел момент для окончательного "отрыва". Всем, кого это могло заинтересовать, он объявил, что уходит от дел, надолго уехал вообще из Крыма в Москву и подготовил там все необходимое для выезда в Израиль. Вернулся в Симферополь только в декабре 1995 года, чтобы уладить последние, вроде бы вполне легальные дела с двумя-тремя партнерскими фирмами, со своей недвижимостью, да и все.

Хавич считал, и небезосновательно, что самые горячие головы не станут на него вешать жертв последней войны и "считаться". Дожливым декабрем он ездил по Симферополю как просто частное лицо. И его действительно не трогали ни "греки", ни "башмаки", ни давние партнеры сейлемовцы.

Но не Любичи.

Его "воспитанники и выкормыши".

То, что называется нормальными человеческими чувствами, в бандитских сообществах имеет ограниченное применение и специфический окрас. По-нормальному, по людским меркам, братья-разбойники должны были если не преданно любить "дедушку", то, во всяком случае, хранить ему верность и помахать платочками, когда лайнер с Хавичем на борту возьмет курс на аэропорт Бен-Гурион.

Но Любичи рассудили иначе. Возможно, их заело давнее бандитское "он там, падла, будет под пальмами прохлаждаться, а мы здесь под пулями крутимся", припомнились какие-то обиды из многолетнего "воспитательного процесса" или какие-то еще счеты, но приговор был вынесен. Сразу после его исполнения братья-разбойники попытались отнять богатый хавичевский дом в престижном районе Симферополя.

Так сказать, этюд о нравах.

Евгений Хавич был убит 12 декабря 1995 года. Он поехал на деловую встречу в фирму "Макс", расположенную на одной из центральных улиц. Встреча была назначена заранее, за несколько дней, и Любичи о ней знали. Едва Евгений Михайлович выбрался из машины, а водитель-телохранитель только обходил "мере", как маячивший перед входом киллер выстрелил в упор, пальнул в охранника (не попал) и бросился наутек. Хавичевский телохранитель, здоровенный парень с приличной подготовкой, бросился догонку, хотя, как вы понимаете, центральная улица среди бела дня - не лучшее место для погони со стрельбой. Но погоня продолжалась всего несколько секунд: на пути беглеца оказался милиционер и, оценив ситуацию, сбил киллера с ног. Тут же подоспел и телохранитель. Больше выстрелов не было...

Телохранитель убитого авторитета (фамилию его называть не следует - "бодигард" в общем-то просто работа, "легальная", нормальная и весьма опасная, и большинство телохранителей даже у небезукоризненных с точки зрения закона людей перед ним, законом, чисты) без сомнения опознал в киллере человека из любичевской группировки. Но допросить его как следует он не мог, а на следствии и суде киллер заказчиков не назвал. Произвести же собственное расследование в стане группировки телохранителю было не так просто. Правоохранительные органы только предполагали, что "Аудитрезерв" принимал заказы на отстрел со стороны и что о них знали только Любичи; внутри самой группировки в этом не сомневались.

Возможно выдвинуть следующую версию. Заказы на ликвидацию принимались действительно со всех сторон. Во всяком случае, почерк аудиторских киллеров прослеживается в убийствах столь разных людей, как авторитетные сейлемовцы

Вишняков и Кривоножко, и, с другой стороны, совсем не коррумпированных чиновников Гольдича и Пасько.

Авторитетов Вишнякова и Кривоножко ликвидировали среди бела дня в феврале 1995 года у городской поликлиники на ул. Киевской. Красная "девятка" Вишни, которой управлял сам авторитет, простояла у здания около получаса. Затем оба сейлемовца вышли и сели в машину, поменявшись местами: за руль сел Кривоножко. Ему-то и досталось больше всего: автоматная очередь ударила из-за кустов на противоположной стороне неширокого проезда.

Несколько ран оказались смертельными. Две пули достали и Вишнякова, раздробив кость, и от болевого шока и кровопотери Александр скончался прямо в машине. Снайперу удалось уйти.

Мы можем это *предполагать*, в группировке же это *знали*.

Так что, в принципе, заказать Хавича могли и со стороны, а Любичи только приняли заказ - как говорится, "прости, старик, ничего личного, только бизнес".

Расследование продолжалось больше полугода, и наконец стало ясно (кстати возможно, что прежде всего из-за суеты с захватом хавичевского дома), что стороннего заказа не было, а было только решение братьев-разбойников.

С высокой долей уверенности можно предположить, что расследование и наказание виновных в убийстве Хавича заказали и финансировали его наследники и преемники - Евгений Михайлович был человеком далеко не бедным и не одиноким. Но так хочется предположить, что сослуживцы и соратники не смогли простить братьям-разбойникам убийства наставника и воспитателя.

Тем более, что по крайней мере старшего из братьев положил кто-то из близких казиновцев, кого Валерий подпустил на полметра безо всякой опаски.

Валерия Любича - депутата симферопольского городского совета - застрелили недалеко от собственного дома поздним вечером 15 сентября 1996 года. Вскоре за ним последовал и брат. Лежат они сейчас рядышком на "Абдале", в "аллее героев", рядом с другими криминальными авторитетами.

Жесточайшая война "Казино" и "греков" привела к почти полному уничтожению обеих группировок. Последней жертвой со стороны "Казино" стал бывший игровой, один из ветеранов объединения, Сергей Благодатский, 1966 года рождения, авторитет по кличке Гасконец.

Седьмого октября 1996 года в 10.35 он вышел из машины у собственного строящегося дома на Евпаторийском шоссе в Симферополе и подошел к своему знакомому А. Малинчуку. В этот момент из остановившегося автомобиля выскочил человек и открыл огонь по обоим. Благодатский и Малинчук были убиты на месте. Все это произошло на глазах людей, стоявших на троллейбусной остановке.

На следующий день в 14.00 в самом центре города на ул. Пушкинской напротив главпочтамта снова раздались выстрелы.

Мужчина, спасавшийся от стрелявшего в него киллера, с криком вскочил в подошедший троллейбус, водитель которого быстро отреагировал на происходящее: закрыл дверь и отъехал от остановки.

Как затем выяснилось, покушались на жизнь учредителя ЧП 000 "Зевс ЛТД" Артюшенко (господина в прошлом весьма близкого к Хавичу), который все же получил ранение в спину.

Интересно, что это нападение произошло сразу же после того, как в здании Главного управления МВД Украины в Крыму закончилась пресс-конференция, на которой министр Ю. Кравченко рассказывал журналистам об успехах правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью.

Судьба остатков разбитых "греков" сложилась не менее трагично. Наиболее авторитетные боевики, сын Константина Савопуло Иван и его товарищ Сергей Бородкин,

перебрались на Запад, сейчас они обретаются в Болгарии. Оставшиеся без главарей мелкие бригады попросту пожрали друг друга.

Последним актом кровавых разборок, где еще фигурировали "греки", было преступление в симферопольском баре "Мираж" 9 февраля 1996 года.

Вечером в баре на одной из центральных улиц города - на Жуковского - развлекалась компания молодых людей и их девушек, по словам прислуги, заведения. Ребята были местными крутыми, и выпивка отпускаясь им бесплатно. Громко играла музыка, компания была в изрядном подпитии, когда дверь распахнулась и на пороге показались двое.

Никто из посетителей не успел ничего понять: по людям, стенам, посуде хлестнули автоматные очереди. Грохот выстрелов смешался с криками раненых и с безумным завыванием магнитофонной "попсы".

Расстреляв патроны, убийцы в масках спокойно положили автоматы на пол, вышли из залитого кровью подвала, сели в машину и уехали.

В результате разборки пять человек были убиты наповал, еще семеро ранены.

Неизвестно, когда и как было бы раскрыто это преступление, если бы не оплошность киллеров: вместе с автоматами они по ошибке оставили в баре черную сумку, в которой находилась среди других вещей фотография одного из участников банды.

По ней оперативники вышли на заказчика убийства. Им оказался некто Пахрутдин Алиев (кличка Паша Зверь), дагестанец, прописанный в Саратове и скрывавший несколько лет в Симферополе от жены и алиментов.

В банду входило еще шесть человек. Среди них А. Михеев, имеющий высшее образование и в течение нескольких лет работавший в системе МВД.

На совести бандитов, кроме налета на "Мираж", висели нападения на бары "Надежда" и "Лесок" в Симферополе, а также на отдельных лиц. Общий результат деятельности этой самой крутой из всего "греческого семейства" группы - 8 убитых и 23 раненых, в том числе 10 - тяжело.

Некогда Паша Зверь был близок к Ивану Греку, сыну Константина Савопуло, но к этому времени враждовал с ним. Нападение на "Мираж" было Пашей Зверем заказано с целью избавиться от коекого из бывших коллег и претендентов на бандитскую власть.

Расстрелять их из автоматов должны были Михеев и Репях, которому исполнилось лишь 17 лет; два других бандита - Р. Аблаев и Э. Ганиев - прикрывали операцию снаружи.

Когда Паша Зверь узнал, что киллеры засветились, оставив сумку с фотографией члена банды Парфенова, то взъярился. Парфенова надо убрать. Это и поручается Аблаеву и Ганиеву, который когда-то задолжал Алиеву крупную сумму денег и, следовательно, мог "отмазаться", только выполняя любые его поручения.

Ганиев, как и Парфенов, жил в Бахчисарае, здесь же было выбрано и место для убийства. Со своей жертвой они расправились неподалеку от "пещерного города" Чуфут-Кале. Сбросили труп с обрыва, замаскировали ветками и скрылись. Убийство поделника, однако, не предотвратило конца банды. Летом 1997 года все участники банды предстали перед судом. Алиев и Михеев были приговорены к расстрелу.

Глава 6

БРАТВА ПРИ ГАЛСТУКАХ

Из интервью одного из местных криминальных авторитетов, опубликованного в конце 1997 года в популярном крымском издании:

"... К 95-96 годам у нас были уже свои бандитские империи... это не только боевики, но и производство, банки, торговые сети... А тут начинается приватизация. В общем, для многих стало ясно, что по-старому жить нельзя, нужно думать, как выходить из тени, становиться более цивилизованным... Это вчера были авторитеты, сегодня - это

уважаемые люди. А чего ты хочешь? Вон Морган был пират, убийца, а дети его кем стали, внуки? Одними из богатейших и уважаемых людей Америки. Так и здесь: ведь мы - самая активная часть общества, смелые, предприимчивые люди, умеющие заработать, организовать дело и других заставить работать. У нас есть деньги, организация, и, если ты думаешь, что мы хотим только брать, - ты ошибаешься... Мафия? Чушь, нет сегодня никакой мафии. Нет "государства в государстве", потому что оно не нужно. Сегодня должно быть просто "государство", и мы знаем, как это сделать".

Собственно, этот пространный монолог и есть доктрина мафии в чистом виде. Ведь современная мафия - это не сами по себе организованные преступные группировки, пусть даже очень хорошо организованные; мафия - это система влияния преступных сообществ на государственные и общественные институты, это целый сложный механизм "отмывания" не только теневых денег, но и теневого могущества, теневой власти, и, что самое печальное, использование в своих интересах власти и денег государственных.

СМЕНА МАСОК И... ВЫВЕСОК

В Крыму криминальные структуры вплотную подошли к той черте, после которой о них уже можно было бы говорить не просто как об организованных преступных группировках, гангстерских бандах, но именно как о мафии.

К середине девяностых Крым больше всего напоминал страну, где совершилась криминальная революция и общество было завоевано организованной преступностью.

Примет было больше чем достаточно.

Жизненный уровень на благодатном полуострове, по официальным данным, стал самым низким на Украине. Стремительно падало не только промышленное производство (в отдельные периоды оно уменьшалось на четверть по сравнению с предыдущими, тоже далеко не самыми благополучными временами), но и производство сельскохозяйственное, объем и доходы от туризма и курортного комплекса в целом.

Невыплаты зарплат и огромные взаимные неплатежи между предприятиями завязали экономику в порочный круг, заваливая не только крупный, но и мелкий бизнес: нет платежеспособного спроса - товары не реализуются - нет и оборотных средств на дальнейшее производство.

Больницы и даже "Скорая помощь" оставались без лекарств, отключалось электроснабжение огромных территорий, отопление школ и учреждений, едва-едва функционировал транспорт, люди в самом буквальном смысле умирали от голода и холода, не хватало чего угодно, - и только действительных или преувеличенных, когда сознательно, когда в отчаянии, сообщений и слухов о криминальном терроре было предостаточно...

И если сейчас осторожные оптимисты говорят, что криминальная революция все же не произошла, что чуть ли не в последний момент удалось нанести решительный удар по мафии (очень хотелось бы, чтобы это было так, хотя пока нет оснований говорить о самоочищении Крыма, серьезнейшее воздействие на ситуацию оказал Центр), то хотя бы надо сказать, что она была уже очень и очень близка.

Действительно главным итогом большой войны середины девяностых был не просто сход с арены тех или иных криминальных авторитетов, например Сахана, Дзюбы, Пены, Жирафа, Ивана, Элика, а смена вообще типа криминального лидера: бритоголовый молодчик в спортивном костюме ушел в небытие. На его место пришел "джентльмен в галстук", джентльмен, имеющий свои интересы как в сфере рэкета, так и в финансовой и политической жизни.

Место гангстера занял мафиози.

И в крымскую криминальную историю вписалась отдельная страница, не менее кровавая, чем прежние.

Крымские бандиты довольно рано, уже на переломе восьмидесятых, проявили интерес к двум сферам современной жизни: с одной стороны, к перспективным и прибыльным отраслям экономики - рынку недвижимости, ценных бумаг, банковскому делу, крупному производству, новейшим технологиям; а с другой - к государственной и иной политической деятельности.

К середине девяностых годов под бандитскими "крышами" существовали серьезные производственно-торговые объединения, банки, корпорации, контролировавшие целые секторы рынка нефтепродуктов, заводы, страховые компании и доверительные общества, строительные организации, практически всю систему автосервиса и т.д.

Степень зависимости была разной: от полной до символической. Два бизнесмена в разговоре о третьем своем коллеге непременно прежде всего спрашивали: "под кем он?", имея в виду влиятельные "крыши - башмаки", "Сейлем", "греки"...

Итак, к этому времени в крымском криминальном бомонде резко сократилось влияние "башмаков", зато пошла в гору конкурирующая группировка "Сейлем". В союзе с другим бандформированием - "Казино" - она стала крупнейшим теневым сообществом на полуострове, обладавшим большим количеством боевиков (по данным милиции - до 1200 человек), крупными связями в предпринимательских кругах и главное - в структурах власти.

Собственно, и само слово "Сейлем" отошло в область преданий. Симферопольский ресторан, некогда давший название группировке, был переименован, а комплекс акционерных обществ и частных фирм, хозяевами которых были или сами авторитеты, или люди, очень близко к ним стоявшие, получил звучное название "группа компаний "Шельф". О прежнем названии, взятом по имени тихого американского городка, в котором когда-то старательно жгли "ведьм", напоминала только эмблема учреждения: вписанная в черный ромб с закругленными углами золотая латинская буква S.

...Как-то глава крымской милиции в середине девяностых, генерал В.Кириченко, был вызван на аудиенцию к премьер-министру правительства автономной республики. В приемной секретарша попросила генерала подождать: премьер занят важной беседой.

Ожидание продлилось около сорока минут. Все это время главный крымский милиционер ломал голову над тем, кто так долго может занимать внимание премьер-министра; каково же было удивление генерала, когда из кабинета вышел улыбающийся Воронок (Сергей Воронков), "крестный отец" "семьи" "Сейлем", по всем милицейским сводкам проходящий как один из наиболее опасных бандитов!

Первой попыткой крымских бандитов войти в большую политику стало, как вы помните, создание Христианско-либеральной партии Поданева. Однако еще раньше различные группировки пытались наладить "нормальные деловые отношения" с влиятельными политиками и государственными структурами.

В свое время много писали об участии криминалитета в президентских выборах.

"Сейлем" поставил на Н. Багрова, "башмаки" - на Ю. Мешкова. Даже костюм будущему президенту был куплен "башмаками"; надо сказать, что после выборов президент разочаровал многих, в том числе и "башмаков", не проявляя ожидаемого бандитами "понимания".

Большой интерес братва проявила к выборам, проходившим в 1994 году. По некоторым сведениям, предвыборные кампании отдельных кандидатов в депутаты спонсировались непосредственно из бригадных общаков, и несколько десятков депутатов всех уровней совершенно отчетливо представляли криминальные группировки.

Печальная судьба предшественников вовсе не привела, как можно было бы подумать, к охлаждению тяги крымской братвы к политике. Напротив, после отстрела руководства христиан-либералов хождение бандитов во власть стало делом вполне обычным, пусть и не настолько прямолинейным, но зато более успешным. Все, у кого хватало "масла в голове", - а это прежде всего сейлемовцы, где в руководящем звене почти все люди с высшим образованием, - правильно оценили, насколько важна партия и

политика вообще, и сделали необходимые выводы из тех ошибок, которые совершил в свое время прямолинейный Папа. В частности, из того, что Папа хотел заранее собрать единый мощный кулак и вытеснить всех остальных, по старой методе "кто не под нами, тот против нас", не учитывая ни их собственные интересы, ни их возможности. Действуя только силой, непременно нарвешься на силу еще большую.

Осенью 1995 года после выборов в местные советы руководству МВД и СБУ пришлось крепко почесать затылки: по самым предварительным данным, в крымские городские и районные советы прошло 44 человека, "в разной степени связанные с криминальными структурами" - прежде всего с "Сейлемом".

"Свершилось, - писала одна из популярных крымских журналисток, - легализация бандитов во власти... состоялась. Второй тур выборов в местные советы в Крыму дал вполне предсказуемые результаты. Назову лишь отдельных ну очень известных в самых широких кругах новых "народных избранников": Воронок, Даня, Вишня, Коваль, Крюк. Намеренно использую кликухи, ибо теперь это уважаемые люди и, увидев свою фамилию рядом со словом "мафия", они могут обидеться..."

Приобрело хождение перефразированное четверостишие из нетленной поэмы:

Мы говорим "Сейлем" -
Подразумеваем "партия",
Мы говорим "партия" -
Подразумеваем "Сейлем".

Приход бандитов в представительные структуры, как правило, начинался с элементарной подделки регистрационных документов, деклараций о доходах и т.д. Суммы доходов "преуспевающих бизнесменов" указывались на неприлично низком уровне, вплоть до соответствия их прожиточному минимуму, а иногда - и минимальному уровню пенсии.

Самый поверхностный анализ, проведенный Избиркомом, показал, что братвой и ее ставленниками превосходно используется мировой опыт и принимаются советы классиков, например Н. В. Гоголя и Марка Твена. Часть "подписей" в подписных листах, как оказалось, принадлежала людям, умершим за последние четыре года, часть - клиентам тюрьмы и психбольницы.

В ход шли и другие методы: подкуп избирателей ("по некоторым округам ходили с колбасой и водкой, - свидетельствует тот же источник, - в иных округах организовывали праздники и лотереи"); махинации во время подсчетов голосов (здесь взятки давались председателям избирательных комиссий); иногда прямое запугивание ("безотказно, говорят, действовали походы с урнами и без по домам, когда два амбала вежливо, но настоятельно рекомендовали гражданам исполнить свой гражданский долг", причем именно требуемым образом); однако - в этом проявился новый подход бандитов к политике - большей частью братки шли на выборы, прикрывшись мандатом политической партии.

Традиционно принято считать, что в органы власти бандиты шли прежде всего за депутатским иммунитетом. Несомненно, это был весьма важный момент, особенно учитывая, насколько расширительно трактовалась депутатская неприкосновенность в республике (вплоть до того, что депутатские авто вообще нельзя было останавливать, а тем паче обыскивать), практически лишая правоохранительные органы возможностей действий, - особенно в тех нередких, увы, случаях, когда в выборном органе собиралось достаточно своих и на любые поползновения милиции или прокуратуры следовал категорический отказ.

Однако не меньшую роль играло то, что новое положение позволяло лучше "решать вопросы", которых по мере развития бизнеса становилось все больше и больше.

Существующее "зарегулирование" чуть ли не всех проявлений личной, общественной и деловой жизни конечно же не случайно. Разрешительный, а тем более запретительный подход в законодательстве и многочисленных подзаконных актах сейчас

представляет собой главную кормушку для чиновников или, как говорят, питательную почву коррупции. И как бы ни старались правоохранительные органы и "четвертая власть", настоящего избавления от коррупции не будет, как минимум, до тех пор, пока законодательство принципиально не переориентируется.

Но изменения, в соответствии с действующими конституциями постсоветских государств, может внести только выборная власть, парламентарии, а они на момент выборов оказываются заинтересованными в чем угодно, но только не в этом.

А сей порочный круг, скажем так, подпитывает гражданскую нестабильность в обществе.

Братва, становясь законодателями, заставляет чиновников, наделенных неестественно мощными рычагами давления на предпринимателей и общество в целом, "делиться", прямо или косвенно встраиваясь в систему коррупции и приобретая дополнительные источники дохода и способы влияния на экономическую ситуацию.

Аналитики отмечали, что по Крыму совершенно четко видно: какая группировка проведет больше своих во власть, в многочисленные Советы и сможет там заключить больше союзов и завербовать "сторонников", - та не только прибавляет в силе криминальной, но тут же заметно улучшает положение дел у патронируемых ею предприятий, обеспечивая рост доходов.

Но и это далеко не все и иногда даже не главное. Депутатство открывало путь к бюджетным средствам.

При всем своем размахе теневая экономика не является главенствующей.

Кроме того, большинство теневого оборота сейчас существует только потому, что немалая часть производства, предпринимательская и особенно торговая деятельность избавляется, своей нелегальностью, от выплаты налогов. На самом деле сейчас, после раннего периода заполнения ниш потребностей в товарах и услугах, в своем большинстве эта нелегальная деятельность весьма и весьма малоприбыльна и немедленно прекратила бы свое существование, если бы пришлось платить современные непомерные налоги. Не всем удалось "сесть" на сырье, энергоносители и т.п. (называем только легальный бизнес), а большинство едва сводит концы с концами.

С таких "предпринимателей" много не выколотишь самыми радикальными бандитскими средствами; а кроме того, между бандитами уже все поделено и переделено.

Другое дело - бюджетные средства.

Конечно, их не хватает на выплату зарплаты учителям, врачам и прочим библиотекарям, не хватает на модернизацию экономики и даже на содержание армии, но вполне хватает, чтобы накормить досыта несколько мафиозных кланов, занявших удобные места у кормушки.

Кроме того, работа в советах и их комиссиях давала возможность братве контролировать исполнительную власть, вплоть до контроля за правоохранительными органами.

ОБОЮДНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

Сращивание криминала и политики - процесс двусторонний. Не только бандиты настойчиво искали выходы к "белой" власти, но и политики, чиновники и бизнесмены обнаруживали не меньшую, если не большую заинтересованность в контактах с теневым миром.

Многие из "новых" как политиков, так и предпринимателей надеялись решить свои непростые проблемы именно с помощью бандитов. Например, проблемы долгов (ведь зачастую именно бандиты были тем единственным арбитражем, который эффективно работал в постсоветское время), необходимых связей, в известных случаях - охраны и даже задачи борьбы с конкурентами.

Недавно наделало, например, много шума убийство ливанского бизнесмена аль-Хатиба, одного из немногих, кто пытался всерьез работать с Крымом. Поставляемые им товары были дешевле и лучшего качества, они же не облагались бандитским налогом, не перекупались у турецких, греческих или тех же ливанских оптовиков, сбавливающих некондицию, но зато исправно делящихся с бандитами (обычными и чиновными).

Совершенно очевидно, что такой нормальный бизнесмен процветал бы... и столь же очевидно, что конкуренты такого подрыва их позиций стерпеть не могли.

Киллеры, которые внесли свинцовые коррективы в "правильное воспитание" ливанца, сейчас, летом 1998 года, находятся под судом (по невыясненным до сих пор причинам главарь тройки сдался сам и сдал подельщиков). Обстоятельства убийства раскрыты, все детали уточнены, кроме одной, немаловажной: имени "заказчика".

Видимо, киллеры предполагают, что "под мораторием" на исполнение смертных приговоров, которого пока придерживается страна, они проживут значительно дольше, чем в зоне, куда могут попасть при излишней откровенности.

Контакты между бизнесменами, политиками, чиновниками и бандитами облегчались тем, что крымский криминальный мир, как мы уже неоднократно говорили, в большинстве своем не был в традиционном смысле уголовным миром, хотя и являл впечатляющие образцы жестокости и беспредела.

Крымские гангстеры по большей части не принадлежали к избранному классу тюремного "зазеркалья", многие из них погибли, так и не вкусив прелестей неба в клеточку. Еще несколько лет назад это были молодые, но почтенные отцы семейств, подающие надежду спортсмены или освобожденные комсомольские работники; многие из них всегда лихорадочно стремились остаться в легальной жизни - разумеется, в качестве ее хозяев - и весьма ценили полезные связи.

Кроме того, повторим еще раз: Крым невелик, и совершенно типично положение, когда бывшие одноклассники, ребята с одной улицы или с одного факультета оказываются распределенными на посты в исполкомах и комитетах, работают в правоохранительных органах и занимаются бизнесом - а их друзья-приятели входят в бригады или целые корпорации.

Никаких жестких барьеров между криминалом и легальным миром не существовало, и на их зыбкой границе постепенно образовался целый слой своего рода посредников и целых посредствующих структур между преступными группировками и властью.

Их представляли люди, которые днем, условно говоря, заседали в парламенте или в высоких чиновных кабинетах, руководили фирмами, банками, компаниями, а вечерами вполне могли оказаться в загородной сауне в обществе местных крутых и их проституток.

Было бы ошибкой видеть в этих "посредниках" просто мафиозных марионеток или "дойных коров" для бригад. Более умные, подготовленные, деловитые из них сами нередко если не руководили, то манипулировали гангстерами.

Играя роль казначеев мафиозных группировок, "штабных офицеров", они имели больше шансов уцелеть во время кровавых разборок и по мере "естественного отстрела" главарей со временем нередко сами оказывались на первых ролях, отесняя на задний план гоблинов, орков и хоббитов.

А самая большая сложность заключалась в том, что они оказывались практически неподсудными, по существующим юридическим нормам их можно было привлечь разве что как свидетелей. Некоторых из них (например, того же Воронка) удалось осудить (суд завершился в июне 1998 года) только по статье за незаконное хранение оружия.

Совсем как в Америке, где несколько "крестных отцов" оказались за решеткой то за неправильную парковку, то за уклонение от уплаты налогов... И ни одного не жалко.

К большому сожалению, приходится констатировать, что за многими крупными крымскими предпринимательскими структурами тянется длинный шлейф подозрений в связях с криминалом. Но при этом следует иметь в виду, что часто действительные или мнимые связи с мафией становились элементами дискредитации тех или иных деятелей со

стороны их коммерческих или политических противников. Зачастую бывает довольно сложно определить, с чем мы имеем дело: с действительными фактами или с безосновательными наветами.

Так, во второй половине девяностых годов прошло несколько судебных процессов, связанных с такого рода обвинениями.

Особенно памятна тяжба журналистки Т. Коробовой и довольно крупного предпринимателя, неоднократно уже депутата Верховной Рады Украины Льва Миримского, руководителя и организатора не только целой производственной корпорации ("Империя"), но и в самом деле широкой и эффективной компании поддержки малоимущих, причем менее демонстративной, чем у Папы. Журналистка неоднократно называла его в числе "крестных отцов" одной из крымских криминальных группировок ("башмаки").

Суд не признал правомочности обвинений журналистки, и ей пришлось выплатить крупный штраф.

Мы хотели бы предупредить наших читателей, что ниже излагаются и анализируются лишь различные версии судьбы и деятельности тех или иных людей, которые приводились в публикациях крымской, украинской и российской прессы, и они не претендуют на стопроцентную истинность.

По некоторым поводам очень бы хотелось ошибиться.

Это еще раз необходимо подчеркнуть, когда речь пойдет о Партии экономического возрождения.

Именно она нередко рассматривалась как яркий пример "структуры-посредника" между двумя мирами - легальным и теневым.

Но в то же время о ней, наверное, еще в меньшей мере, чем о покойной ХЛПК, можно говорить, что *вся* партия и *все* вовлеченные в нее были таковы.

Однако же с первых дней, с момента учреждения партии, в ней, далеко не на последних, а со временем на самых первых ролях, были люди, о которых теперь, в соответствии с решениями судов, можно со всем основанием сказать, что они преступники. С самого начала в деятельности этой партии криминальный аспект присутствовал, хотя преобладающим действительно он стал только в последнее время.

Один из тех, кто знал ПЭВК-ПЭВ изнутри лучше других, был вице-премьер крымского правительства А. Сенченко, который входил в ее руководство. В предвыборном интервью, показанном Черноморской ТРК весной 1998 года, А.Сенченко относил окончательное перерождение ПЭВК к партсъезду 1996 года, когда, по его словам, делегатам был представлен список (проект) руководящего состава партии, "как будто взятый с компьютера какой-нибудь из спецслужб по борьбе с организованной преступностью".

Скорее всего, А. Сенченко прав: в то время лидерами ПЭВ окончательно стали те, кто пытался сделать партию главным и единственным хозяином Крыма, или, пользуясь терминологией проинтервьюированного "теоретика", собирался не подчинить государство, а стать государством.

ГОСПОДИН ШЕВЬЕВ И "ПАРТИЯ ЖИРНЫХ КОТОВ"

ПЭВ (до 1995 года ПЭВК - Партия экономического возрождения Крыма) была создана в 1992 году известным предпринимателем Владимиром Ильичом Шевьевым...

Согласно милицейским сводкам, Шевьев В. И., 1953 года рождения, армянин, прибыл в Симферополь на постоянное место жительства из Краснодара в середине восьмидесятых годов.

В Краснодарском крае он привлекался к уголовной ответственности за "хозяйственные и должностные преступления" и был приговорен к трем с половиной годам лишения свободы.

Как утверждал сам Владимир Ильич, его посадили за то, чем сегодня занимаются все, - частное предпринимательство.

Почему бы и нет? Может быть.

В Симферополе бывший частный предприниматель и зек начинал как официант ресторана, а с началом перестройки организовал собственное дело – СП "Свенас".

Предприятие процветало, появились свободные деньги. Шевьев, человек активный, общительный и даже артистичный, очень скоро обзавелся дружескими связями, нашел нужных людей и с их помощью занял видное место в крымском политическом бомонде, стал вхож в высокие чиновничьи кабинеты.

Одновременно завел знакомства и иного рода. С самого начала СП "Свенас" вошло в сферу влияния крупной группировки "Сейлем", с ее лидером, Воронком, в недавнем советском прошлом заместителем секретаря комсомольской организации Государственного университета, Владимира Ильича соединяли партийные и товарищеские узы.

Несмотря на имевшиеся в прошлом нелады с законом, Владимир Ильич любил и уважал твердую государственную власть. Характерная черта - стену его служебного кабинета долгое время украшал портрет чилийского диктатора Аугусто Пиночета с автографом.

ПЭВ сразу же после создания получила среди журналистов наименование "партия жирных котов". Одно из изданий охарактеризовало ее как альянс теневых денег и номенклатуры: половина членов ПЭВ были "новые крымские", вторая половина - государственные чиновники, не делавшие большой разницы между карманом своим и государственным.

В 1994 году Владимир Ильич становится депутатом Верховного Совета Крыма.

Здесь, в крымском "Пентагоне", как именуют здание Верховного Совета (теперь - Рады), он развернул беспрецедентную по своему размаху деятельность, направленную на смещение приглашенного тогдашним президентом Крыма Ю. Мешковым правительства московского экономиста Евгения Сабурова (зачем - более чем ясно: приглашенному со стороны правительству профессионалов совершенно не было резона подыгрывать одной из местных группировок, а деятельность на пользу всех и на перспективу "жирным котам" была ни к чему).

В течение короткого времени Шевьеву и его сторонникам, Анушевану Данеляну, Евгению Супрунюку и другим, удалось создать целую парламентскую коалицию, которая, пользуясь откровенной некомпетентностью депутатского большинства и президента Мешкова и развернув совершенно беспрецедентную травлю в прессе, свалила ненавистное "московское правительство".

О дальновидности возрожденцев свидетельствовали их настойчивые, систематические, даже назойливые попытки взять под контроль крымского парламента и правительства силовые структуры.

Актуальная цитата: "... забота в Верховной Раде только одна - как переподчинить милицию Крыма непосредственно ее приказам и добиться самостоятельного назначения начальника Главного управления, в обход указов президента. Можно только представить себе, что бы в Крыму после этого было..."

Публично отвергая обвинения в связях с криминалитетом, Шевьев негласно поощрял распространение о себе информации как об авторитете, стремясь тем самым оказать психологическое давление на политических противников.

Ему, судя по всему, это удавалось.

В одном из интервью, уже после отставки, экс-премьер Е. Сабуров говорил: "Крымский парламент это не российский парламент и даже не украинский. Там очень

много представителей бандформирований... Вы знаете, что в Крыму были определенные перестрелки (в 1994 году. - К. Ч.), что одна группа убрала три остальные группы. Эта группа хорошо представлена в парламенте".

Об экономических интересах этой "группы" Сабуров также высказался недвусмысленно: "В Крыму есть достаточно странные структуры, которые имеют свой личный интерес в приватизации... Они хотят все порезать на кусочки - на свои кусочки... а потом перепродать".

Падение кабинета Сабурова было началом политического триумфа экономвозрожденцев.

Весной 1995-го они инициировали и поддержали смещение со своего поста первого крымского президента Ю. Мешкова (а меньше чем за год до этого Шевьев был его доверительным советчиком и оч-чень убедительно объяснял ему, какая опасность исходит от ХЛПК, повязанной с враждебным "Сейлему" кланом Башмакова). К тому времени в президенте разочаровалось большинство крымчан, а ПЭВу и он лично, и, по-видимому, сам президентский пост мешали.

(Возможно, срабатывал инстинкт мафиози. Шансов стать законно избранным президентом у кого-либо из верхушки ПЭВ не много, у представителей же старой номенклатуры пока что куда больше. А по Конституции президент мог сделать очень много, одним махом, например, перечеркнуть все достижения Шевьева со товарищи.)

Ликвидировав пост, на который было не взобраться, ПЭВ быстро организовала смену спикера крымского Верховного Совета. Затем "возрожденцы" провели в правительство автономии целый ряд своих людей. Наконец, провели выборы в местные органы власти, куда, как члены преимущественно ПЭВ, и попали известные авторитеты "Сейлема" и "Казино", те самые - "не менее 44 депутатов разных уровней".

Теперь в руках у ПЭВ сосредоточилась весьма серьезная власть, которая могла быть использована для достижения вполне определенных политических и экономических целей.

Под руководством В. Шевьева при крымском парламенте была создана специальная "контрольная комиссия", которая начала фронтальные проверки деятельности многих государственных и коммерческих структур. Проверяющие утверждали, что наводят порядок в запущенном крымском хозяйстве; проверяемые же настаивали на том, что таким образом ПЭВ проводит кадровые чистки в своих интересах, расставляя нужных и верных людей, а также борется с конкурентами, в том числе подставляя их боевым отрядам преступных группировок.

Сегодня трудно сказать, спровоцировала ли деятельность ПЭВ начало новой мафиозной войны или, наоборот, политическая партия была лишь втянута в сложные и жестокие гангстерские разборки для того, чтобы создать политические, административные и экономические проблемы для нелояльных "Сейлему" "крыш". Однако совершенно точно, что активность экономвозрожденцев очень не понравилась представителям других криминалпредпринимательских структур, которые попытались поставить ПЭВ на место.

Поводов предоставлялось сколько угодно.

НЕИЗБЕЖНЫЕ РАЗБОРКИ

Восьмого августа 1995 года около 13.00 предприниматель, председатель Союза предпринимателей Крыма, член ЦК ПЭВ А. Дудко находился у своей машины на улице Шмидта, у дома, где располагались функционеры симферопольской организации партии. В этот момент рядом остановились еще два автомобиля, из которых вышли молодые люди вполне определенного вида и направились к Дудко.

Нужно сказать, что в это время председатель Союза предпринимателей вел длительную тяжбу с одним из малых предприятий за некоторые помещения в центре города (ПЭВ всегда очень трепетно относилась к недвижимости).

Молодые люди назвались представителями интересов этого малого предприятия от группировки "Греки" и предложили А. Дудко поехать с ними, а когда последний отказался, принялись избивать его и заталкивать в машину. Затолкали и продолжили разговор там. Но отобранные у предпринимателя документы, в том числе пропуск в Администрацию Президента Украины, навели нападавших на мысль, что они зашли слишком далеко, и главарь нападавших предложил, во избежание излишнего шума, "кончить" А. Дудко в лесу.

До леса бандиты, однако, не доехали - были в общем-то случайно остановлены постом ГАИ, - бросили свою жертву, машину и скрылись.

Дудко с многочисленными ранениями, переломами челюсти и сотрясением мозга был доставлен в больницу.

Скоро стало ясно, что это лишь первый и, пожалуй, самый "легкий" эпизод.

В Крыму и раньше случались нападения на людей, занимавшихся политической деятельностью. Однако полуостров еще не видел такой охоты, которая развернулась вскоре на политиков, бизнесменов и главное - на госслужащих (о партийной принадлежности жертв как-то еще не привыкли задумываться, тем более что декларированная экономическая программа ПЭВК-ПЭВ для неспециалистов казалась привлекательной).

В 1995 году был убит член ПЭВ, руководитель ПО "Крымгаз" В. Синельник, чуть позже убийцы расстреляли прямо на колхозном поле пэвовца, председателя колхоза имени XIX партсъезда Красногвардейского района Сироштана.

В 1996 году "война всех против ПЭВ" приобрела новый размах во всех смыслах - вплоть до применения более разрушительного оружия.

Двадцать третьего марта вечером был взорван торговый центр на окраине Симферополя, принадлежавший члену ПЭВ, генеральному директору строительной фирмы "Скиф-88" Я. Баркову. На самого хозяина "Скифа" была открыта настоящая охота: накануне была обстреляна машина - точная копия барковской.

Вскоре прогремел взрыв и близ окон кафе "Ани" и ресторана "Селена", принадлежавших самому В. И. Шевьеву, а также у автоцентра "Шкода" и выставочного зала на улице Киевской.

Через несколько дней взорвалась бомба в магазине "Диадема". По данным милиции, взрывное устройство малой мощности было подложено под окно магазина, принадлежавшего Роману Боромянскому, начальнику охраны АО "Селена", члену президиума ПЭВ.

Одиннадцатого апреля было совершено покушение на жизнь завсектором ЦК ПЭВ В. Свердловского. Под дверь его квартиры злоумышленники подложили взрывное устройство, сработавшее в тот момент, когда пострадавший вышел из дома. В. Свердловскому были нанесены увечья.

Одновременно была взорвана входная дверь в квартире зампреда ревизионной комиссии ПЭВ С. Парфенчикова.

То, что последние двое не занимались предпринимательством, а являлись просто партийными функционерами, говорит о том, что борьба против отдельных личностей приобрела отчетливую тенденцию к превращению в войну против структуры ПЭВ как таковой.

Двадцать шестого апреля 1996 года ночью в собственной квартире, на кухне, выстрелом в окно была убита жена члена политсовета ПЭВ, генерального директора компании "Фесто" Ю. Осинского. По-видимому, пуля предназначалась супругу.

Были обстреляны также еще несколько квартир видных пэвовцев.

Противники ПЭВ развернули против партии и информационную войну. Вскоре после нападения на А. Дудко популярная московская газета "Коммерсант-Dayli" опубликовала большой материал под названием "Власть Постсоветская, или Асса-2", посвященный разоблачению связей ПЭВ и сейлемской группировки.

В статье в связи с ПЭВ и "Сейлемом" упоминались известные украинские и крымские политики и чиновники, в частности, вице-премьер крымского правительства А. Сенченко.

Журналисты поговаривали, что в случае с ПЭВ повторяется история ХЛПК. Однако в отличие от христиан-либералов, лидеры Партии экономического возрождения сдаваться не собирались. В разгар "большой стрельбы" политсовет партии выступил со специальным заявлением. В нем все происходящее было расценено как акты политического террора против ПЭВ.

"После недавних выступлений лидеров ПЭВ по телевидению и в печати, - говорилось в заявлении, - когда внимание общественности было приковано к фактам коррупции и разворовывания госсобственности, в адрес руководства стали поступать анонимные угрозы".

Дальше - больше.

"Только в этом месяце, - гласил документ, - симферопольцы стали свидетелями... преступных актов, направленных против ПЭВ. Покушение на жизнь ответственных работников аппарата ПЭВ нельзя не рассматривать как попытку подобными грязными методами помешать деятельности партии, направленной на стабилизацию экономики Крыма, наведение порядка во всех сферах общественной жизни".

В заключение авторы заявления квалифицировали происходящее как возмутительные проявления криминального беспредела.

В свою очередь, "Сейлем" вместе с "Казино" - так сказать, "подпольное крыло ПЭВ" - жестоко расправлялись со своими противниками.

Борьба между ПЭВ и ее, как изящно выражались политики, "оппонентами" велась и в стенах крымского парламента, причем нередко со скандальными эксцессами. В 1996 году противники ПЭВ создали в Верховном Совете так называемую "Антикриминальную коалицию", которая начала предавать огласке различные должностные и финансовые преступления депутатов - членов ПЭВ.

Сначала на свет Божий были вынуты документы, согласно которым член ЦК ПЭВ и вице-спикер крымского парламента А. Данелян оказывался участником сомнительной сделки по "безвозмездной передаче" спортклубу "Гранд-ЛВС" 50 тонн двуокиси титана, производившегося на одном из северокрымских предприятий, на сумму 12 миллиардов 829 миллионов карбованцев.

Другой, еще более шумный скандал был связан с еще одним депутатом, членом ПЭВ Василием Шпилькиным, директором частной авиакомпания "Атлант СВ", которая только за 1996 год задолжала государству 5 миллионов 696 тысяч долларов.

(Обвинение, равно как предыдущее, далеко не голословное: сейчас В.Шпилькин лишен депутатского иммунитета и арестован.

В последнее время под следствие попал и министр народного образования Крыма Ю. Подкопаев. Ему было предъявлено обвинение в злоупотреблении служебным положением, перечислении 100 тысяч гривен бюджетных денег, выделенных на оздоровление и лечение детей, на счет фиктивной фирмы "Рамунос" с последующим их похищением.).

Летом 1996 года был "таинственно" похищен спикер ВС Крыма, экономвозрожденец Е. Сулрунюк.

Это еще одна колоритная личность, олицетворяющая тесные связи между властью и криминалом. Если В. И. Шевьев представлял, условно говоря, сторону свободного бизнеса в этой смычке, то Евгений Владимирович был государственным чиновником, и не просто

чиновником, а высшим офицером МВД. Он в прежние годы руководил пожарной охраной Симферополя, а затем Крыма.

Поговаривали, что он стал депутатом Верховного Совета Крыма в 1994 году не без помощи "Сейлема", за что вскоре и отблагодарил свою "крышу", отдав для роскошного офиса группы компаний "Шельф" часть здания пожарного управления в столице Крыма.

В 1995 году Е. Супрунюк стал спикером крымского парламента и почти год обеспечивал не только прикрытие деятельности фракции ПЭВ в Верховном Совете, но и, надо думать, вообще всей разветвленной структуры "корпорации", за что подвергался нещадной критике со стороны политических противников, которые, понятно, отстаивали экономические интересы иных структур.

Двадцать четвертого августа 1996 года стало известно, что спикер таинственным образом исчез.

Поднятые по тревоге спецподразделения стали прочесывать все подозрительные места, однако через день пропавший позвонил сам из милицейского участка в городе Красноперекопске и сообщил, что был под угрозой пистолета посажен двумя неизвестными - мужчиной и женщиной - в "Запорожец", увезен на север Крыма и спрятан на одной из недостроенных дач.

Похитители, по словам Супрунюка, нанесли ему телесные повреждения, однако, когда они ушли, спикеру удалось освободиться от веревок, которыми он был связан, и уйти. По возвращении в Симферополь Е. Супрунюк с диагнозом "черепно-мозговая травма" был помещен в больницу.

Специальное расследование странного инцидента так и не установило ни личностей похитителей, ни мотивов похищения и даже того, был ли в действительности сам факт похищения.

Оппозиция муссировала версию о том, что спикерде, опасаясь неизбежного смещения, инсценировал все это действие, в надежде еще какое-то время сохранить за собой кресло.

Не меньшей популярностью пользовалась и другая версия, дескать, виной всему амурные похождения политика, у которого нетрадиционная сексуальная ориентация, а черепно-мозговая травма-результат действий не таинственных злоумышленников, но своих же товарищей по партии, таким образом наказавших коллегу за нарушение "этики", партийной и парламентской дисциплины.

Сейчас, по слухам, Евгений Владимирович ударился в мемуары. Им создана книга под хорошим названием "Хроника пикирующего полуострова", в которой экс-пожарник и экс-спикер предстает в сияющих одеждах.

Независимые аналитики многих украинских и крымских газет обращали внимание на то, что политическая и экономическая подоплека всех бурных событий в республике выступает гораздо более явственно, чем подоплека правовая. Иными словами, государство, возможно, и дальше бы мирилось с ситуацией криминального беспредела, не покусись "крымская мафия" слишком на многое.

Главным результатом беспрецедентной милицейской операции было вытеснение с политической и экономической арены пэвковских структур.

Со времен борьбы с бандитизмом в двадцатых годах Крым не помнил милицейских операций такого размаха, которые имели место весной 1998 года. Всего, по данным управления МВД, в оперативноследственных мероприятиях было задействовано около четырех тысяч сотрудников, стянутых сюда со всей Украины, в том числе киевские спецподразделения "Кобра" и "Беркут", снабженные соответствующими спецсредствами. В разного рода операциях принимали участие также подразделения национальной гвардии. Было создано двадцать оперативных групп, которые занялись "разработкой преступных группировок".

Таким образом, при всем своем размахе эта операция поразительно напоминала обычный в последние годы передел сфер влияния, только теперь не между мафиозными группировками, а между группировками, с одной стороны, и государственными структурами - с другой.

В этой связи нельзя не обратить внимание на откровения упоминавшегося уже крымского политика А. Сенченко: "Что касается кланов, то почему-то называют только два - "Башмаки" и "Сейлем". А есть еще третий - "шестерка" (надо полагать, - замечает в скобках журналист, - г-н Сенченко имел в виду одну из правоохранительных структур), организация которой напоминает структуру преступных группировок. Есть молодые лейтенанты, которые "щиплют" деньги у "мелкой рыбешки". Более высокопоставленные чины решают дела покрупнее.

Все как-то смирились с тем, что на так называемом переходном этапе мирное сосуществование бандитов и силовых структур - вещь неизбежная.

Уже никого не удивит, что люди, призванные бороться с преступностью, разъезжают на иномарках, отобранных у коммерческих структур, имеют мобильные телефоны, за которые платят коммерческие структуры. Что брат офицера правоохранительных органов руководит преступной группировкой".

В уме, аналитических способностях и знании ситуации бывшему вице-премьеру не откажешь. И все же есть принципиальная разница между авторитарной преступной структурой и силовыми ведомствами легитимной власти демократического государства.

Любые противоправные действия силовиков представляют собой исключения и нарушения и могут быть законно пресечены независимо от уровня, на котором они произошли. Вопрос только в исполнении законодательства, в силе государства и общества. Если сейчас действительно приходится страдать невинным от представителей силовиков, то это вина и беда каждого из нас: думайте, кого и как выбираете, заставляйте соблюдать и исправлять законы. Механизмы этих действий уже заложены даже в нынешних, еще далеко не безукоризненных, законодательствах. "С милицией бороться можно" - это и название статьи в популярном издании, и отражение реальности.

Проблема сегодняшней крымской, да и всей постсоветской жизни, наверное, заключается в том, что мафия, может быть, и не смогла бы интегрироваться в государство, зато государственные структуры активно интегрировали в себя многие элементы мафиозной реальности. Организованная преступность, своеобразный рецидив авторитарной власти, сама по себе вряд ли стала определяющей, по крайней мере в немусульманских странах, но ей навстречу двинулась чиновниче-политическая верхушка...

Милицейские облавы весны 1998-го почти парализовали деловую жизнь Крыма, а между тем что-то не очень много было слышно о том, что государство намерено хотя бы в какой-то мере улучшить атмосферу, в которой сегодня вынуждены работать предприниматели.

Весной 98-го милиция устроила большие разборки в "тени"; о том, чтобы убрать саму "тень", никто так и не подумал. А потому рано ставить точку в истории крымской мафии, к сожалению; быть может придет время, и придется писать о ней снова...

Глава 7

"ЧЕРНЫЙ" ПЕРЕДЕЛ НЕДВИЖИМОСТИ

Одна только попытка создать книгу "Приватизация в России" породила невиданный со времен перестройки скандал. Что же говорить о самой приватизации, да еще в Крыму - курортной зоне с чрезвычайно ценными объектами недвижимости, да еще в общей атмосфере хозяйственного и криминального беспредела...

В общем, об этом в нескольких словах и не скажешь, а не говорить нельзя, все "серьезные люди" в этом участвуют, а со временем это вообще стало главной подоплекой криминальных и политических событий.

"НЕЧЕМ ПЛАТИТЬ - СБРАСЫВАЙ ХАТУ"

Начало официальной приватизации в 1995 году создало довольно пикантную ситуацию. Дело в том, что престижная крымская недвижимость, особенно в курортной зоне, за последние пять лет уже была фактически поделена между криминальными и предпринимательскими структурами. При этом многие из фактических хозяев недвижимости получили ее в обход закона и часто по заниженной стоимости.

Кстати, именно это проделал и лидер ПЭВ В. Шевьев, который, как руководитель АО "Селена", приватизировал в Симферополе двадцать объектов недвижимости. При этом доля госимущества в них была занижена как минимум в десять раз, в результате чего прибыль в основном уходила упомянутому акционерному обществу. Интересно, что документы на приватизацию подписал глава Железнодорожного райсовета города Аркадий Демиденко, впоследствии, не без помощи Шевьева, занявший пост председателя Совмина Крыма.

Кроме этого, различные ведомства передали АО "Селена" в безвозмездное пользование еще несколько зданий в крымской столице (не надо большой фантазии для того, чтобы вообразить, почему это их владельцы вдруг воспылали такой любовью к партии или ее боевому отряду. Старый принцип братвы: нечем платить - сбрасывай хату). Подобное делалось и другими влиятельными коммерческими структурами...

Бандиты и сами тянулись к теплым местечкам у ласкового моря, причем местечек с каждым годом становилось все меньше, а претендентов на них все больше.

О том, насколько ожесточенной была борьба за приморскую недвижимость, можно судить по истории, связанной - нет, не с Ялтой, там куда круче, - а с маленьким, хотя хорошо известным многим исцеленным местными грязями городком Саки на пустынном юго-западном побережье полуострова.

Как и в крымской столице, в любом мало-мальски заметном населенном пункте были свои крутые. Были они и в Саки, курортном местечке неподалеку от Евпатории, причем, как и в Симферополе, жили они отнюдь не мирно.

Заместитель директора частной фирмы "Новоторг" Сергей Штейнбук на протяжении длительного времени конфликтовал с генеральным директором МП "Лотос" Александром Савичем и его охранниками и компаньонами, Александром Бабенко, Владимиром и Александром Протасовыми.

Предмет разногласий был традиционным - бандиты никак не могли поделить сферы влияния в самом городе и районе. Штейнбук считал, что лотосовцы постоянно влезают в его дела и дела его бригады, грабят их точки.

Чаша же его терпения переполнилась, когда он узнал, что Савич со товарищи захотел выкупить недостроенный пансионат, принадлежавший харьковскому строительному объединению "Монолит", а также прибрать к рукам все сакское представительство упомянутого объединения. Незадолго до этого Штейнбук вложил в "Монолит" свои деньги и решил, что отвадит конкурентов любой ценой, даже ценой их полного уничтожения.

В апреле 1994 года Штейнбук нанял киллеров - жителей Севастополя Максима Арцюка и Олега Гопше, подвизавшихся в одной из севастопольских бригад. В мае они получили по автомату "АКС-74У" (5,45 мм) каждый и по два магазина патронов к ним.

Для того чтобы обеспечить себе алиби, 17 мая Штейнбук с неким А. Москаленко уехал в Харьков, а Арцюк и Гопше приступили к осуществлению плана. В течение

нескольких дней они следили за своими жертвами, привлекая к этому еще двух друзей Штейнбука - Сергея Завадского и Сергея Кошевого, оставленных киллерам в подмогу.

Наконец группа созрела для налета. Напасть на Савича и его людей было решено все на той же базе "Монолита".

Утром 22 мая Арцюк и Гопше надели рабочую спецодежду, чтобы в случае чего "сканать" за строителей, сели на "Яву", специально приобретенную для совершения преступления, и направились на базу СУ "Монолит".

Недалеко от цели они оставили свой мотоцикл, прошли на территорию базы, пряча небольшие "АКС" под рабочими халатами. Никем не замеченные, они спрятались в недостроенном гараже недалеко от входа в контору и стали ждать...

В 10.30 из конторы вышли Александр Савич, Владимир Протасов и Андрей Бабенко. Они подошли к своему "пontiаку", стоявшему неподалеку, но сесть в машину не успели. Из недостроенного гаража хлестнули автоматные очереди.

Все трое лотосовцев, обливаясь кровью, упали на пыльный асфальт. В этот момент на территорию управления въехала машина Александра Протасова. Он выскочил из автомобиля, но, увидев, что киллеры еще здесь и ему самому грозит участь товарищей, бросился бежать.

Вся драма происходила на глазах изумленных рабочих предприятия. Убийцы не стали стрелять в убегающего охранника, сами побежали к оставленному мотоциклу и скрылись с места преступления. Остановившись у железнодорожного полотна недалеко от Саки, они облили мотоцикл, шлемы, сумку и автоматы бензином и подожгли их. После этого, спрятав в поле спецодежду, вернулись в Севастополь.

В тот же день милиция обнаружила сгоревший мотоцикл, шлемы и неподалеку - пустую пачку от сигарет "Дымок", на которой в лаборатории был обнаружен отпечаток пальца, как потом оказалось, левой ноги одного из киллеров - Гопше.

Что касается обгоревших автоматов, то их подобрал проезжавший на автодрезине путевый рабочий. Он спрятал их под трансформаторную будку и только вечером, узнав, что это оружие убийц, сообщил о находке в отделение милиции.

Несмотря на принятые меры предосторожности, киллеры оставили важные следы. Преступников удалось отыскать по номерам двигателя и рамы мотоцикла. Первым делом установили его прежнюю владелицу. На допросе она рассказала, что продавала свой мотоцикл через торговца запчастями, некоего Гену, который и направил к ней двух покупателей, которые сторговались с хозяйкой "Явы" за 200 баксов.

Большого труда найти торговца не составило. Он рассказал, что перегонял мотоцикл к дяде Сергея Кошевого. В процессе обыска у Кошевого был найден техпаспорт на "Яву", выписанный на имя первой хозяйки мотоцикла. Номера двигателя и рамы совпали с номерами обнаруженного мотоцикла.

Через Кошевого вышли на всю цепочку. Подсудимые частично признали свою вину, но были не согласны, что их обвинили кроме убийства еще и в бандитизме. Однако суд признал вину доказанной и приговорил двадцативосьмилетнего Арцюка и двадцатичетырехлетнего Гопше к расстрелу, двух других участников преступления Кошевого и Завацкого - соответственно к 10 и 11 годам лишения свободы.

Как видите, раскрутка полная. Но вся эта маленькая провинциальная история (хотя человеческие жизни не бывают "несущественными", "провинциальными") - из разряда "криминальных мелочей", связанных с приватизацией. Среди них пока что, к сожалению, столь четко и быстро раскрученных не много. Даже главное преступление в этой сфере пока еще остается нераскрытым.

Мы имеем в виду потрясающее по дерзости убийство председателя Фонда госимущества Крыма А. С. Головизина.

А. Головизин - в прошлом сильный, очень авторитетный хозяйственник, затем высокопоставленный чиновник, в свое время организовывавший предвыборную кампанию Л. Кучмы в Крыму.

Утром 16 мая 1997 года его нашли на лестничной площадке своего дома, еще живого, с несколькими ранениями в голову и грудь. Киллеры вывели из строя единственный лифт в точечной многоэтажке и подкараулили "клиента", как обычно рано отправляющегося на работу, на лестнице.

По дороге в больницу А. Головизин скончался.

Следствие пока что так и не вышло на исполнителей и заказчиков этого преступления, однако в прессу все же просочилось несколько версий.

По одной из них, Головизин погиб потому, что Фонд госимущества выявил ряд арбитражных дел, касательно хода приватизации, "довольно неприглядного характера"; по другой - причиной его смерти стало то, что Головизин настаивал на необходимости расторжения условий договора аренды недвижимости со стороны Фонда госимущества, если арендаторы допускали какие-либо нарушения.

В любом случае, за смертью Головизина просматриваются какие-то весьма крупные злоупотребления в сфере приватизации, которые допускались на протяжении нескольких лет.

Головизин был ко времени расстрела самой крупной по масштабу жертвой; его убийство означало совершенно неприкрытый, даже демонстративный вызов государству и предупреждение всякому, кто посягнет на самые большие ценности, на "черный" передел крымской недвижимости.

Самой крупной, но, увы, далеко не последней.

И не первой...

НЕТ МИРА ПОД ОЛИВАМИ, ИЛИ АРИФМЕТИКА ДЕЛЕЖА

Во многом ожесточенные войны криминальных группировок во второй половине девяностых были связаны именно с идущей приватизацией.

Милицейские чины хватались за голову: не было недели, чтобы спецподразделения не проводили настоящие облавы на бандитских "малинах", не изымали десятки, а то и сотни единиц оружия и боеприпасов, не задерживали, как утверждалось в официальных сводках, авторитетов, - однако на следующий день вновь раздавалась стрельба или взрывы, и правоохранительные органы были бессильны что-либо с этим поделать.

По судам практически не проходило ни одного дела, связанного с организованной преступностью: бандиты уже давно отработали целую систему "отмазки" своих людей от тюрьмы; если в милицеские сети кто-то и попадал, то это была исключительно мелкая рыбешка, исполнители, рядовые бойцы, но не бригадиры и, тем более, не заказчики.

Против милицеских наездов авторитеты боролись не только традиционными для себя, но и вполне легальными, так сказать, "демократическими" методами.

Когда в 1996 году был убит начальник отдела по борьбе с организованной преступностью полковник Н. Зверев, спецподразделения произвели обыски в офисах и домах целого ряда авторитетных симферопольских депутатов: Воронкова, Крюкова, Гончаренко и других.

После этого несколько крымских газет поместили на своих страницах репортажи о специальной прессконференции, собранной возмущенными "противоправными действиями работников милиции" депутатами, которые выказывали благородное негодование по поводу грубости и некорректности милиционеров. Репортаж о прессконференции был показан также по местному телевидению...

Кстати, к вопросу о профессионализме. Убийство высокопоставленного милицеского чина было тщательно обставлено как чисто случайное, совершенное чуть ли не уличными хулиганами, не имеющими ну никакого отношения к тем, кому действительно мешал работать и всерьез собирался помешать пребывать на свободе полковник Н. Зверев.

Детективам пришлось приложить немало усилий, чтобы весной 1998 года было впервые сказано, что в расследовании наметились существенные сдвиги и есть все доказательства предварительного сговора и подготовки, имеются и основания говорить о заказном убийстве. После первой передачи в суд дело возвращено на доследование. Пока что следствие продолжается, но вполне вероятно, что ко времени выхода этой книги еще одна темная страница крымской истории будет прочтена...

Начальник крымской милиции генерал Геннадий Москаль в нашумевшем интервью весной этого года (даже не просто "нашумевшем", а где-то даже сенсационном, потому что вслух и с самой ответственной трибуны было сказано то, о чем говорилось вполголоса и в кругу доверенных людей) сообщил, что в Крыму долгое время существовала "большая группа людей", которая решала, кого нужно убрать, кого сделать депутатом, кого выдвинуть на тот или иной пост и т.д.

Имена не назывались; но логично предположить, что это был довольно обширный и конечно "закрытый" клуб высших крымских авторитетов, влиятельных политиков и всевластных чиновников, распоряжавшихся не только судьбами и жизнью отдельных людей, но и инвестиционными потоками, немалыми бюджетными средствами, обдумывавших большие экономические проекты.

В 1997 году еще ничто не предвещало того, что у этой группы все же начнутся серьезные неприятности.

Камнем преткновения на этот раз оказалась Ялта.

В курортной жемчужине Крыма сосредоточена богатейшая инфраструктура в виде недвижимости: санаториев, домов отдыха и т.д. Летом в сезон в Ялте вращались огромные деньги, и это обстоятельство всегда вызывало повышенный интерес криминальных структур.

Чтобы оценить действительный оборот Большой Ялты, можно прибегнуть к несложной арифметике. За средний сезон здесь бывает от 2 до 3 миллионов человек, большая часть из них отдыхает, лечится и развлекается свыше двух недель. В зависимости от класса отдыха, затраты составляют от десяти до ста пятидесяти долларов в сутки.

Кроме основной оплаты, мало кому удастся оставить меньше ста долларов за обычные курортные радости: морские прогулки, экскурсии, дегустации вин и просто выпивки, игры, цветы, мороженое, шашлыки и т.п. Умножили и сложили - ну что, есть что делить?

Кстати, не забудьте приплюсовать к этим сотням миллионов "легальных" баксов невысчитываемое точно, но наверняка не маленькое количество "черных" денег - гонорар проституток и сутенеров, проигрыш в казино, у шулеров и в автоматах, доходы бутлегеров, пушеров и контрабандистов...

И все это - не разово, а каждый сезон...

Даже самые примитивные бандиты понимали, что проникновение на ЮБК - важнейшая задача.

Проникновение осуществлялось на разных уровнях, в зависимости от делового размаха преступных группировок, их боевой, финансовой и юридической обеспеченности. Начиналось традиционно, с мелкого рэкета, сутенерства, торговли "травкой", затем рэкет становился покрупнее, так что практически все сферы обслуживания были обложены "черным налогом", начиная с частных извозчиков на вокзале и заканчивая бабками, торгующими семечками и жареными орешками.

Первая серьезная война между "Русью" (будущие "башмаки") и "Сейлемом" происходила, как вы помните, именно за курортную зону, за подчинение местных группировок и продвижение собственных бригад.

После того, как империя "башмаков" зашаталась и начала распадаться, власть на побережье начала сосредоточиваться у ребят "с маслом в голове" и жареными орешками в руках.

Результаты и, косвенно, показатель степени проникновения не замедлили проявиться: очень грамотно, без излишнего шума, с помощью чиновников, заставили раскошелиться и государство, отведя в свои карманы ручейки всяких там курортных налогов, оплаты пляжей и прочее.

Существенно? Еще как! Недавно в прессе приводился сравнительный анализ: оказывается, в 1997 году менее посещаемая и, естественно, со значительно меньшим реальным оборотом Евпатория, бывшая "всесоюзная детская здравница", приносила в бюджет чуть ли не вдвое больше, чем "жемчужина Крыма"!

Но самое главное богатство, большую недвижимость, санатории, турбазы и дома отдыха, построенные за последние сто лет усилиями целой огромной страны, еще предстояло поделить.

Юридическая база приватизации весьма неоднозначна, принципы и нормы менялись неоднократно и, пусть это будет нашим прогнозом, еще будут меняться.

В самом деле, как-то естественно разделить заводы по территориальному признаку, разделить даже армейское имущество или, скажем, флот; но санатории строились в Крыму не потому, что так удобнее или выгоднее, а потому, что природные условия ЮБК уникальны, неповторимы, на всем земном шаре подобные места можно по пальцам пересчитать, а на "одной шестой суши" - и тем более. И вдруг все передать в вечное владение тем, кто всего-то навсего имел счастье вовремя оказаться прописанным в Крыму и с суммой, достаточной для приобретения пакета акций...

Достаточно долго официальная "большая приватизация" не производилась; тем не менее это, возможно, было на руку преступным формированиям: они "делили" все заранее, обрабатывая администрацию и персонал, и при этом не затрачивали серьезных денег, необходимых для приобретения больших пакетов даже искусственно "заваленных", удешевленных акций.

Настоящей приватизации еще не было, а Ялту уже делили и переделывали - специфическими средствами.

Итак, после ослабления "башмаков", долгое время единолично державших львиную долю доходов с Южного Берега (как "башмаки" в свое время "брали" побережье, можно живописать много, вспоминая, например, в каких райских заповедных уголках находили обезображенные трупы; но практика эта, полагаем, общеизвестна), произошел передел сфер влияния, и в качестве главного патрона территории выступил "Сейлем".

В течение нескольких лет в Ялте произошла большая ротация в структурах местной исполнительной власти: свои посты оставили многие исполкомовские чиновники, кто добровольно, как, например, мэр Ялты Николай Дискин (в интервью после отставки он сказал, что не может больше выдерживать давление), кто - не совсем, а кому вместе с креслом пришлось расстаться и с жизнью.

Постепенно основные рычаги местной власти оказались в руках все той же Партии экономического возрождения, получившей, таким образом, ключевые позиции перед началом приватизации санаторно-курортного комплекса, которая должна была вот-вот стартовать.

Кажется, все было продумано и подготовлено, нужные люди расставлены по стратегическим точкам, неугодные устранены или запуганы, предварительные договоры заключены и даже авансы выплачены.

Прежние "потенциальные хозяева", те, кто готовил позиции, чтобы сразу же по команде перехватить санатории, пансионаты и просто участки драгоценного побережья, были весьма недалёковидны. Их стратегического предвидения хватало только на то, чтобы "заваливать" курортный комплекс, занижать цену объектов на момент приватизации, чтобы, как это принято у временщиков, купить подешевле и перепродать подороже.

(Не исключено, что шумные статьи о бедах, дороговизне и непрестижности отдыха на ЮБК, появлявшиеся с постоянством весеннего обострения шизофрении в столичной

прессе, были инспирированы не только и не столько турфирмами, ориентированными на дальнее зарубежье, но и крымскими бандитами, "заинтересованными" в убыточности уникального комплекса.)

Последующие потенциальные хозяева, "Сейлем - ПЭВ", начали смутно понимать, что прямая "экономия" обернется колоссальными потерями: маршруты туризма и отдыха в одночасье не восстанавливаются, и завершение передела не станет командой для поворота потоков отдыхающих. Потребуются годы и деньги, намного большие, чем "сэкономленные", для восстановления прошлого положения. И вот в последние два года курортный комплекс стал возрождаться - насколько это возможно в удушающих объятиях мафии.

Однако новые хозяева Южного Берега не учли еще одного, и главного в своей судьбе: на столь крупный кусок имелись и другие претенденты.

Это была влиятельная группа крымских политиков и бизнесменов, тесно связанная с высшими эшелонами государственной власти Украины.

А Киев, разумеется, не собирался так просто уступать кому-то неисчерпаемый кладезь, совершенно искренне рассматриваемый как свое достояние.

Журналисты связывали интересы этой группы с именами Анатолия Франчука, премьер-министра правительства Крыма и одновременно свата президента Украины Леонида Кучмы, и сына Франчука Игоря - депутата Верховной Рады Украины и зятя президента.

Последние давно вынашивали план превращения Большой Ялты в свободную экономическую зону, контроль над которой, конечно, рассчитывали осуществлять сами.

С нарастающим недовольством, если не с раздражением смотрели они на активность пэвковских структур на Южнобережье.

К конкуренции примешивалась и личная неприязнь между Франчуками и Шевьевым. Последний в свое время инициировал первое смещение старшего Франчука с поста премьера, и ни последующие примирительные шаги, ни прежнее долговременное сотрудничество, ни "деловые беседы" с Воронком, о которых рассказывал генерал Кириченко, так и не смогли загладить трещину.

СНОВА СЕРИЯ ПОКУШЕНИЙ И ПРОЧИХ НАКАЗАНИЙ

Уже осенью 1997 года стало ясно, что ситуация начала накаляться.

В начале октября было совершено покушение на заместителя министра курортов и туризма Автономной Республики Крыма Дмитрия Гольдича.

Гольдич, который успел проработать на этом посту всего две недели, был убит, когда выходил из квартиры бывшего вице-премьера правительства Крыма Андрея Сенченко, с которым его связывала дружба и деловые интересы.

После гибели Гольдича Сенченко, имя которого неоднократно мелькало в связке ПЭВ - Сейлем", исчез. Впоследствии он оказался в Москве, откуда по телефону дал несколько интервью, в которых обвинил неких "влиятельных крымских политиков, опирающихся на правоохранительные структуры Украины и имеющих большие связи в высших эшелонах государственной власти", в убийстве Гольдича и организации покушения на него, Сенченко.

"Я могу, - говорил Сенченко журналисту, - с почти стопроцентной гарантией утверждать, что заказано мое убийство. Более того, я уверен, что Диму Гольдича убили по ошибке - на его месте должен был быть я". ("Напьешься - будешь" – цитируя киноклассику, ответил журналист).

Вскоре, ноябрьским вечером, в Симферопольскую больницу имени Семашко привезли с огнестрельным ранением ялтинского предпринимателя Лесникова. Ночью в палате, где лежал Лесников, раздался мощный взрыв.

Поскольку накануне кровать раненого была переставлена в глубь комнаты, он отделался лишь незначительными ссадинами, зато в результате взрыва погибла медсестра этой больницы. По данным следствия, она приняла от неизвестного передачу для Лесникова, невинный с виду пакет, но не передала его сразу, а задержалась на несколько минут в коридоре, о чем-то своем, о девичьем, разговаривала с санитаркой. Пакет, адская машина, взорвался, едва девятнадцатилетняя девушка переступила порог палаты.

Было ли связано это покушение с последующими событиями, неизвестно, однако тот факт, что для расследования этого дела в Ялту были стянуты значительные милицейские силы, говорит о большом внимании стражей порядка к этому заурядному преступлению.

Основные события развернулись в начале следующего года, в преддверии выборов в Верховную Раду Украины, Крыма и местные Советы.

ПЭВ выдвинула своих кандидатов на все более или менее заметные депутатские места, включая пост ялтинского городского головы. Это же сделали и "стратегические противники". От итогов выборов зависело, кто окажется хозяином в Ялте на ближайшие четыре года. Судя по всему, крымские мафиози не предполагали, с кем столкнутся их интересы на Южном Берегу...

В конце января 1998 года в Ялту нагрянула большая делегация из Киева во главе с премьер-министром Украины Валерием Пустовойтенко. Поводом послужила тяжелая экономическая ситуация, в частности многомесячная невыплата зарплаты учителям и врачам города.

Приговор Пустовойтенко поразил всех, более или менее знакомых с чиновничьим этикетом и манерой выражаться.

"В Ялте власть захватила мафия, и мы покончим с этим", - сказал премьер по возвращении из Ялты в Киев.

Последствия не заставили себя долго ждать: вскоре появился указ президента Украины Леонида Кучмы о назначении нового исполняющего обязанности городского головы вместо прежнего - пэвковца Александра Калюся.

В течение следующих нескольких дней здание ялтинского горсовета находилось в милицейском оцеплении (поскольку в здании было обнаружено взрывное устройство), а на улице бушевал собранный опальными депутатами митинг, на котором свое негодование по поводу действий властей выражали приехавшие из Симферополя В. Шевьев, А. Данелян и прочие влиятельные члены ПЭВ.

Сейчас можно со всей определенностью сказать, что визит в Крым и, в частности, в Ялту премьер-министра Пустовойтенко был своеобразной "разведкой боем". Данные разведки, похоже, немало способствовали появлению указа президента Украины, фактически лишившего власти местных "отцов" жемчужины Крыма.

Тем более "отцов" и "матерей" не радовала перспектива тотальной проверки. Именно она и вызвала бурю протеста, вплоть до защиты ялтинского "Белого дома" скромными силами его служащих.

Кто называл это отстаиванием законности и порядка, кто - охраной своих личных интересов и амбиций, безопасность которых, судя по всему, действительно требовала защиты.

Дискуссии вокруг небезызвестных событий в Ялте начались с традиционного горьковского вопроса: "А был ли мальчик?"

Только вместо мальчика ставили под сомнение существование бомбы, о коей поведал доброжелательный аноним. Бомба, вопреки большинству мнений, оказалась не только реальной, но и весьма небезопасной. Заложенное над залом заседаний взрывное устройство способно было разнести, как минимум, два этажа не Бог весть какого прочного здания, так как мощность заряда была эквивалентна килограмму тротила. В тот день зал был предназначен для проведения очередного заседания, и только оперативность правоохранительных органов, вызвавшая такую бурю хорошо оплаченных протестов, позволила избежать ненужных жертв.

Разумеется, все протесты вожаков ПЭВ против нарушения прав местного самоуправления не возымели ни малейшего действия, милиция довольно бесцеремонно выдворяла ялтинских депутатов из кабинетов; были проведены проверки контролируемых ими коммерческих предприятий. Согласно официальным сообщениям, только по результатам проверки деятельности ялтинского горисполкома было заведено более десяти дел.

Чистки коснулись и правоохранительных органов: своих кресел лишились четыре заместителя начальника местного УВД, был освобожден от должности прокурор Ялты Николай Герман, который, как оказалось, раскатывал на ворованной автомашине. Власти, судя по всему, начали копать глубоко...

То, что произошло затем, по сей день вызывает разноречивые интерпретации: то ли у сейлемовских сдали нервы, то ли те, кто начал большую игру против них, решился на большую же провокацию, то ли вмешался кто-то третий, задумавший решить свои проблемы за счет ялтинской "замятии".

Пятого февраля было совершено покушение на второе лицо в крымском правительстве - вице-премьера Крыма Александра Сафонцева. Он был одним из самых авторитетных профессионалов в Совете Министров, работником с безукоризненной репутацией и вполне реальными шансами избавиться от приставки "вице". Вечером, когда А. Сафонцев в сопровождении охранника выходил из сауны на симферопольской турбазе "Таврия", печально известной несколькими покушениями, в том числе на одного из лидеров ХЛПК Михаила Корчелаву в 1994 году, раздался мощный взрыв.

Взрывное устройство было спрятано в чугунной урне. Взрыв был столь сильным, что разлетевшиеся во все стороны осколки чугуна прочертили в асфальте борозды и оставили глубокие отпечатки на стенах гостиницы. Скорость разлета была такой, что осколки пробили корпус стоявшей неподалеку "Волги" Сафонцева и застряли в двигателе.

Сафонцев был тяжело, как говорят медики, безнадежно ранен и, несмотря на все усилия гражданских и военных медиков, вскоре, не приходя в сознание, скончался. Тяжелое ранение получил и его охранник, омовонец Роман Гаркуша.

Для властей покушение на Сафонцева стало сигналом для нанесения массированного удара по всем сейлемовским структурам, начиная с самого верха. Тем более, что незадолго до начала "больших облав" ВС Украины отменил депутатскую неприкосновенность для депутатов местных органов власти (лучше поздно, чем никогда).

Таким образом, 13 февраля стало знаменательной, а для многих роковой датой в политической жизни Крыма. С этого дня начал действовать закон Верховной Рады Украины, который лишил депутатов местных Советов неприкосновенности.

Правоохранительные органы Крыма восприняли это решение как команду к действию. И вскоре крымчанам довелось стать свидетелями процесса, который может быть образно назван "войной за чистоту депутатских рядов".

Одним из первых замелькало в этой связи имя Сергея Крюкова - председателя федерации дзюдо, депутата симферопольского горсовета и заместителя Сергея Воронкова как на посту председателя столичного Союза предпринимателей, так и по основному месту работы в "Сейлеме". В двух принадлежавших депутату квартирах хранились ружья, пистолеты, обрез, сотни патронов, которых вполне могло хватить для многочасовой перестрелки, многоканальные рации, настроенные на милицейские частоты.

Многообразие документов, которыми владел Сергей Александрович, тоже можно позавидовать - в его власти было зарегистрировать на свое имя любой вид оружия, иметь техпаспорт на любой автомобиль.

Генпрокуратурой была дана санкция на арест Сергея Крюкова - по статье 222 (незаконное хранение, ношение, приобретение и сбыт оружия). Спустя некоторое время он уже разыскивался по более серьезным статьям уголовного кодекса. Пока еще числится в бегах.

В этот же черный список попали и другие кандидаты - Евгений Ау, Александр Мельник, Павел Шолохов.

В эти же дни был арестован зампредседателя ялтинского горсовета А.Коваленко.

Наконец, появилось сообщение, многим показавшееся совершенно невероятным: 17 февраля задержан "сам Воронок" - все по той же 222-й статье. Омоновцы буквально перерыли дачу авторитета в поселке Гаспра близ Ялты, где была обнаружена боевая граната. Позже, после обыска в доме Воронкова, было найдено и другое оружие.

Любопытно, что 18 февраля в суде уже лежало требование о предоставлении документов, подтверждающих законность его задержания, а в некоторых газетах развернулась кампания по облачению Воронкова в рясу политического мученика; и сейчас, когда пишутся эти строки, на стенах и столбах в Симферополе встречаются плакаты с требованием немедленно освободить авторитета.

Через несколько дней после задержания Воронка прошел слух о том, что один из самых могущественных авторитетов пытался покончить с собой в тюремной камере. Так ли это на самом деле, или Воронка кто-то пытался вывести из игры, остается неизвестным. Во всяком случае, после этого важный узник был этапирован из херсонской тюрьмы, где он содержался, в Киев.

В июне он был перевезен в Севастополь, где происходил судебный процесс, на котором два высокооплачиваемых адвоката сражались с небезукоризненными с точки зрения уголовно-процессуального кодекса обвинениями. Решение суда (два года лишения свободы), похоже, не устраивает ни одну из сторон, но дает время для подготовки новых обвинений, поскольку в разработке сейчас достаточно много сейлемовцев. Удар был нанесен и по коммерческим структурам "Сейлема". Прокуратура возбудила уголовные дела по деятельности четырех банков - "Имдат-банка", "Ялта-банка", "Крымкредита" и "Интерконтбанка", - последние три считались сейлемовскими.

По словам Геннадия Москаля, сделано это было для того, чтобы "подорвать экономическую основу организованных преступных группировок".

Особенно большие претензии у правоохранителей были к главной кассе "Сейлема" - "Интерконтбанку". Его управляющий Валерий Дьяков был арестован, ведется следствие. Пока что следствие установило, что руководство банка открывало счета на Кипре без разрешения Нацбанка Украины. Кроме этого, в сводках МВД указывалось на то, что существовала, как минимум, 31 фиктивная фирма, через которые "Интерконтбанк" прокручивал деньги.

По данным милиции, в связи с нехваткой средств для доведения уставного фонда банка до необходимого 1 миллиона экю, банковское руководство взяло кредит в другом банке, который и представило в виде уставного капитала.

Главной же причиной наезда на банк было то, что в качестве его учредителя значился С. Воронков.

Весной 1998 года были подвергнуты фронтальным проверкам десятки фирм, в той или иной степени связанные с "Сейлемом", многие из которых после этого попросту прекратили свою деятельность.

Наконец, репрессии властей не обошли стороной и дружественную "Сейлему" Партию экономического возрождения. Начав копать, правоохранители вытянули на свет Божий длинный шлейф весьма занятных дел. Началось все с ялтинского филиала партии.

ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА КРЮЧКЕ У ЗАКОНА

Найдя одну бомбу в здании горсовета, правоохранительные органы не преминули обнаружить и другую, не менее взрывоопасную. Ею оказалась сама деятельность представителей ялтинской верхушки.

По словам начальника ГУМВД Украины в Крыму Геннадия Москаля, версия о влиянии мафии на жизнь Ялты подтвердилась в рамках возбужденных уголовных дел, которых на сегодняшний день более чем достаточно.

В начале марта возбуждено уголовное дело в отношении бывшего мэра Ялты господина Дискина, который отправил группу коллег в Лондон за выбиванием кредитов. Ничего предосудительного в этом, казалось бы, нет, если бы поездка членов делегации не оплачивалась из Фонда госимущества и если бы Фонд не понес ущерба в размере 20 тысяч гривен (примерно 10 тысяч долларов).

Уголовное дело было возбуждено и в отношении заместителя председателя Ялтинского горисполкома господина Шевчука, составлены протоколы о коррупции в отношении двух других заместителей - В. Мамыкина и Г. Капканова, главного бухгалтера Управления капитального строительства Ялтинского горисполкома Л. Степонавичене.

Точка зрения главного милиционера Крыма была недвусмысленно высказана на пресс-конференции, состоявшейся 12 марта 1998 года в здании Главного управления МВД Украины в Крыму: "Глядя на ситуацию с юридической точки зрения, понятно, что люди отстаивали свои личные интересы, а не интересы Ялты и государства. Все мы помним, что вышел указ президента Украины о временном назначении городского головы, но вместо того, чтобы выполнять этот указ, была организована целая кампания провокаций. Их организаторы преследовали цель сокрытия доказательств, так как в случае проверки документации вскрылись бы многочисленные нарушения. И если была организована такая мощная защита - значит, было что защищать".

В столь ревностно обороняемых кабинетах теперь недосчитываются не только важнейших документов, но и некоторых их хозяев.

Так, секретарь ялтинского горсовета Александр Калюсь официально объявлен в розыск. Он обвиняется в злоупотреблении служебным положением и хищении денежных средств во время его председательствования в Фонде госимущества города Ялты.

Помимо этого, возбуждено еще одно уголовное дело по факту уклонения от уплаты налогов должностными лицами ялтинского Фонда госимущества, в число которых, естественно, входит и бывший секретарь горсовета.

Несмотря на официальные обращения и заявления правоохранительных органов, господин Калюсь пока не спешит обнаружить свое местонахождение. Еще 18 марта 1998 года прокуратура АРК выдала санкцию на его арест, однако, где он находится, до сих пор не известно.

Следующий виток раскручивающейся со стремительной скоростью спирали захлестнул лиц, стоящих на более высоких ступенях власти.

Проверке подверглись объекты приватизации, где тоже не обошлось без скромного участия "слуг народа".

Самый шумный скандал разгорелся пока вокруг СП "Свенас", АО "Селена", ЧП "Гард" и тех 20 объектов ресторанного комплекса "Селена", которые были приватизированы без фактической оценки стоимости государственного имущества.

Схема проста. На базе Фонда госимущества и МЧП "Гард" было создано акционерное общество "Селена". По уставу доля государства составляла 30 процентов, доля частного капитала - 70 процентов, в такой пропорции и должна была распределяться прибыль. Однако на деле оказалось, что фактически доля госимущества в проекте составила 90 процентов, а в бюджет начислялись все те же 30 процентов. Однако и эти деньги в конечном итоге миновали "закрома родины". По письму Аркадия Демиденко, к тому времени сменившего стул в исполкоме на главное правительственное кресло, государственная доля была передана на развитие АО "Селена", то есть опять уходила в карман частных предпринимателей.

В результате таких "переливаний" ущерб государства составил 3,5 миллиона гривен. Руководил "Селеной" и "Гардом", как вы помните, Владимир Шевьев.

Господин Шевьев встречаться с правоохранительными органами не пожелал, хотя у последних накопилось к нему значительное количество вопросов. По первым слухам, Шевьев отсиживался в Киеве. Однако эти слухи опроверг тогдашний председатель ВС Крыма Анатолий Гриценко, который 19 марта заявил, что разговаривал с депутатом накануне - тот звонил из Краснодара, где ухаживает за смертельно больной сестрой. Как со здоровьем уважаемой дамы, пока не известно, а вот ее любящий брат вернуться в Крым пока не торопится.

Очередной "бомбой" стало обнародование Центром общественных связей МВД Крыма результатов акта ревизии финансово-хозяйственной деятельности санаторно-курортного комплекса "Россия", в частности в сфере расчетов с Верховным Советом Крыма за отдых отдельных депутатов.

Напомним, что по принятому самим Верховным Советом положению, "слуги народа" платят 2 процента от фактической стоимости путевок, 5 процентов за путевки для членов семьи, а водку могут пить и вовсе на халяву. Недурно, не правда ли?

Кроме того, говорилось и о документально подтвержденных фактах проживания и лечения по путевкам депутатов ВС Крыма посторонних граждан, которые размещались в санатории по письменному распоряжению руководства ВС Крыма.

Осколки "бомбы" задели не только рядовых депутатов, но и председателя ВС Крыма, так как его имя также упоминалось в списке должников рядом с суммой 5920 монгольских тугриков, а, например, имя депутата ВР Украины Альберта Жумыкина - рядом с суммой 11 220.

Наверное, не случайно прошедшие в последних числах марта выборы в Верховный Совет Крыма стали для абсолютного большинства сенаторов прошлого созыва провальными.

И еще - немного статистики.

...По данным МВД, за три месяца были ликвидированы 23 преступные группы, в том числе 10 организованных, возбуждено 129 уголовных дел, в том числе несколько по фактам бандитизма. Арестованы 40 лидеров преступных формирований. У задержанных изъяты значительные суммы как в гривнах, так и в валюте, арестованы счета ряда коммерческих фирм, выявлены десятки единиц боевого оружия и множество боеприпасов и взрывных устройств.

В сфере экономики выявлено 746 преступлений, в том числе случаи коррупции и хищения госсобственности в особо крупных размерах, крупные злоупотребления в финансово-кредитной и банковской сферах, а также в сфере приватизации.

Власти бодро рапортовали об успехах в борьбе с криминалом. "... Бандиты бегут из Крыма", - заявил на одной из пресс-конференций Геннадий Москаль, отнеся это к показателям эффективности милицейской работы.

На этом можно было бы и поставить точку в рассказе о достаточно короткой, хотя и весьма насыщенной событиями истории крымской мафии. Однако беда заключается в том, что сделать это, по-видимому, вряд ли удастся...

Глава 8

КАК АУКНУЛИСЬ ПЕРЕГИБЫ ИСТОРИИ

Массовое и во многом стихийное возвращение на свою территорию депортированных в 1944 году представителей нескольких этнических групп, прежде всего крымских татар, к большому счастью, не привело пока к каким-либо серьезным межэтническим столкновениям. Тем не менее "крымско-татарский фактор" оказал очень серьезное воздействие на криминальную среду полуострова.

ТАИНСТВЕННОЕ ЛИ УБИЙСТВО?

Любой наблюдатель, кто бы он ни был - историк, журналист или эксперт-правовед, - следя за тем, как развивается то или иное "национально-освободительное" или любое другое "революционное" движение, рано или поздно сталкивается с серией вопросов, на которые бывает достаточно трудно дать ответ. Например, каким образом благородная поначалу борьба по мере своего естественного развития оборачивается обыкновенной уголовщиной? Как получается, что люди, отстаивающие справедливые цели, в результате оказываются банальными террористами? Где вообще проходит та грань, которая отделяет политический радикализм от заурядной преступности?

Как ни прискорбно, особенно актуальны эти вопросы для отечественного прошлого, где политическая борьба слишком часто шла рука об руку с криминалом, где обыкновенные казаки-разбойники (начиная со Стеньки Разина, Ивашки Болотникова да Емельки Пугачева) почти всегда оказывались окружены ореолом революционеров-мучеников за народную правду, а революционеры нередко вели себя как обыкновенные разбойники (не этим ли объясняется, что наши революции, которые начинаются с выдвижения самых наидемократичнейших лозунгов, заканчиваются созданием самых тоталитарных режимов?).

Да и современная история, к сожалению, весьма щедра на подобные примеры: казалось бы, совсем недавно телевизионные ведущие с нескрываемым сочувствием рассказывали о героических деяниях чеченских "борцов за свободу", а сегодня они недоумевают по поводу того, каким образом эти борцы внезапно превратились в разбойников и торговцев захваченными в плен людьми.

Как часто случается, справедливая борьба крымско-татарского народа за возвращение на свою историческую родину и свои национальные права кое для кого оказалась лишь удобным случаем для достижения личной власти и обеспечения собственного материального благополучия.

Крымско-татарское движение в современном его виде зародилось после того, как 18 мая 1944 года около 200 000 крымских татар были принудительно выселены постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) СССР с территории полуострова в Среднюю Азию. Сталинский режим обвинил крымских татар в сотрудничестве с немецко-фашистскими оккупационными властями. В духе тогдашней политики за преступления горстки коллаборационистов пострадал целый народ.

В ходе войны депортировались не одни татары, но и чеченцы, ингуши, калмыки и другие, однако почти всем им было разрешено возвратиться к местам прежнего поселения сразу после разоблачения культа личности Сталина в пятидесятых годах. Крымским татарам, как и выселенным немного позже из Крыма армянам, болгарам, грекам, а также немцам, депортированным еще в 1941 году, пришлось ждать этого еще три десятилетия. Только после перестройки представители всех этих народов получили возможность вернуться в Крым.

Все это время крымские татары продолжали мужественно бороться за право жить на своей родине. В национальном движении участвовали сотни людей, многие из которых были щедро вознаграждены за это лагерями, ссылками, спецпсихиатрическими больницами.

Когда в конце восьмидесятых крымские татары начали в массовом порядке репатриироваться на полуостров, национальное движение раскололось на две ветви. Одну представляла Организация крымско-татарского национального движения (ОКНД), ее возглавил Мустафа Джемилев, другую - Национальное движение крымских татар (НДКТ), во главе ее находился Юрий Османов.

Оба лидера имели большой стаж борьбы с системой, оба были неоднократно судимы и провели длительное время за решеткой: Джемилев - в общей сложности 15 лет в исправительно-трудовых лагерях в Сибири, Османов - почти десятилетие в тюрьме и

спецпсихбольнице (он был сыном признанного лидера национального движения в шестидесятых-семидесятых годах Бекира Османова).

Оба лидера имели совершенно разное представление о задачах и методах у национальной борьбы. ОКНД сразу взяла на вооружение идеологию национализма и приступила к напористым действиям - подготовке самозахватов земли в Крыму (зачастую не считаясь не только с интересами тех, кому эта земля принадлежала, но и с элементарными возможностями что-либо на этой земле потом построить); противостоянию органам власти и правопорядка и т.д. В 1991 году ОКНД провела национальный съезд (Курултай) крымских татар, решения которого вызвали шок даже у тех крымчан, которые всегда благожелательно относились к справедливой борьбе этого народа. *Курултай объявлял конечной целью этой борьбы создание в Крыму национального государства крымских татар, заявлял о том, что все недра и воды являются достоянием только крымско-татарского народа, и фактически рассматривал всех других жителей Крыма как незаконных пришельцев и граждан второго сорта.* Курултай создал специальный орган руководства движением - Меджлис, который стал действовать как второе, теневое и националистическое правительство Крыма.

НДКТ Османова, напротив, попыталось найти такую возможность, чтобы возвращение крымских татар на свою историческую родину не обернулось новой трагедией для народа, не спровоцировало еще один кровавый конфликт, подобный тем, в которых гибли тысячи людей на Балканах, Кавказе, в Приднестровье и Средней Азии.

Юрий Османов мечтал об истинной гармонии в многонациональном Крыму. Он обвинял радикалов в том, что в погоне за сиюминутным политическим успехом они готовят своему народу печальную участь незваного гостя на своей собственной земле. Он обвинял своих оппонентов в том, что ими движет в большей степени стремление к власти и выгоде, чем забота о будущем своего народа.

Еще одно обстоятельство делало отношения между двумя лидерами и их организациями весьма напряженными: Османов считал Джемилева агентом КГБ и был уверен, что он внедрен всесильной в прошлом "конторой" в движение с целью его раскола и уничтожения. При любой возможности Османов старался разоблачить, как ему казалось, "provokatora".

Меджлисовцы же распространяли слухи, что Османов психически ненормальный, поскольку-де для него не прошло бесследно долговременное содержание в спецпсихушках того же КГБ.

Джемилев, как лидер радикального крыла движения, добился признания не только у значительной части крымских татар, но и на Западе и в особенности в Турции, где его принимали как национального героя, а то и "президента Крыма", каковым он, конечно, никогда не являлся. В честь него назывались площади и улицы турецких городов, и долгое время он был единоличным символом движения в глазах всего мира.

Политическая карьера Юрия Османова в Крыму складывалась не особенно удачно. Одно время он возглавлял только что созданный Госкомнац Крыма, однако, не будучи в душе функционером, чиновником, он не сошелся во взглядах на обустройство татар с тогдашним крымским руководством и вскоре покинул этот пост, всецело отдавшись публицистике и работе в НДКТ. С большим упорством, унаследованным от отца и являющимся вообще отличительной чертой крымских татар, он пробивал стену изоляции, которую воздвигли его противники вокруг его организации и его взглядов.

В 1993 году эта стена начала поддаваться.

Осенью этого года группа членов НДКТ во главе с Османовым выехала в Турцию. Это была первая и единственная зарубежная поездка Османова, который, понятно, в советские времена всегда был "невъездным".

В Турции Османов встречался с представителями местной крымско-татарской диаспоры (очень многочисленной и экономически сильной) и, по словам его

родственников, вернулся из поездки счастливым и окрыленным, поскольку ему удалось найти среди диаспоры многих единомышленников.

Однако тогда же, в Турции, Османову попались интервью, данные незадолго до этого Мустафой Джемилевым двум турецким газетам "Хюрриет" и "Сабах", которые повергли Османова в состояние негодования. В самом деле, в то время, пока Османов и его организация в Крыму трудятся над тем, чтобы совершенно исключить какой бы то ни было конфликт на этнической почве, лидер Меджлиса печатно рассуждает о "неизбежности вооруженных столкновений в Крыму между крымскими татарами и русским населением", говорит о готовности крымских татар взяться за оружие и фактически призывает турецкие власти к вмешательству в этот имеющийся состояться конфликт!

Османов тут же отправился в редакции этих газет и заявил протест против подобных взрывоопасных публикаций. Впервые за многие годы общественность Турции и еще более широкие круги во всем мире увидели другую картину движения, отличную от той, которую рисовали радикалы-националисты.

Из обращения Ю. Османова Президенту Турецкой республики Сулейману Демирелю:

"... Меджлис был призван накалять нетатарское население в Крыму истерическими, открыто провокационными и абсолютно бесполезными "физическими" акциями и скандалами. Все эти акции - это авантюры, которые разыгрывались... исключительно для собственных интересов империи или планов великонациональных и политических интриг... Меджлис - это торговля и обустройство коммерческих делишек на драматическом положении народа".

На ноябрь этого же года были запланированы новые поездки и встречи Османова в Турции и в Крыму, однако им не суждено было состояться, поскольку в ночь на 7 ноября 1993 года Юрий Османов был убит.

Шестого ноября вечером Османов находился в симферопольской гостинице "Москва" в помещении редакции одной из газет. Отсюда, по словам сотрудников газеты, он намеревался отправиться на свадьбу к друзьям. Сотрудница редакции М. имела привычку провожать Юрия Бекировича взглядом из окна до остановки троллейбуса, но в тот вечер он на остановку так и не вышел...

Утром тело Османова с многочисленными увечьями было обнаружено далеко от предполагаемого маршрута, в районе железнодорожного вокзала Симферополя. Следственные мероприятия поразительно быстро дали результаты. Дело в том, что неподалеку от трупа был найден военный билет на имя некоего Раиля Хайрова, жителя города Днепропетровска. Уже через непродолжительное время владелец билета был задержан и признался, что в ночь с 6-го на 7 ноября он вместе с другим жителем Днепропетровска, Константином Довженко, убил Османова с целью ограбления.

По словам обвиняемых, они накануне приехали в Симферополь и весь день пьянствовали. Когда у них кончились деньги, Довженко предложил своему собутыльнику кого-нибудь ограбить. С этой целью они пришли на улицу Гагарина. Навстречу им попался Юрий Османов. Довженко набросился на него, ударил кулаком в лицо, затащил под мост и там стал избивать. В этом ему помогал Хайров. Когда Османов потерял сознание, Хайров вытащил у него из кармана 15 тысяч карбованцев (мизерная по тем временам сумма), а Довженко обыскал сумку. Не найдя в сумке денег, он вновь принялся избивать потерпевшего. От полученных травм Османов скончался.

Официальная версия (которая, заметим, восторжествовала в окончательном приговоре суда) с самого начала вызвала массу вопросов не только у родственников и друзей убитого, но и у журналистов и политиков Крыма.

Почему труп оказался так далеко от того места (свадьба в доме друзей происходила в другом конце города), куда направлялся Юрий Османов в тот роковой вечер?

Что делал Османов ночью в одном из самых опасных районов крымской столицы?

Почему убийцы оставили такие улики на месте преступления?

Стали бы хулиганы, мелкие гопстопники, пусть и нетрезвые, наносить телесные повреждения такой тяжести пожилому человеку, не отличавшемуся здоровьем и заведомо не способному оказать нападавшим физическое сопротивление?

Наконец, почему убийство произошло как раз в тот момент, когда Османов задумывал новые политические мероприятия, буквально накануне президентских выборов в Крыму и выборов в Верховный Совет Крыма, где крымским татарам была предоставлена специальная квота?

Ход следствия также подтверждал догадки о том, что самая простая версия убийства не является самой правильной: не случайно приговор убийцам Османова был вынесен лишь спустя два года после совершения преступления (Довженко получил 15, Хайров - 11 лет лишения свободы), при том, что преступники были задержаны едва ли не сразу же после совершения преступления.

Известно, что один из обвиняемых в ходе следствия изменил показания дело было отправлено на доследование, но вернулось к прежней версии.

НДКТ с самого начала отбросило хулиганско-бытовую версию преступления и выдвинуло свою, фактически обвинив в организации убийства Османова второе, радикальное крыло движения.

Из заявления Информационной рабочей группы НДКТ:

"Стремительно падающий имидж национал-предателей в тоге бесстрашных борцов за права крымско-татарского народа, ставленников имперских сил, вызвал панический страх и бешеную злобу этих сил перед тем, что Национальное движение крымских татар способно получить вотум доверия народа и будет иметь реальное и весомое представительство в парламенте Крыма. А это, безусловно, привело бы к быстрой консолидации крымско-татарского народа вокруг его Национального движения. Тогда бы рухнула, как карточный домик, стратегия на раскол народа, существенно были бы затруднены возможности развязывания против него кровавой бойни по грузинскому (абхазскому, ингушскому и т.д.) варианту. Это означало бы признание де-факто полного провала стратегии 1994 года и тщательно маскируемой и скрываемой работы разведок. Именно поэтому враги решения крымско-татарского национального вопроса решились на подлый удар и на преднамеренное политическое убийство!"

Впоследствии члены НДКТ и все, кто интересуется этим, в перспективе важнейшим аспектом политики, имели немало случаев убедиться в осмысленности своей версии...

"АСКЕРЫ"

Если в первом акте пьесы на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно должно выстрелить - принцип не только театрального искусства, но и большой политики, в том смысле, что если уж ружье на сцене появилось, то выстрелит оно обязательно.

Слишком часто конфликты в мировой истории возникали оттого, что кто-то просто начинал брехать оружием или демонстрировать военную форму. Создание всевозможных паравоенных формирований на территории бывшего СССР в девяностых годах приобрело повальный характер. В редких случаях дело ограничивалось просто костюмированными шествиями, участники разного рода подразделений обычно не упускали возможность проявить свою крутизну на деле.

Крым пока что не до последней степени захватила эта болезнь постсоветского общества, но затронула весьма существенно.

В 1994 году эксцентричный крымский президент Юрий Мешков, всегда неравнодушный к военно-спортивным забавам (что нередко рассматривалось как проявление своего рода комплекса неполноценности первого лица Крыма), сгоряча подписал указ о возрождении "казачьих объединений". Этот указ как руководство к действию восприняли не столько немногочисленные потомки занесенных разными

волнами истории на полуостров действительных казаков, сколько лидеры крымскотатарских радикалов, которые тут же объявили, что в ответ на "возрождение казачества" они начинают возрождение "традиционных крымско-татарских отрядов аскеров (воинов. - К. Ч.)."

Если "казачьи формирования", помахав флагами и посверкав лампасами, быстро отошли в область истории, то об "аскерах" этого не скажешь. Идея настолько понравилась некоторым горячим головам в руководстве Меджлиса, что очень скоро превратилась в целое политическое движение. Один из наиболее крутых борцов за национальные права Сервер Керимов заявил о намерении создать особую "крымско-татарскую националистическую партию", которая бы показала всем сомневающимся, что крымские татары способны бороться не только петициями, пикетами и митингами, но и кое-чем потяжелее, например металлической арматурой и цепями.

О том, что умеющие это делать люди были, свидетельствовали хотя бы события октября 1992 года в Симферополе. Тогда в ответ на арест в поселке Красный Рай близ Алушты нескольких крымских татар, участвовавших в самозахвате земельных участков, донельзя возбужденная толпа их соплеменников взяла штурмом первый этаж здания Верховного Совета Крыма, причем несколько милиционеров, находившихся в это время там, получили телесные повреждения.

Вскоре о создании такой партии было объявлено официально, по соображениям осторожности ее лидеры убрали из названия слово "националистическая", заменив ее на "национальная". Полное название партии звучало так: Крымско-татарская национальная партия "Адалет" ("Справедливость". - К. Ч.).

Именно под крылом этой партии и собрались те самые "аскеры", о которых было заявлено еще год назад.

Возникает закономерный вопрос: почему никаких "аскеров" в движении не было в то время, когда отношения между властями и крымскими татарами были наиболее напряженными, и появились они как раз тогда, когда центральные власти уже нанесли решающий удар по "крымским сепаратистам" и никакие казаки более не угрожали крымским татарам?

Ответ на этот вопрос подсказывает одна из самых первых акций адалетовцев.

В свое время на городском кладбище Симферополя был организован кооператив мусульманских обрядовых услуг "Адет". Какие разногласия возникли между руководством кооператива и партией "Адалет", можно только догадываться, однако, судя по тому, что произошло 26 мая 1995 года, разногласия эти были весьма существенными.

В этот день в 14 часов к воротам кладбища подкатило сразу несколько автомашин. Из них вышло человек пятьдесят крепких молодых людей, вооруженных обрезками труб, арматурой, цепями и ножами. В течение нескольких минут помещение "Адета" было подвергнуто настоящему разгрому, и те работники предприятия, которые не успели ретироваться, были избиты.

"Эта акция, - заявила информационная группа НДКТ, - первое боевое крещение так называемых "аскеров" против собственного народа, направлена на искоренение какого-либо инакомыслия, неповиновение "высшему, единственному, полномочному представительному органу" - Курултай-Меджлису, как они всюду себя представляют".

Наезд "аскеров" на кладбищенский кооператив поразительно напоминает аналогичный наезд крутых на "подведомственное" учреждение с целью выбивания дани.

К середине девяностых, когда большая часть крымских татар вернулась на родину и занялась обустройством на своей земле, стало весьма трудно изымать у вконец обнищавших людей средства, необходимые для поддержания деятельности политических структур типа Меджлиса. Пока шло возвращение, люди сами давали, кто сколько мог, на создание инициативных групп, организацию приезда и питания активистов, посылку делегаций, другие необходимые закупки. Теперь ситуация изменилась: рядом с халупами большинства крымских татар выросли роскошные особняки тех, кто принадлежал к

верхушке движения; лидеры Меджлиса раскатывали по всему миру, от США до Китая, в то время как большое число их соотечественников не могло найти необходимых средств, чтобы переехать из Узбекистана в Крым. У многих предпринимателей - крымских татар возникали обоснованные сомнения относительно того, следует ли им и дальше выплачивать "национальный налог", тем более что они зачастую не в состоянии платить легальные налоги государству, а во многих случаях должны были еще и бандитам. Именно затем, чтобы убедить их делать это, и нужны были пресловутые "аскеры", без которых прекрасно обходилось движение в куда более тяжелые времена своего существования, но тогда оно было истинно народным.

Создатели "Адалета" даже не скрывали того, что в их задачи входит "наведение порядка" в доходах предпринимателей, иными словами, "благородный рэкет". В одном из интервью Серверу Керимову был задан вопрос:

- Это правда, что в партии "Адалет" есть черный список из тех, кто накопил себе богатство за счет народных денег?

- Списка такого нет, - ответил Керимов, - но есть много информации. Обидно, что, вернувшись на родину, мы сталкиваемся с коррумпированностью, клановостью среди крымских татар, принимающими угрожающие масштабы. И хотя чиновники, обогащающиеся за счет народа, явление не национальное, партия "Адалет" включила эту проблему в круг первоочередных. Уже есть случаи возвращения украденных денег, хотя в основной своей массе это очень трудно сделать.

Еще одна задача, которую были призваны решать "аскеры" партии "Адалет", - это борьба с конкурентами. Возвращение крымских татар совпало с обостряющимся кризисом производства на полуострове. Каждый год в Крыму увеличивалось количество людей, но рабочих мест для них становилось все меньше. За воротами остановившихся предприятий оказывались люди, десятки лет проработавшие на них, - что же говорить о крымских татарах, которые и рассчитывать не могли на свое участие в, так сказать, общественном производстве?

Именно поэтому абсолютное большинство репатриантов занялись мелкой торговлей на вещевых и продовольственных рынках и частным извозом.

Нужно ли говорить, что как раз эту сферу деятельности уже давно и плотно оседлал рэкет. К 1995 году он уже обрел вполне цивилизованные формы: какое-нибудь МП на рынке продавало места, другое МП брало плату за стоянку автомашин возле них и так далее. Но поскольку все эти МП принадлежали отнюдь не лицам крымско-татарской национальности, со стороны ситуация выглядела так: на торговцах крымских татарах наживаются люди совершенно посторонние.

Наиболее энергичным и предприимчивым представителям депортированного народа такая ситуация, понятно, не могла нравиться.

"Денег все меньше, да и те уходят не туда; русские обирают татар; нехорошо - татары должны платить татарам", - рассуждали они. Но по-настоящему сделать ничего не могли: бандиты стояли круто. Ситуация изменилась лишь к 1995 году.

К этому времени русскоязычный криминалитет уже вовсю грыз друг друга.

Кроме того, в поисках новых источников доходов местная братва не слишком церемонилась с татарами и частенько перегибала палку, произвольно поднимая ставки "налога", наезжая даже на репатриантов-самостройщиков, чего раньше не случалось. Торговцы-татары сами все чаще смотрели по сторонам в поисках какого-нибудь "аскера", который смог бы "обломать рога" русским беспредельщикам.

За такими дело не стало: скоро наряду с "башмаками", "греками" и прочими замелькало имя крутого татарина Али из Бахчисарая и магическое страшновато-таинственное слово "Адалет". На рынках стали появляться крепкие черноволосые ребята, говорившие своим соотечественникам: "Эй, зачем платишь дань этим русским свиньям, ты же татарин, твои предки сами с них дань брали..."

В общем, настал момент, когда схватка за передел сфер влияния теперь уже по национальному признаку становилась неизбежной. На этот раз эпицентром кровавых разборок оказался курортный регион Восточного Крыма.

НАШЛИСЬ ДИРИЖЕРЫ НАРОДНОГО НЕГОДОВАНИЯ

В течение нескольких лет юго-восток Крыма - регион Феодосии, Судака и Коктебеля - считался башмаковской вотчиной. Наибольшим авторитетом пользовался здесь некто В. Макаров по кличке Белый. С ним были связаны и другие, более мелкие бригады по всему побережью.

Как и в других местах полуострова, бандиты здесь легально трудились в различных охранных структурах, специализировавшихся на присмотре, например, за санаториями.

В злополучное утро 23 июня 1995 года четверо охранников санатория "Крымское Приморье" отправились на рынок в село Курортное, как утверждали очевидцы, за сбором "налогов".

Здесь же, на рынке, находились двое крымских татар, Эбубекир Веисов и Роберт Габитов, которые по одной версии отказались платить дань рэкетирам, а по другой вступились за торговку-русскую, на которую наехали охранники.

Очевидцы событий утверждали, что татары приехали торговать; последующее следствие рассматривало версию, согласно которой оба парня принадлежали к группировке Али.

Как бы то ни было, между ними и охранниками возникла драка, во время которой один из охранников схватил увесистую деревянную палку-биту и стал избивать ею безоружных Габитова и Веисова. Оба упали, истекая кровью, после чего охранники сели в автомобиль и уехали.

Удары оказались для пострадавших роковыми: один умер по дороге в больницу, другой ночью уже в больнице.

Весть об убийстве рэкетирами двух татар с быстротой молнии распространилась по Крыму. Дальнейшие события были похожи на разбушевавшийся ураган, с той только разницей, что в последующих "стихийных возмущениях" отчетливо прослеживалась чья-то направляющая рука.

Двадцать четвертого июня вооружившаяся палками и прутами толпа татар разгромила кафе "Аквариум" и забросала камнями участковых инспекторов Александра Левина и Владимира Руденко, прибывших на место происшествия: татары считали, что местные милицейские чины потворствуют бандитам.

Левину пришлось сделать два предупредительных выстрела в воздух. Одного из камнеметателей, некоего Алима, задержали сотрудники отдела по борьбе с организованной преступностью и доставили в отделение милиции поселка Коктебель.

Начальник феодосийского ГОВД Григорий Якименко выезжал в Коктебель и просил крымских татар дать письменные показания о случившемся, но они этого делать не стали, заявив сотрудникам милиции, что сами найдут и покарают убийц.

Ночью в Щebetовке состоялся митинг, во время которого крымские татары разбили стекла в нескольких проезжавших мимо автомобилях, а на следующий день заперли в мечети участкового Руденко и потребовали от начальника милиции, чтобы им выдали участкового Левина, связанного, как считали люди, с мафией. Лишь через три часа, после долгих переговоров, заложник в форме, Руденко, был отпущен.

Похороны были назначены в селе Щebetовка 25 июня в 13 часов. В это время в Феодосии начался форменный погром.

Долгое время в крымской, да и не только в крымской прессе всюю шли дискуссии: чем были эти события - стихийным протестом отчаявшихся людей против засилья мафии, межнациональным конфликтом или чем-то еще. Сегодня вполне ясно, что разные их

участники были движимы совершенно разными чувствами: там были и охваченные жадной мести соплеменники убитых, и обычные громилы, но дирижировали и управляли толпой люди, которые думали отнюдь не о восстановлении справедливости.

Много месяцев после событий стали известны некоторые следственные документы, сообщавшие о подробностях и организаторах погромов.

Из материалов уголовного дела N 120373. Обвиняемый К.:

"За совершение хулиганских действий я был арестован, но 8 июня 1995 года меня освободили изпод стражи. От своих знакомых из фирмы "Джан" я узнал, что за мое освобождение следователю передали деньги. Мне объяснили, что долг возвращать не надо, но если когда-либо потребуется моя помощь, то я им должен ее буду оказать. 25 июня 1995 года я пришел в офис фирмы "Джан", где обычно в это время собираются знакомые ребята, но там никого не было, и я пошел к своей знакомой девушке. Проходя возле центрального рынка, я увидел в толпе своих знакомых из "Джана". От Ф. Джапарова я узнал, что они мстят за двух убитых татар. Сделав для себя вывод о том, что наступило время расплатиться за то, что меня татары освободили из под стражи, я присоединился к... толпе".

Свидетель Д.:

"Я устроился на работу охранником в фирму "Джан" в 1994 году. Там я познакомился с братьями Ахматом и Джамшидом Булатами... Двадцать пятого июня 1995 года Ахмат Булат сказал, чтобы все собрались на стадионе в Старом Крыму. На футбольном поле я увидел много татар на легковых автомобилях. Среди них был и лидер феодосийского Меджлиса Абдасаров Изет. Здесь же Ахмат руководил раздачей ящиков, в которых находились бутылки с бензином. По указанию Джамшида колонна направилась в Феодосию...".

В 12.30 в Феодосии группа крымских татар на десяти автомашинах подкатила к бару-ресторану "Киммерия", обстреляла его из огнестрельного оружия и забросала бутылками с зажигательной смесью. Первый этаж здания полностью выгорел, на автостоянке рядом с рестораном остались стоять несколько машин с выбитыми стеклами и помятыми бортами.

Свидетель С. рассказал следователю, что в 1994 году он устроился работать в фирму "Джан" охранником. Двадцать четвертого июня 1995 года от Джамшида Булата узнал о том, что в поселке Курортном убили двух татар, и по этому поводу 25 июня будут выступления, сбор всех джановских ребят намечен на 24 июня. Джамшид предупредил, чтобы все, имея при себе теплую одежду, прибыли в один из офисов в городе Старый Крым. На следующий день по указанию Джамшида из Старого Крыма все направились на местный стадион, где уже шла подготовка к выступлениям в Феодосии. В багажники легковых автомобилей складывали ящики, в которых находились бутылки с бензином. Из Старого Крыма колонна автомобилей направилась в Феодосию. Знаком к выступлению была остановка автомашины, ехавшей впереди колонны.

Автомобиль остановился у ресторана "Киммерия", после чего все выбежали из автомашин и побежали на автостоянку, расположенную у ресторана. Стали бить металлическими прутьями по новым автомашинам, бросали бутылки с бензином по ресторану, Джамшид стрелял из винчестера.

При нападении на ресторан "Киммерия", который считался бандитским гнездом, в руки нападавших чуть было не попал сам Белый. Он едва вырвался из рук обезумевшей толпы и даже получил ножевое ранение. Рассказывают, что он выбежал из здания, теряя домашние тапочки, вскочил в свой джип, стоявший во дворе ресторана, и направил его на толпу, которая успела расступиться перед несущейся автомашиной, что и спасло ему жизнь.

В этот момент пришло сообщение, что со стороны Щебетовки к Феодосии движется колонна из 60 автомобилей. Свидетели потом рассказывали: не успели похоронить

убитых, как последовала команда "По машинам! ". В мечети остались только старики. Многие не поняли даже, куда им дальше ехать.

Навстречу этой колонне сразу же выехал начальник феодосийской милиции Григорий Якименко. Колонну он встретил недалеко от пансионата "Крымское Приморье". Здесь же был милицейский "ПАЗ", в котором находились десять милиционеров без оружия.

Крымские татары потребовали, чтобы Якименко связался по рации с феодосийским горотделом и дал приказ об освобождении задержанных при разгроме ресторана "Киммерия". Он этого делать не стал. Тогда татары схватили Якименко и силой усадили в машину. Так главный феодосийский милиционер стал заложником.

В 13.40 к феодосийскому горотделу милиции подъехала первая сотня крымских татар, которые блокировали здание, требуя освободить задержанных.

Изет Абсатаров, председатель феодосийского отделения Меджлиса крымско-татарского народа:

"Двадцать пятого июня 1995 года я поехал на похороны в поселок Щебетовку, где хоронили двух убитых в поселке Курортное татар. Из Щебетовки поехали в Феодосию, по дороге я видел, что разгромлен ресторан "Киммерия". Прибыли к горотделу милиции, так как, по рассказам, там содержались двое ребят из бригады Джамшида (Булата. - К. Ч.) - Роман и Марат. Стали требовать, чтобы ихпустили. Дежурный пояснил, что они задержаны по той причине, что в их автомобиле обнаружены бутылки с бензином. Такими же бутылками погромщики забросали ресторан "Киммерия", который уже сгорел. Я и Сервер Керимов (лидер партии "Адалет". - К. Ч.) зашли в здание горотдела, где решался вопрос об освобождении задержанных. После освобождения Лушникова Романа и Карданова Марата колонна автомобилей направилась к центру города. Я видел, как горели помещение "Грильетной", другие магазины. Затем поехали на Челноки (район Феодосии. - К. Ч.), где толпагромила офис 000 "Спортпромсервис".

Возле кафе "Рельефное" толпа напала на автобус, в котором ехали сотрудники спецподразделения "Беркут". Вначале милиционеры отбивались от нападавших прикладами автоматов, а потом стали стрелять в воздух, но и это не остановило толпу. Боевики вытащили из машины Григория Якименко и вылили ему на голову бутылку бензина. Держа над головой зажигалки, повели заложника к бойцам "Беркута". Полковник приказал ОМОНу уехать.

Когда автобус скрылся из глаз, толпа продолжила погром киосков и магазинов. В этой стычке пострадали два омоновца - одного ударили кирпичом, второй получил порезы головы.

В 15.40 крымские татары направились в поселок Коктебель. При выезде из города разгромили грильбар, в 16.12 захватили автобус "Икарус" с пассажирами; граждан позжепустили, а автобус использовали в качестве транспортного средства.

В Коктебеле были подожжены дом и автомашина "ВАЗ" директора совхоза Яненко, подозреваемого в том, что он мирволил бандитам. Причем прибывшим пожарным приступить к тушению не дали, дом сгорел полностью.

Следом за этим была разгромлена квартира участкового милиционера Левина.

Погромы в Коктебеле продолжались до 17.30. В них принимали участие до 500 человек, прибывших на двух автобусах, и 50 легковых автомашинах.

Свидетель 3.:

"Двадцать пятого июня 1995 года я находился на работе. Днем кафе закрыли, так как нас предупредили о том, что могут быть акции со стороны татар. Около 16 часов, находясь на улице, я услышал шум, доносящийся со стороны кафе. Подойдя ближе, я увидел, что горит помещение комплекса АП "Волна", откуда доносились крики и звон разбитого стекла. Затем из помещения разрушенного комплекса вышло примерно 60 человек... Они некоторое время постояли возле кафе - смотрели, как горит здание. Затем все сели в автомашины и уехали".

Затем колонна, к которой присоединились еще 30 автомобилей, направилась в Судак и, прорвав на дороге заслон ГАИ и разбившись на три группы, стала громить киоски и коммерческие предприятия.

В районе индивидуальных построек крымские татары подожгли дом некоего Славина.

На выезде из города погромщики захватили автозаправочную станцию и залили топливом бензобаки своих автомобилей. Далее погромщики решили двигаться по трассе через Белогорск на Симферополь.

А в это время в крымской столице собиралась вторая колонна. Несколько десятков боевиков, прежде всего от башмаковской группировки, вооруженных всевозможными стволами, начиная от пистолетов и заканчивая автоматами Калашникова, на легковых машинах двинули в Феодосию "качать бунтовщиков".

Между Зуей и Белогорском путь им преградили два БТРа и отряд ОМОНа, командир которого заявил, что откроет огонь в случае, если "мафионеры" попытаются преодолеть заслон. Постояв некоторое время у заслона, матерясь последними словами, симферопольские бандиты вынуждены были повернуть восвояси. Только несколько машин, объехав по проселочным дорогам блокпосты, проехали почти до самой Феодосии, обстреляв по пути несколько легковушек, в водителях и пассажирах которых заподозрили принадлежность не к той национальности.

В числе пострадавших был молодой парень, крымский татарин, который вез своего грудного ребенка на госпитализацию в больницу Симферополя. Пули достались и его жене.

Примерно в это же время такая же колонна собиралась и в Джанкое, где местный авторитет по кличке Филя также горел желанием разобраться с татарами за попорченное добро, но и его попытка оказалась не более успешной, чем предыдущая.

Между тем толпа крымских татар сосредоточилась для похода на Белогорск и Симферополь на окраине Судака. Здесь ей также преградили путь омовцы.

К толпе для переговоров вышли депутаты ВС Крыма - Рефат Чубаров и другие, а также тогдашний начальник крымской милиции генерал В. Петухов. Погромщики, однако, были вовсе не расположены к беседам. Возбужденная толпа, вооруженная чем попало, двигалась на омовцев.

В 20.26 раздались выстрелы... Несколько человек упали, толпа шарахнулась в стороны.

Омовцы утверждали, что выстрелили по ним с ближайшего холма. Там действительно потом якобы обнаружили ружье - американский помповый "магнум", пуля из которого пробила каску сержанта, тяжело ранив его. Кто стрелял по милиции, имел ли стрелок отношение к погромщикам, так и осталось неизвестным.

Со стороны татар два человека были убиты, в том числе и Джамшид Булат, который, как выяснилось в ходе следствия, был одним из организаторов погромов, шесть или семь человек получили ранения.

После того как раздались выстрелы по толпе, к омовцам кинулся генерал Петухов с криком "Прекратите стрельбу!", а погромщики вновь вывели из машины участкового Якименко, еще раз облили его бензином и потащили вперед, держа над его головой зажигалки. Они кричали, что сделают из Якименко шашлык, если ОМОН не прекратит стрельбу.

Нарвавшись на пули, толпа остановилась и постепенно рассосалась. Якименко был отпущен на следующее утро. Зачинщики, как водится, исчезли.

Тогдашние власти, как и в других инцидентах, связанных с татарами, почли за лучшее спустить дело на тормозах, прокуратура предъявила обвинения нескольким уголовникам-мародерам, а действительные зачинщики беспорядков, как и "русские" рэкетеры, убийцы Ваисова и Габитова, наказания не понесли.

Правда, через год, в 1996-м, но за совсем другие преступления, был осужден один из главных организаторов погромов - председатель феодосийского Меджлиса Изет Абсатаров.

"Башмаки" поначалу наложили на татар контрибуцию в размере миллиона долларов, которая должна была быть выплачена по окончании курортного сезона; однако, понимая, что выбить ее им уже вряд ли удастся, не стали настаивать на "ответе за базар".

Осенью в Симферополе произошла еще пара стычек рэкетиров с "аскерами", в которых уже первые вынуждены были защищаться.

Судя по всему, татарам удалось оторвать у "башмаков" довольно солидный кусок их рынка, хотя в целом, судя по всему, "башмаки" все же удержали контроль над значительной частью своей уже приходящей в упадок "империи".

"АБСОЛЮТНАЯ ВАКХАНАЛИЯ КРУГОМ..."

Если вам когда либо случалось бывать на татарских самостроях или проезжать мимо новых поселков где-нибудь в окрестностях Симферополя или Евпатории, вы не могли не обратить внимание на то, что на "фоне неоштукатуренных полуземлянок большинства жителей этих районов высятся настоящие каменные дворцы, обнесенные отнюдь не символическими заборами, за которыми, если бы вам удалось туда проникнуть, вы увидели бы приличную иномарку и другие атрибуты жизни "новых" - на этот раз новых крымских татар.

Впрочем, само по себе богатство конечно же не предосудительно, и кое-кто из владельцев роскошных особняков, по-видимому, заработал его своим трудолюбием, деловой хваткой и умением правильно поставить организацию производства. В каждой национальности есть достойные, энергичные и одаренные работники, и не ко всем из них судьба равно жестока. Но не секрет, что немало людей сумели не попасть в болото переселенческой нищеты просто потому, что вовремя оказались у распределительного "крана", из которого хоть и не лились, но все же капали кое-какие государственные средства на обустройство соотечественников.

Конечно, глупо впадать в резонерство, наблюдая за тем, как иногда какое-то количество капель падает мимо общественной кружки: как говорится, кто что распределяет, тот то и имеет - это своего рода закон социального распределения, все дело в масштабах.

Масштабы же хищений, или, выразимся осторожнее, - нецелевого использования средств, выделяемых государством на возвращение и обустройство депортированных граждан, были таковы, что в разговоре с одним из высокопоставленных чиновников Совмина Крыма вице-премьер кабинета министров Украины В.Дурдинец воскликнул: "Абсолютная вакханалия кругом!".

Речь шла о деятельности Государственного комитета по делам национальностей и депортированных граждан.

Среди грандиозных (по крымским, конечно, меркам) финансовых афер девяностых годов свое почетное место обязательно должны найти злоупотребления, связанные с деньгами для депортированных, безнаказанно осуществлявшиеся в течение нескольких лет.

Когда в конце восьмидесятых в Крым хлынул поток переселенцев из Средней Азии, государство нашло возможность выделить пусть и в недостаточном объеме, но все же совсем немалые суммы на организацию переезда, строительство домов, проведение необходимых работ в поселках, где должны были жить возвращавшиеся из почти полувековой ссылки люди. Была принята государственная программа возвращения и обустройства депортированных, создан при правительстве Крыма Государственный комитет по делам национальностей и депортированных граждан, при нем - Управление капитального строительства, другие службы.

После распада Союза в результате бурных политических пертурбаций Госкомнац оказался под контролем крымско-татарского национального самоуправления; конкретно - Меджлиса, а реально - небольшой группы особенно влиятельных людей, у которых, в свою очередь, были не менее влиятельные друзья, так сказать, в сфере предпринимательства. Трудно сказать, когда именно они создали свой впечатляющий экономический проект, суть которого, как всегда, была до гениальности проста.

Ежегодно государство выделяет энную сумму денег (в 1996 году, например, эта сумма равнялась четырем миллионам долларов). Эта сумма выделялась непосредственно Госкомнацу. В свою очередь, Госкомнац распределяет ее по нуждающимся: большая часть ее уходит в Управление капитального строительства (УКС), строящее дороги, здания, подводнящее коммуникации и т.д., часть направляется в виде ссуд индивидуальным застройщикам и так далее.

Как сделать так, чтобы эти деньги контролировались определенными людьми и по необходимости ими же использовались? Очень просто - нужно, чтобы деньги проходили через собственный, т.е. негосударственный банк.

В 1994 году такой банк создается при поддержке Меджлиса и получает наименование "Имдатбанк", то есть "Содействие". Кому и в чем, мы сейчас увидим.

"Имдат-банк" не стал акционерным банком. Его учредили несколько коммерческих фирм и один некоммерческий фонд "Крым".

Фонд этот был создан несколько ранее и являлся довольно загадочной и небедной организацией. Достаточно сказать, что именно через этот фонд поступала практически вся финансовая помощь, которую оказывали крымско-татарскому движению западные политические и благотворительные организации, турецкие правительственные структуры, татарская диаспора во всем мире, мусульманские фонды и так далее. Председателем правления фонда был не кто иной, как глава Меджлиса Мустафа Джемилев.

"Имдат-банк" создавался с помпой как народный банк, призванный содействовать возвращению и обустройству крымских татар на родине. Вскоре его создателям удалось сделать так, чтобы "Имдат-банк" стал обслуживать все счета Госкомнаца и Управления капитального строительства. Вот тут и закипела работа.

Каким образом? Вот лишь несколько примеров.

В марте 1995 года распоряжением председателя правления "Имдат-банка" переводится кругленькая сумма денег 100 тысяч гривен (50 тысяч долларов) со счета УКС на счет МЧП "РЭД". При этом гарантийное письмо оказывается недействительным (отсутствуют подпись начальнииа-УКСа З. Халикова, печать неразборчива).

Руководителем МЧП "РЭД" является С. Тохтаров - председатель Совета банка.

В ноябре 1995 года УКС перевел 450 тысяч гривен на счет МП "Поиск" в "Агропромбанке" в виде аванса для приобретения стройматериалов на окончание строительства в селе Амурское. "Имдат-банк" в нарушение закона переводит эти деньги не на указанный счет, а на открытый новый счет в своем банке. В этот же день 450 тысяч гривен были переброшены на счет все того же МЧП "РЭД": официально - на поставку, монтаж и пусконаладку оборудования для производства пластиковых оконных блоков.

В 1996 году УКС Госкомнаца заказало в МЧП "Торше" (зарегистрировано в Бахчисарайском районе) "кабельную продукцию" и перечислило на счет МЧП в "Имдат-банке" 89 тысяч гривен. Если вы думаете, что директор предприятия Р. Тохтаров тут же отправился на закупку кабеля, вы ошибетесь. Нашлись более неотложные нужды - например, погашение кредита и процентов по нему, ни много ни мало - 39,5 тысячи гривен. Но и это еще не все. В этот же день МЧП "Торше" оказало материальную помощь... МЧП "РЭД" (руководитель, как вы помните, - С. Тохтаров, неужели однофамилец?) в размере 49,5 тысячи гривен. В итоге все 89 тысяч гривен, поступившие на счет МЧП "Торше" от УКС Госкомнаца - (деньги бюджетные), ушли совсем не на строительство домов для переселенцев.

Любовью руководства "Имдат-банка" пользовалось отнюдь не только МЧП "РЭД". Вот еще один пример. Девятого августа 1995 года УКС и упоминавшийся уже фонд "Крым" заключили договор на выполнение работ, связанных с выплатой материальной помощи индивидуальным застройщикам. Финансовую защищенность гарантировал "Имдатбанк".

Девятого августа вместо 500 тысяч гривен на расчетный счет ПКЧП "Арсен-Бей" перечислено 100 тысяч гривен, которые так и не дошли до застройщиков.

В тот же день и с той же целью оказания помощи застройщикам перечислено 400 тысяч гривен. МП "Геос", затем еще 30 тысяч гривен - результат оказался тем же.

Фактическая задолженность фонда "Крым" перед индивидуальными застройщиками исчислялась в 1997 году в 886 719 гривен...

В общей сложности лишь по трем подобным эпизодам в 1995 году сумма потерь в результате финансовых нарушений, допущенных руководством "Имдат-банка", составила свыше миллиона долларов.

Однако и это еще не все.

Нецелевое использование денег, выделенных на обустройство депортированных, допускало не только руководство "Имдат-банка", но и сами Госкомнац и УКС. Так, в 1997 году был уволен (и только-то!) начальник УКС Н.Алиев, который заключил договор с фирмой "Консоли" о выкупе жилья для крымских татар и готов был перечислить на счет фирмы 1 миллион гривен (500 тысяч долларов) на приобретение 33 квартир. Все бы ничего, но стоимость квартиры от "Консоли" в 2 - 3 раза выше, чем средние цены на квартиры в других фирмах.

По данным проверки финансовых органов, из 4 миллионов долларов, выделенных на обустройство депортированных, согласно данным, приводимым оппозиционной татарской газетой "Арекет" (НДКТ), более 90 процентов средств израсходованы незаконно и не по назначению.

"Проще говоря, - констатировал обозреватель газеты, - из каждой десяти рублей более девяти ушло "налево".

Обнародованные факты вопиющего разворовывания бюджетных денег шокировали даже руководство Меджлиса (ту его часть, которая не была причастна к махинациям "Имдат-банка"), и оно потребовало немедленного перевода счетов в другой банк.

Сделать это оказалось не так-то просто. Влиятельное крымско-татарское лобби "убедило" предсовмина Крыма А. Демиденко и представителя президента Украины в Крыму В. Киселева направить в верха прошение о продлении жизни "Имдату" и даже о... расширении его полномочий.

В итоге банк, уже под другим названием и с другим руководством, продолжает действовать по сей день. "Протестанты" же поплатились за свое несогласие тем, что были изгнаны из Меджлиса и подверглись моральной и психологической травле.

Недавние события со всей очевидностью показали, что связи руководства движения и криминала становятся все более и более тесными.

В январе 1998 года партия "Адалет" организовала шумный митинг здания Совмина Крыма в Симферополе. Поводом к выступлению послужило убийство двух крымских татар: Салим Утаев (по оперативной информации - правая рука известного крымскотатарского авторитета Али) и его водитель Делявер Кучеров были найдены в сгоревшей "тойоте" близ поселка Николаевка.

На митинге - поминальной молитве в Симферополе собралось около 1000 человек, принесшие с собой камни и куски арматуры. Выступавшие утверждали, что власти сознательно закрывают глаза на преступления по отношению к крымским татарам, и заявляли, что лишь за два года было убито 130 крымских татар (по данным милиции, жертвами преступлений за это время стало 26 человек из числа крымских татар).

На митинге звучали и такие слова: "Если власть не в состоянии нас защитить, то мы будем защищаться сами. Каждый крымский татарин должен стать "аскером".

А в итоговой резолюции говорилось:

"Пришло время жить по нашим законам. А закон у нас один - Коран".

Знакомо, не правда ли? И до боли что-то напоминает, точно так же как и зеленые повязки на головах боевиков, которые вышли в феврале 1998 года к железнодорожным путям у симферопольского вокзала.

Впрочем, они и сами не скрывали, какие ассоциации намерены вызвать.

"Мы устроим вам Чечню!" - кричала толпа, идя на милицейское оцепление, для того чтобы заблокировать движение поездов. Во время этого столкновения, кстати, получили ранения, в том числе и ножевые, несколько милиционеров. Лишь твердое заявление начальника крымской милиции генерала Москаля о том, что в случае массовых беспорядков против их организаторов будет применено оружие, отрезвило горячие головы. Надолго ли?

Последствия чеченской войны долгое время еще будут ощущаться не только на Кавказе, в России, но, как ни странно, и за много километров от эпицентра событий, на территории другого государства - в Крыму.

Что поделаешь, мы продолжаем жить в едином криминально-политическом пространстве.

Портреты Джохара Дудаева, знамена Ичкерии, диковинный для Крыма клич "Аллах акбар!" стали сегодня почти привычными атрибутами крымско-татарских митингов. Они парадоксально накладываются на все большую криминализацию национального движения, и это естественно - за героикой, или псевдогероикой, уголовнику сподручнее прятать извечную суть своего ремесла.

Все чаще смесь политики и уголовщины продолжает пополняться новыми взрывоопасными ингредиентами, грозя превратиться в гремучий коктейль под названием "этно-религиозный фундаментализм".

Вряд ли стоит говорить о том, что может он принести Крыму и миру. Остается лишь надеяться на то, что глубокие демократические традиции борьбы крымских татар за свои права в прошлом сделают эту перспективу неосуществимой.

В самые последние дни работы над этой книгой появилось предсказанное долгожданное и приятное событие: в рядах Меджлиса произошел раскол, создано, судя по первым декларациям и некоторым персоналиям, демократическое движение "Миллиет" - "Народ".

Глава 9

БРАКОНЬЕРЫ

Он типичный представитель крымского криминалитета, бывший воин-афганец, человек, который состоял в одной из небольших преступных группировок, был осужден, отсидел большую часть срока и вернулся к преступному (хотя и другому) бизнесу. Но все же он и не совсем типичный, прежде всего потому, что после возвращения в "дело" сумел-таки снова завязать с преступным, но очень прибыльным бизнесом и найти мирное применение своим умелым рукам. Во всяком случае, путь "волков" был не для него...

ТЕПЛЫМ ФЕВРАЛЬСКИМ ДНЕМ

Коренастый блондин, слегка кривоногий - как то бывает у настоящих моряков или потомков кавалерийского рода, - Вадик Фанфани (имя и фамилия изменены, но только в пределах своего языкового ряда) попал в Афганистан на финальном этапе кампании, и, может быть, поэтому и вернулся домой цел и даже невредим.

Колхоз, где Вадик вырос и начинал трудиться шофером, развалился. Молодежь разбежалась кто куда. Подался в город и Вадик. Некоторое время кантовался на центральном рынке. Однако торговца из него не получилось.

Были мы с ним знакомы просто как земляки. Лет семь назад, кажется перед Новым годом, он было снова замелькал на базарах, но скоро надолго исчез из моего поля зрения. Прошел слух, что Фанфани посадили чуть ли не за разбой. Я позабыл Вадика, которого, быть может, и знал только из-за его экзотической фамилии...

И вдруг - на тебе! Необыкновенным для февраля деньком - светлым, овейным средиземноморским ветерком, принесшим первое тепло, - отправился я подышать на Симферопольское море. Тенькали синички, суется в вербных зарослях, по-за которыми время от времени вздымалось удилице, слышался характерный стрекот спиннингового барабанчика.

Приблизившись, я увидел Вадика. Он повзрослел, изменил прическу: теперь он был коротко острижен, а раньше ходил с кудрями на восточке.

- Гражданин, рыбалка с плотины запрещается! - решил я пошутить.

Вадик бросил:

- А не пошел бы ты...

Вадик обернулся и, по-моему, не сразу вспомнил меня, хотя и понял, что мы знакомы.

- Клюет всякая мелочь, - резиново улыбнулся он, и сверкнул оскал невероятно белых и ровных зубов.

Когда же вспомнил меня, то обрадовался по-настоящему и стал сматывать удочки.

Разговаривая, мы пошли по плотине в сторону поста охраны.

- Когда свояк дежурит, я подъезжаю... Без рыбалки не могу. Тут иногда легионы цепляются.

Я же все порывался выяснить насчет слухов о нем.

Миновав шлагбаум, мы выбрались на площадку, где в полном одиночестве стояла машина. Но зато какая: элегантный, как женское манто, "скорпион".

Вадик направился к ней. Скрипнула сигнализация.

- Ну и ну! - пробормотал я, уставившись на этот пейзаж. - В тюре такое не заработаешь...

Слух у моего земляка был отменный.

- Да уж, честным трудом не заработаешь, - согласился Вадик.

Мы сели в машину, и она пошла быстро и плавно. У поворота Вадик спросил:

- Может, ко мне, если, конечно, время позволяет?

И, словно бы смущаясь, надел очки, скрыв от меня зеленые свои глаза отрока.

Спустя минуты я стоял перед роскошной виллой. Как-то иначе назвать это строение мне не позволяли ни восторг, ни запас архитектурных понятий.

Но не стану описывать деталей - таково одно из условий, которые перечислил мне Вадик, прежде чем рассказал о способе своего баснословно быстрого обогащения.

Увы, он и в самом деле отсидел пять лет за рэкет, которым занимался всего ничего. Однако на другом поприще он "поработал" как раз столько же времени (год с небольшим) и нажил состояние, позволившее построить этот особняк с бассейном, сауной, гаражом и прочей обязательной для состоятельного человека фанатерией.

И ВАДИК "РАСКОЛОЛСЯ"

- Вот вы, уважаемый, пишете о том, какой урон природе наносит невежественное к ней отношение. А что вы скажете о людях, которые, понимая все это, все равно творят этот вред?

Я понимал, что отвечать на этот вопрос необязательно.

Мы прошли в дом, где в гостиной был уже накрыт столик, но без спиртного.

- Все это я купил одним махом... - небрежным жестом Вадик осенил обстановку: деревянную мебель, ковры, посуду, гобелены. Однако в движении этом не было и тени рисовки. Мы сели, и я "видел, что земляк мой просто изнывает от нетерпения, желая о чем-то рассказать мне, видимо очень важном для себя.

- Мы попали под амнистию - пятеро афганцев. Как там сошлись, так и держались вместе. Лагерь - похуже войны... Но не об этом речь. Где, что и как мы будем делать, выйдя на волю, мы знали. Один из нас, Федор, был рыбаком, причем потомственным. У него на Азовском море в деревне доживала век бабушка. Во дворе валялась лодка. На чердаке нашлись капроновые сети. Как-то ночью мы вышли в море - поставили аханы. И уже через две недели - это было ранней весной - закрутили около ста банок черной икры.

К лету у нас уже был вездеход "Нива" и "Казанка-2". Деревня глухая. Рыбинспектор появился лишь осенью. Но так ничего про нас и не узнал. К тому времени мы имели джип и два "Амура" с подвесными "японцами". Одна лодка работала в Азове, другая - в Феодосии. Рыбы мы брали столько, что, не будь рынка сбыта, не представляю, что бы мы с ней делали.

Мы много работали и много думали. Один из нас съездил в Турцию, где нашел хороших партнеров. На первое randevu мы шли и тряслись. Вооружиться (парочка "калашей" у нас уже имелась) остерегались. Боялись нарваться на наших погранцов. Это потом поняли и оценили, как нам подфартило. Наш бизнес возник в самый разгар энергетического кризиса. У хохлов нечем было баки заправлять. "Сторожевики" больше сторожили причалы, чем водные рубежи.

Встреча с турками состоялась без эксцессов. Мы им товар, а они нам - баксы. И так неоднократно. Опасность была в другом. Выходили мы к аханам только ночами. И непременно перед самой погодой. Федор знал все приметы. И называл это "пройти по краю". Важно было изловчиться так, чтобы улизнуть в море перед самым штормом. В большое волнение инспекция идти не рискует. Техника у нее не та. И устеречь нас на берегу с рыбой не могла. Мы выходили в других местах. У нас их было несколько... В скалах у Ак-Моная. Там в каменоломнях держали бочки с икрой, соленым краснюком... Там же мы и балыки вялили. Словом, целый подпольный цех.

- Турки, Азовское море? - усомнился я.

- В том и гениальность нашего метода: добываем в Азовском, продаем в Черном. От Арабатского залива на Азове до Феодосийского залива на Черном - по прямой всего пятнадцать километров. С учетом извивов дороги - от силы - двадцать пять. Сорок-пятьдесят минут на перегрузку в машину - и снова в лодку. Еще пара часов - встреча с турками. Они нашу рыбу берут, а она хвостом о палубу молотит.

Всего две путины - и нам хватило. На большее не пошли. Нелегко было рвать концы. Да и Куренной стал к нам подбираться. С ним воевать - значит, до крови. Хватит и того, что с геническими столкнулись. Они на наши ставники повадились ходить. Поднимаем сети - пусто. А видим, рыба была. Приметы всякие оставляли: то лоскуток привяжешь, то щепочку прицепишь. Что ж, вор у вора тут не дубинку крадет, а большие доллары. Выследили. Они - пифпафники. А мы - как-никак, повоевали в жизни, навыки имеем. Палуба на их лодке была залита не только рыбьей кровью. После этого больше никто не трогал наши аханы.

Вообще, страшное это дело - рыбное браконьерство. Сколько "любителей" потопло, особенно из Щелкина и окрестных деревень. Мореходных навыков - никаких. На утлых скорлупках выходят, да еще пьяные. Азовское море - братская могила браконьеров.

Чтоб не оставалось соблазна, продали все: лодки, моторы, машины, сети. Вот купил удочки. Время от времени хожу на водохранилище сбить оскомину. Иной раз так хочется хлебнуть настоящего шторма, ободрать руки о шипы царь-рыбы...

В гостиную вошла молоденькая черноглазая женщина.

- Нюра - моя супруга! - познакомил нас Вадик.

Малышка быстро убрала тарелки. Мою пустую. К своей икре хозяин так и не прикоснулся. Вслед жене сказал:

- Просит компьютер, а я боюсь ее - эту электронику. Говорят, она излучает. А нам еще ребенка рожать.

- Вадик, но вас ведь могли завербовать иностранные разведчики? - вырвалось у меня старорежимное опасение.

Фанфани не рассмеялся, но посмотрел с изумлением:

- Ни в коем случае. Мы Родину не продаем.

ЗА РЫБУ - ГРОШИ

Мало кто был посвящен тогда, а теперь тем более меньше знает, что пресловутые "рыбные дни" в советском общественном питании вводились закрытым постановлением ЦК КПСС в связи с тем, что исключительно ценный продукт, добываемый у нас в изобилии, плохо шел, хотя стоил баснословно дешево.

Давно канули в историю "рыбные четверги", а балыки, уха, солянка или осетровый шашлык стоят нынче столь (опять же баснословно) дорого, что далеко не многим по карману. Однако есть еще в наших пределах уголки, такие, как, например, Геничеськ, где яства эти дешевле, чем где бы то ни было. И в ресторациях, и на рынках выложить "за рыбу гроши", конечно, придется, но совсем не такие, как в каком-либо ином месте.

Геничеськ на Азове - это осетровый Доусон на рыбном Клондайке. Только зарегистрированных лодок "Амур" (одно из самых ходовых браконьерских судов) здесь около трехсот, не говоря уже о других: "Казанках" и прочей умышленно незарегистрированной или избежавшей этой участи мелочи.

Кто ездит в Крым через Чонгар, знает: буквально в нескольких сотнях метров от милицейского поста начинается и уходит в глубь материка многокилометровый стихийный рынок. За 70 долларов здесь можно купить поллитровую банку черной икры (будь осторожен! Качество продукта санэпидемстанция здесь не проверяет). Килограмм копченого балыка стоит 15 долларов (не всегда для копчения использовался дым свежесрубленного хвороста!). Филе осетра (в зависимости от степени свежести) - от 5 до 10 долларов за килограмм.

"БУРЕВЕСТНИКИ"

Иван Куренной - старший государственный инспектор по чину и начальник одного из лучших отделов по борьбе с браконьерством на Украине. Скоро уже пять лет, как он ведет неравную, опасную борьбу с браконьерской флотилией, базирующейся на северо-западном побережье Азовского моря. И бывает, что в течение только одного рейда арестовывается до десяти воровских судов из Геничеська. В самого Ивана не однажды Стреляли. Приходилось открывать огонь на поражение и ему. Но Бог милует его и товарищей по борьбе, потому что люди эти воюют за правое дело. Его рассказ об экзотическом бизнесе мог бы послужить комментарием к "исповеди" Фанфани.

- Моих ребят называют "буревестниками". Они и впрямь вездесущие и неутомимые, ибо могут появиться в любой точке Азовчерноморья и, что называется, взять разбойников с поличным...

Я хорошо понимаю разные причины нарушений. Одни связаны с тяжелым материальным положением. Если я вижу в лодке пожилого человека, тем более рыбака, я никогда его не накажу. Бедняк добыл себе рыбку на пропитание. Но есть и другие. В трюме - сотни килограммов, а то и тонны красной рыбы. А на мостике автомат в полиэтиленовом чехле. Если так, пощады от меня не жди.

В последнее время мы оснащены неплохо. Есть и хорошие лодки, и движки. Но у них, наших врагов, все равно техника мощнее. Если даже это не импортная лодка, а

днепропетровского производства, висит на ней два японских мотора. И если бы не общественность, то есть наши побережные крымчане со своими скоростными плавсредствами, нам было бы еще тяжелее...

У меня своя "агентура" чуть ли не в каждой деревне - от Арабатской стрелки (Азов) до Лебяжьих островов (северо-западный угол Черного моря), Всюду надо успеть. Если в Азовском море орудуют шайки из Генического, то у мыса Тарханкут творят беспредел банды из Одессы, Херсона, Николаева. Наведываются и турки. Мы их тоже берем на абордаж. Браконьеры из сопредельного государства обнаглели до такой степени, что подходят к самому Севастополю.

Сегодня запасы азовской рыбы тают ужасающими темпами. Но в отличие от советского времени, когда осетровые гибли от вредных выбросов (ждановские (мариупольские) заводы теперь стоят), то теперь их губят браконьерствующие орды. Берут рыбу всю подряд. Чаще всего подрост. А ведь не только осетровые, но и пелингас, и карась, и судак нереститься начинают только в четырнадцати-шестнадцатилетнем возрасте. Если так будет и дальше, останемся на безрыбье. Во всяком случае, азовскому осетру угрожает судьба балтийского собрата - этой рыбы давно и в помине нет...

Азовское море принадлежит не только Украине. Нами заключен договор с краснодарской стороной о координации действий. Но все до сих пор пока остается на бумаге. Зато те, от кого мы защищаем природу, большое подспорье находят в Москве. Из столицы России они везут моторы (ценой от полутора до двух тысяч долларов), чаще всего японские "Ямахи", навигационные системы типа "Магеллан". Оснащенные таким образом суда дружно (по десять-двенадцать) выходят на разбой. В последнее время стала известна личность, которая руководит браконьерской флотилией из Генического.

Некоторые из допрошенных задержанных рассказали, что в этом приморском городке у них есть свой "адмирал". Он "отмазывает" попавшихся, выплачивает штрафы, подкупает суды... Всячески спасая своих, он требует от них и большей отдачи. Для пришедших к нему на службу дороги назад нет. Того же, кто пытается "соскочить", ждет скорая и беспощадная расправа. "Адмирал" - милиционер. Он никого не боится, потому что у него "все схвачено".

Недавно глубокой ночью мы натолкнулись в районе Картушки (середина Азовского моря) с хорошо оснащенным браконьерским судном. Не обращая внимания на сигнальные ракеты, оно стало уходить с нарастающей скоростью. Мы потеряли время, поскольку вынуждены были пересаживаться с неповоротливого парохода на быстроходный катер. И настигли их под градом автоматных пуль. Пришлось прыгать на палубу с ходу. На разбойном судне обнаружили рыбу, запрещенные орудия лова и автоматы Калашникова...

ДО ШТИЛЯ ЕЩЕ ДАЛЕКО

И если по крымскому периметру Азовского моря Иван Куренной и его товарищи совместно с общественностью, Госкомприродой, "Беркутом" и милицией порядок навели, то с пришлыми сладу нет никакого.

Сегодня в Азовском море идет настоящая война. И цена ей не только жизнь осетровых, но и человеческая.

Самым интенсивным был июль. Тридцать восемь схваток стражей моря с ворами! Лишь только в один из вечеров было конфисковано полтонны осетровых. Оптовая цена одного килограмма - 1 доллар. Вот и представьте, какой навар бывает у тех, кому удастся уйти от патруля.

Рыбинспекция не знает ни выходных, ни праздников. Люди эти отдыхают только в непогоду. Но она благоприятствует редко. Когда бушует Азов, то где-нибудь под Феодосией может быть штиль, а близ Севастополя или у Тарханкута браконьерствуют турки...

Иван Куренной не любит говорить о политике. Видимо, бесстрашный этот человек не хочет потерять возможность защищать родное море от беды.

Он промолчал о том, какие последствия и по его части уготованы Крыму прошедшими у наших берегов маневрами "Си-Бриз". Чужие суда подошли к нашим берегам вплотную. Даже вошли в озеро Донузлав - одну из самых некогда таинственных баз Черноморского флота. Показали мы и гроты сверхсекретной в прошлом Балаклавской бухты.

Военные не браконьерствуют - может возразить кто-то. Да, пожалуй. Но зато моряки Турции продают рыбакам навигационную информацию. В самую неблагоприятную погоду, когда рыбоохрана не может выйти на работу, браконьеры безболезненно обходят все препятствия, находя свои ставники и аханы.

Но часто и не находят. Спрятанные в глубинах километровые сети-ловушки опутывают рыбу, и она, обездвиженная, гибнет с голоду и от недостатка кислорода.

...По оперативной сводке управления "Крымазчеррыбвод", к началу октября 1997 года у берегов полуострова зафиксировано около 400 браконьерских инцидентов...

Глава 10

КОНТРАБАНДИСТЫ

За четыре месяца 1998 года в Симферопольской региональной таможне число задержаний контрабанды увеличилось втрое. Конфисковано более 87 тысяч долларов, незаконно провозимых через границы Украины.

Взлет показателей в сравнении с предыдущим годом можно трактовать и как возросшее досмотровое мастерство, и как прогрессию контрабандистского размаха.

Из 25 уголовных дел более половины связано с нелегальным перемещением товаров, в том числе и по подложным документам.

Особенно активно в таможенных фильтрах осаждаются наркотики. Только постом на Керченской паромной переправе за четыре месяца предотвращены пять попыток этой смертоносной контрабанды. В одном из случаев было задержано 1,3 килограмма опия.

ПУЩАТЬ? - НЕ ПУЩАТЬ! – АК БЫЛО СО ВРЕМЕН...

Еще в V веке до н.э. Геродот, описывая жизнь скифов, сообщал, что благодаря Херсонесу, являвшемуся посредником в экспорте зерна, которое поступало сюда из степной части Крыма, Греция получает баснословно дешевый и в большом количестве хлеб, поскольку торговля оным, как и другими товарами (соль, рыба), ведется безо всякой пошлины.

В VIII веке на полуостров проникают сначала русские купцы, которые селятся в Корсуне и Судак; затем является войско новгородского князя Бравлина, осуществившее поход от Херсонеса до Керчи, чтобы защитить интересы своих купцов, несправедливо притесняемых, как это было принято писать в учебниках истории, византийско-хазарскими феодалами.

Именно тогда под давлением славяно-русского оружия и возникли сначала в Сурожье (Судак), а затем и в Корчеве первые мытни, где проходившие великим путем из варяг и обратно караваны стали платить пошлину за провоз товаров; сборы, таким образом, были упорядочены и отстранялись от национально-политической окраски.

Особенно важной статьей доходов были таможенные сборы во времена Тмутараканского княжества, располагавшегося в устье Кубани, когда в его состав входили

(X-XII века) Керчь и некоторые другие города Крыма (в том числе и Сурож). Контроль государства в ту пору был таков, что арабские географы X-XII веков называли Черное море Русским, а Керченский пролив "устьем Русской реки".

Похоже, крупнейшим торгово-таможенным центром здесь являлся тогда Сурож (Сугдея, Солдайя), возникший еще в III веке, упоминаемый в "Слове о полку Игореве" рядом с Тмутараканью и Корсунем. В XIII веке по Руси широко известны были "сурожские гости" - купцы, торговавшие беспошлинно (как "свои") шелком, хлопчатобумажными и легкими шерстяными тканями, солью, рыбой, а также закупавшие традиционные русские товары.

С присоединением Крыма к России, с его "замирением" и в результате раздачи огромных земельных угодий, принадлежавших ранее султану, ханам, беям и мурзам, бежавшим в Турцию, здесь очень быстро формируется помещичье землевладение. В этих хозяйствах практикуется наемный труд, более прогрессивный, нежели крепостнический. И поскольку шерсть, вина, зерно пользовались огромным спросом на европейском рынке, полуостров стремительно развивается как особая экономическая зона и вскоре становится золотым дном империи.

Интенсивный процесс специализации обусловил усиленный товарообмен, повысил зависимость производителей от рынка. Из Крыма за границу в огромных объемах стали вывозиться фрукты, овощи, табак. В Константинополь интенсивно уходили соль, красная рыба, евпаторийский лук.

Все эти товары и становятся в первые годы после присоединения Крыма и бурного развития земледелия на плодородных землях предгорий (позже - и степей) предметом незаконного экспорта. Захиревшие, а то и уничтоженные в период турецко-татарского правления, таможенные традиции в Крыму заставила возрождать сама-жизнь.

"И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов?" - писал Михаил Лермонтов.

Откуда в русском человеке это сочувствие? У Лермонтова - окрашенное цветом вины. У Куприна (вспомним его листригонов) - романтизация рыбацкого мирка Балаклавы. И не только потому, что там этот человек находил грубое подобоострастие собутыльников, материал для своей поэзии. Наверняка он знал, даже был посвящен в то, что потомки херсонесских греков промышляли не только рыбой, но и контрабандой. А сколько романтического любования и сочувствия, вроде бы даже вопреки разуму, у Александра Грина, у Багрицкого, у Паустовского...

Быть может, потому в нас эта склонность к идеализации, что контрабанда испокон для нашего человека - дитя дефицита, что контрабандист всегда снабжал народ если не запретными, то наверняка недоступными плодами цивилизации?

И все-таки мы лукавим, выставляя на авансцену нашего театра рискованного и даже чем-то благородного контрабандиста.

Под стать ему у нас и мытарь.

Чаще всего в произведениях искусства это нечто в большей или меньшей мере смахивающее на великолепного Верещагина в луспекаевской трактовке, хотя в быту фраза "таможня берет добро" была не менее распространена, чем "таможня дает добро" киношного Абдуллы.

Почти каждый из нас хоть раз да столкнулся в житейском море с реальным стражем и вывоза пошлин, акцизов, и прочих сборов. Истинный этот таможенник зачастую столь резко отличается от симпатичного киногероя, которому "за державу обидно", что нам ничего не остается, как в очередной раз попенять на застойное время, когда были воспитаны таможенники, которые, аки псы лютые, потрошили бедного нашего туриста перед железным занавесом.

Правда, многие, наверное, хорошо помнят и то, как моряки торгового флота и прочие другие, ходившие в "загранку", привозили оттуда ковры и хрусталь, дубленки и плащи "болонья", видеоаппаратуру и прочее. Да в таких количествах, что товары эти

заполняли толкучки, барахолки и другие черные рынки. Конечно, же это была та самая настоящая контрабанда, которая просачивалась, а в канун перестройки буквально валом хлынула в отечество, за которое никому уже не было обидно.

Нет, то были еще не челноки. Но там, в недрах черного рынка, уже пузырились соки, уже занимались корни и нового корчемника, и нового мытаря.

Никогда не забуду чернокожего московского студента, снятого с поезда "Москва-Берлин" в Бресте только за то, что тот не задекларировал карманные доллары. Он плохо понимал русский язык скорее всего по двум причинам. Пьяный хам в униформе таможенника неправильно ставил ударения и столь обильно оснащал свою речь матерщиной, что позеленевший от страха и ничего не понимающий африканец лишь беспомощно размазывал слезы по щекам цвета ваксы...

А вот впечатление нового времени. В Казачьей Лопан и под Харьковом двое изящных молодых людей в погонах украинской мытницы после недолгого препирательства со своим ровесником - проводником фирменного поезда "Москва-Симферополь" - взяли 1,5 миллиона русскими рублями (до деноминации) за то, что тот - разумеется, без декларации - вез в Джанкой десятка два оверлоков.

Они разные - нынешние как таможенники, так и контрабандисты. И назвать этот круг мирным - язык, увы, не поворачивается.

Демократизация общества сказалась на морали. Дурно понятая свобода внесла в нравственный реестр независимой Украины в первую очередь пункт наркотической зависимости. И похоже, становясь самостийной, наше отечество приобретает все заморские проблемы, хотя крымские специалисты как с одной, так и с другой стороны закона единодушно утверждают, что потребление "тяжелых" наркотиков здесь еще мало, прежде всего потому, что у потенциальных клиентов для этого нет денег. Пользуются замороженными средствами и дешевой химией. "Тяжелые" дорогие наркотики идут в основном на транзит, и их хозяева уповают, что местные таможенные органы недостаточно состоятельны. Возможно, пока что нам до продвинутых стран далеко, однако навыки растут адекватно количественному и качественному опыту борьбы с таким пограничным явлением, как контрабанда одного из самых ядовитых плодов цивилизации. Уже сейчас достижений у наших борцов в этой весовой категории хоть отбавляй.

Вот один из недавних случаев. При досмотре легковой машины, следовавшей из Голландии в Россию транзитом через Крым (разумеется, не ближний свет, что не могло не вызвать подозрения!), сумели обнаружить довольно солидную партию наркотиков; до этого "голландцы" преодолели полдюжины границ - и прокололись только на полуострове.

Приведу и пример новаторского метода досмотра. По информации, поступившей из Одессы, работники Симферопольской региональной таможни задержали большую партию (более 165 тонн) томатной пасты, расфасованной в двухстах металлических бочках. Три отдела таможни и три собаки, задействованные в столь объемном досмотре, результатов не принесли, поскольку груз этот имел, если так можно выразиться, трехслойную защиту: собственно бочка и герметически закупоренный фольго-полиэтиленовый мешок. Пробиться сквозь такую броню, как оказалось, было не под силу даже утонченному обонянию кокер-спаниеля. Пришлось обратиться к умельцам на завод "Фотон", где очень быстро изготовили специальные приспособления: средства для разукупоривания фольго-полиэтиленового мешка, а также универсальный щуп, обеспечивающий сразу три параметра досмотра. С его помощью определялись наличие второго дна, присутствие инородного предмета в упаковке с пастой и взятие пробы для теста на содержание наркотических веществ в самом продукте.

Рассказывать подробности того, как была обнаружена та или иная контрабанда, не всегда разрешается. Поэтому я поведал об учебном моменте, то есть непримененном способе, своего рода домашнем задании. Возможно, когда-нибудь он пригодится на практике.

И ВЗЯТКА ВОШЛА В ИСТОРИЮ

Мать городов крымских-Феодосия, история которой начинается в середине VI века до н.э., была и первым таможенным постом на полуострове. Однажды к ее золотым пляжам пристали триеры из Милета, и, как это у них, колонизаторов, водится, без проволочек чужеземцы застолбили кусок побережья, где по-быстрому zaloжили факторию, которая вскоре из обычного торгового поселения превратилась в город-государство. Полис этот, не без причины, казался предприимчивым грекам, особенно купцам, даром богов. Потому они и называли его Феодосией.

В связи с этим в средиземноморском бассейне появилась еще одна река. Широкая, никогда не пересыхающая река крымского зерна.

Царь Левкон, правивший здесь в IV веке до н.э., дабы выказать свое богатство и привлечь купцов тогдашней ойкумены, отправил в метрополию 200 тысяч медимов (каждый равнялся 52 литрам) пшеницы и написал, что освобождает от пошлины всех, кто станет его постоянным партнером, то есть за товаром будет обращаться только к нему. Так выглядела в античные времена взятка и борьба за монополию рынка.

Позже Крым кормил римлян. В средневековой Кафе "паслась" Генуэзская республика. А начиная с XIII века тут воцаряются татары, а затем и турки.

Русский путешественник Василий Зуев, побывавший на полуострове в 1781-1782 годах, писал: "Хан сделал сей город своей резиденцией, перенес из Бахчисарая монетный двор... Здесь имеется таможенный дом, который отдается на откуп...".

Уже после присоединения Крыма к России писатель П. И. Сумароков (1799 год) о Феодосии сообщал следующее:

"... город пользуется преимуществом порто-франко, каковое право имели в нем в отдаленные века также афиняне. Цареградские и анатолийские купцы привозят сюда вина, изюм, финики, винные ягоды, корицу, гвоздику, хлопчатую бумагу и разные из оной ткани. Отсюда же берут пшеницу, сыромятные кожи, овечью шерсть, коровье масло и тому подобное".

Начиная с 1809 года Феодосия возрождается как один из главных торговых городов Крыма. И основной статьей, пополняющей ее казну, становятся таможенные доходы. В 1817 году принимается первый генеральный план развития города-порта, которым и определяется местоположение присутственных мест, гарнизонной казармы, карантинной службы и таможни. И по настоящее время двухэтажное здание последней, выстроенное в стиле классик по проекту архитектора Каравицына, остается в хорошем состоянии.

Из Манифеста Александра I от 24 июня 1811 года:

"... в Новороссийском крае учреждаются четыре таможенных округа, в том числе и Феодосийский, состоящий из таможен Феодосийской, Евпаторийской, Еникальской, Балаклавской, Керченской и Богазской...".

Из книги профессора И. М. Саркизова-Саркизини "Старая Феодосия":

"В порту тихо. На иностранных судах еще спят. У пароходов прогуливаются портовые таможенные стражники с португеей на боку, тихо переговариваются одиночные рыболовы, приютившиеся с удочкой на оконечности мола; к пристаням съезжаются экипажи, сходятся носильщики..."

То было новое утро Феодосии. И хотя книга описывает последнее десятилетие прошлого века, картина предстает более оптимистической, нежели та, которую мы наблюдаем здесь сегодня, то есть сто лет спустя.

Нынче город двадцати пяти веков, один из древнейших на нашей земле, в удручающем упадке. В домах нет газа. Зимой холодно. Регулярно отключается вода и электричество. Стоят заводы и фабрики. Безработица, заброшенность, захолустье. Мертвая тишина царит даже в некогда оживленном порту.

А это значит, что и таможенная жизнь едва теплится. То ли потому, что о Феодосии напрочь позабыли "честные контрабандисты", то ли не исполняют надлежащим образом своей службы мытные стражи.

Зато акватория Феодосийского залива все эти годы упадка вовсю эксплуатируется браконьерами. Как нашими, так и турецкими. В последнее время, особенно пока у пограничников были проблемы с горючим, иностранцы чуть ли не в открытую заходили в наши воды за кефалью, ставридой и катраном...

ТАМОЖЕННЫЙ ПОСТ "ЕВПАТОРИЙСКИЙ"

Если мать-Феодосия пребывает в состоянии исторической паузы, то одна из ее дочерей - Евпатория - от контрабандистов просто не знает отбоя. Сегодня для ее жителей слово "таможня" снова привычно, как то было здесь, скажем, уже в конце XVIII века.

Двадцать второго февраля 1784 года императрица-победительница Екатерина II издает указ "Об именовании Крымского полуострова Таврической областью, о дозволении производить торговлю всем народам по Черному морю при городах Таврической области".

Тогда и были созданы на полуострове таможни, в том числе и Козловская (Козлов - от татарского Гезлев, так в то время называлась Евпатория).

Первым начальником ее был назначенец императрицы Никита Александрович Арзуманов, двадцативосьмилетний дворянин армянской национальности, секунд-майор. А рекомендовал его сам граф П. А. Зубов, бывший тогда екатеринославским и таврическим генерал-губернатором.

Известно, что матушка подписала этот указ 12 марта 1793 года и Никита Александрович вступил в должность 22 ноября 1793 года.

Не забудут здесь и первого при независимой Украине начальника Евпаторийской таможни Вадима Дмитриевича Иванова, который прибыл сюда в качестве уполномоченного по Евпатории, Саки и району еще в 1992 году с должности старшего-инспектора Симферопольской таможни. Вскоре приказом Государственного таможенного комитета Украины от 17.11.92. создается таможенный пост "Евпаторийский", а исполняющим обязанности его начальника назначается В. Д. Иванов.

Сегодня эту таможню можно назвать самой молодой среди крымских, ибо только четыре года назад созданный тут пост получил статус юридического лица. За это время тридцатипятилетний ее руководитель успел немало. Его усилиями пост превратился в полнокровную структуру. Из приспособленного помещения коллектив перебрался в исконное историческое здание царской таможни, где сегодня созданы все условия для полноценной работы. За пять лет инспектор, если определяться соответственно общевоинской табели о рангах, вырос от капитана до генерала. Столь стремительной карьеры за здорово живешь не сделать. Какие же подвиги стоят за всем этим?

Вот лишь перечень некоторых.

1995 год. В октябре задержано 42 иконы (начало - середина XIX века), конфискована 21 000 долларов США, незаконно перемещаемых через границу.

1996 год. Пресечен вывоз изделий из серебра, представляющих историческую и культурную ценность, весом 3,3 килограмма на сумму 1434 доллара.

Остановлена контрабанда табачных изделий в количестве 41 тонны на 380 тысяч долларов.

1997 год. Вскрыт канал перевоза 20 икон (начало - середина XIX века).

Арестована партия золотых ювелирных изделий общим весом 7 килограммов 759 граммов.

Установлен факт контрабанды наркотических средств: ацетилованного опия - 2,378 килограмма и эфедрин - 1,455 килограмма.

За это и многое другое Вадиму Дмитриевичу Иванову присвоено персональное звание "государственный советник таможенной службы 3-го ранга". А вместе с ним и старшему инспектору по борьбе с контрабандой Д. Э. Лычеву - звание "инспектор таможенной службы 1-го ранга". А все другие сотрудники Евпаторийской таможни, так сказать, "за яичный вклад" были отмечены благодарностями и солидными премиями.

...Эта груда золота была потрясающим зрелищем даже для - самого некорыстного. Евпаторийские же таможенники, двое суток описывавшие багаж пассажира, прибывшего из Стамбула на теплоходе "Буковина", просто замаялись!

Так много добра привез незадачливый турок в Украину отнюдь не из гуманных побуждений. Контрабандист, удайся ему замысел, мог бы заработать на турецкой "ювелирке" не менее 130 тысяч долларов.

Цепи, серьги, перстни, кулоны, браслеты, броши и медальоны общим весом... 7,759 килограмма были упакованы в пластиковые коробочки, завернуты в махровые халаты, спортивные костюмы и прочие тряпки, коих на крымских базарах сегодня как мусора. На барахло это давно уже мало кто зарится, обольщаясь вопиющей дешевизной, ибо все знают: турецкое качество "вне конкуренции".

А вот золото-дело иное. Покупатель на него пока не перевелся. Массивные кольца пусть и с безвкусным дизайном, но своим красноватым отливом так напоминающие цвет сусального золота. Это импонирует быстро разбогатевшему на спекуляциях нетребовательному обывателю. Попутно не мешает заметить: коль она все еще тут есть - эта уныловатая "ювелирка", - значит, турецким поставщикам всетаки удастся нелегальный этот бизнес?

Правда, как видим, не всем. Сейчас добро буковинского пассажира покоится в глубинах надежных сейфов. Пока не как достояние Автономной республики, но как вещественное доказательство. Следствие продолжается. Потому мы до какого-то времени не можем назвать имя заморского коробейника. А другой его соотечественник уже получил приговор суда и вот за что.

Алмаз Шакир, уроженец городка Малатья, что находится в противоположной Троянской равнине части Турции, довольно еще молодой человек. Женатый, со средним образованием. Жил себе тихо-мирно в замечательном городе Стамбуле, имел хорошую работу: от фирмы "Рота" занимался реализацией текстиля.

Во всяком случае, такое впечатление он производил на своего ровесника, коммерсанта из Крыма Аркадия Алибабаева, который по делам своей фирмы частенько заходил в "Роту", где и сошелся с тихим клерком накоротке.

Дружба молодых людей стала, как то случается на темпераментном юге, бурно прогрессировать. Турок проникся к заморскому соседу таким доверием, что решился попросить о следующей услуге: доставить в Варшаву чемодан с образцами текстильных изделий. Разумеется, не бесплатно. Дружба дружбой, а денежки счет любят.

Тридцатого июля 1997 года с темно-синим чемоданом, набитым трикотажными футболками, ступил наш Аркадий на палубу комфортабельного пассажирского лайнера "Татария" и поплыл в Евпаторию.

Ночью штормило. Алибабаеву стало не по себе. Но не из страха, что "Татарию" может постигнуть судьба "Титаника". Сомнения обуревали простодушного лишь с виду крымского менеджера. С какой стати взбрело турку отправлять футболки с оказией? Вряд ли это дешевле, нежели почтой. Аркадий пересчитал гонорар. Вполне достаточная сумма, чтобы съездить в Польшу, вернуться и даже не с пустыми руками.

Анализируя происшедшее, сопоставляя все "за" и "против", Алибабаев принял решение вскрыть чемодан, чтобы убедиться, что новый друг использует его по специальному назначению. Без труда в чемоданчике Аркадий обнаружил тайник, а в нем пакет с порошком светло-коричневого цвета.

Первого августа по прибытии в Евпаторию Алибабаев сдал чемодан с двойным дном таможенникам.

Судебно-химическая экспертиза показала, что порошок в количестве 2,378 килограмма представляет собой ацетилированный опий, в состав которого входит героин. Как объяснили несостоявшемуся наркокурьеру в таможне, турок отправил польским товарищам недоочищенный героин, один грамм которого на черном рынке стоит до 200 долларов.

Когда таможня выходит на такие суммы, к борьбе с контрабандой подключается Служба безопасности.

Алмаз, как и подобает профессионалу, был терпелив. После довольно продолжительного ожидания вестей из Варшавы он позвонил своему человеку в Харьков Аксою Сауту - так зовут временно проживающего в Украине турка (кроме турецких, все имена изменены) - и хорошей своей знакомой Ларисе в Симферополь. Просил их разыскать Аркадия. Девушке он дал домашний телефон Алибабаева и наказал держать связь с Аксом.

Примерно в то же время сделали свой ход и оперативники, разработавшие план зачисления в Крым, возможно, постоянного поставщика наркотиков, дабы взять его с поличным, арестовать и судить. Хорошо проинструктированный Аркадий позвонил в Стамбул и огорченным голосом сообщил другу, что до сих пор не выполнил его поручения. Намекнул на то, что у него разладился бизнес, что ему сейчас не до Варшавы.

Алмаз выразил надежду, что черная полоса непременно сменится белой, что надо взять себя в руки и переломить порядок вещей. Дал телефон Ларисы и Саута с тем, чтобы Алибабев передал им пресловутый чемодан.

После этого Аркадий снова лег на дно. Порученцы Алмаза с ног сбились, оборвали телефон гостиницы "Москва", номер которого дал Алмазу Алибабаев в последнем с ним разговоре.

Теперь в орбиту поисков была запущена еще одна симферопольчанка - некая Зоя, которая и субсидировала поездку Саута в Симферополь.

Прибывший 1 октября в столицу Крыма харьковский резидент Алмаза без труда нашел Алибабаева в гостинице "Москва", но покинул ее без чемодана, поскольку тут же без лишней суеты был арестован. Напуганный курьер ничего скрывать не стал. Выложил все как есть и даже согласился "заболеть", чем и ускорил приезд в Крым самого шефа.

Узнав о том, что бедный Аксой попал в больницу, а чемодан помещен в камеру хранения, потерявший терпение Алмаз взял билет на теплоход.

Пятого октября Зоя сообщила по телефону Сауту, что Алмаз уже в пути и что она собирается его встретить. Однако 6-го в Евпаторию встречать теплоход "Омега" отправилась Лариса. Она же купила билет до Киева, извлекала чемодан из автоматической камеры хранения, помогала нести (увы, далеко не всегда турки - джентльмены по отношению к женщине). Словом, была при госте до тех пор, пока их не задержали на перроне эсбэушники.

На суде Алмаз Алибабаева "не узнал". "Впервые" он увидел здесь и Аксою Саута, что возмущенному посреднику еще больше развязало язык.

Алмаз Шакир утверждал, что его подставили. Однако предъявленные доказательства организации Шакиром транзитной поставки наркотиков в Польшу так и остались непровержимыми.

Двадцать седьмого февраля верховный суд Автономной Республики Крым приговорил гражданина Турции Алмаза Шакира к восьми годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

И все-таки ему повезло. В странах Юго-Восточной Азии за такие преступления приговаривают к смерти.

ПОЧЕМУ ЯЛТУ НЕ ЛЮБЯТ?

"Ялита - слово новогреческое и по одной из версий означает "берег", "материк". Древние мореплаватели не могли не заметить эту удобную бухту, роскошные, склоняющиеся к ней долины, по которым струятся речки с прозрачной водой. Имеются косвенные данные, что здесь была греческая крепость Поли-Хор (не отсюда ли транскрибировано название Поликуровского холма в центральной части города?).

На картах XIV века есть обозначение: Галита, Калита. Арабский ученый XII века Эридрис упоминает город Джалита.

Из послания генерал-губернатора графа М. С. Воронцова:

"... на Южном Берегу находится деревня Ялита, где при ханском правлении был порт с весьма удобными складами, пристанями... жители этой и окрестных деревень имеют баркасы, называемые "ялтовские лодки", на которых доставляют сюда товары из Одессы и других портов Черного и Азовского морей. Так как другого сообщения с остальными местами России, Турции и Кавказа нет".

Для исполнения карантинной и таможенной службы с 1821 года на летний период из Феодосии присыпались матросы. И набирались местные жители из деревень Ялта, Дереккой, Аутка, Фанфари, Магарач, Массандра.

Двенадцатого августа 1824 года при пограничной стражной команде открыта карантинная и таможенная заставы, которые контролировали побережье в сторону Балаклавы на 60 верст, а в сторону Феодосии - на 50, до деревни Туак.

Пятнадцатого января 1826 года Сенат издает указ, подписанный императором Николаем, "... об учреждении на Южном берегу Крымского полуострова в селении Ялта Таможенной заставы".

С июля 1826 года по июль 1829-го керченский купец 2-й гильдии Федор Медведь подрядился и построил на фундаменте турецкой мечети двухэтажное здание и еще одно восстановил рядом. В них и разместились карантинная и таможенная службы. На одном из них до 1917 года красовалась мраморная доска, на которой золотом было начертано:

"В сем доме 17 сентября 1837 года Его Императорское Величество Николай I провозгласил Ялту уездным городом, дав местечку Ялта статус города. По сему быть. *Николай I*".

До появления дороги (1832-1837 годы), соединившей Ялту с Симферополем, главный город Южного берега Крыма представлял собой весьма замкнутую территорию, а в зимние месяцы напоминал остров, к которому можно было подойти лишь морем. Однако и теперь это райское место, несмотря на ведущую к нему комфортабельную горно-троллейбусную трассу, время от времени по все тем же метеорологическим причинам захлопывается, как мышеловка. Уже в наши дни, когда, случалось, заваливало снегом Ангарский перевал, ялтинцы по нескольку дней оставались без почты с большой земли, а то и без свежего хлеба.

Контрабандисты не любят Ялту. Иное дело Евпатория! Туда и морем, и по "железке", и на автотранспорте можно добраться. Из открытой на все четыре стороны Евпатории и скрыться несравненно легче, нежели из столицы Южного берега Крыма. И все-таки находятся такие, кто по неопытности или недомыслию строят свои незаконные расчеты примерно по следующей схеме: нарушения таможенной границы здесь случаются редко, значит, бдительность у стражей-мытарей не очень уж и сильна.

Так ли рассуждал Игорь Кондратенков прежде, чем подняться по трапу теплохода "Академик Вернадский", отплывающего в Стамбул, неизвестно. Не знаем, что творилось у него в душе, когда в Ялтинском порту инспектор-дознаватель разъярялся подозреваемому в провозе героина, на что он имеет право.

Пятнадцатое февраля 1996 года. Шестнадцать часов.

Из протокола таможенного досмотра:

"При обыске (длвшемся с 21 часа 30 минут до 22 часов 35 минут) в двух сумках И. Н. Кондратенкова (1971 года рождения) было обнаружено сыпучее вещество светло-коричневого цвета (491,1 грамма). При исследовании методом тонкослойной хроматографии на пластинке "силуфол" были выявлены моноацетилморфин, диацетилморфин, что свидетельствует: порошок, находившийся в прозрачном полиэтиленовом пакете, заклеенном медицинским пластырем, - есть героин. Пакет с наркотиком был спрятан в мешочке, завернутом в кусок белой ветоши, обмотан шарфом, что затрудняло работу обученной собаки. Кроме того, было обнаружено 198 долларов, 5000 турецких лир, две золотые цепочки, перстень с прозрачным камнем. И весь набор документов: в том числе диплом об окончании Хабаровской (1991 год) школы техников ВМФ..."

Данный протокол подозреваемый, И. Н. Кондратенков подписывать отказался.

Из объяснительной подозреваемого: "В настоящее время я чувствую себя плохо. Тошнит, кружится голова. Свои биографические данные помню не все. Не могу сказать, как и откуда я попал в Стамбул, в какой каюте, на каком корабле прибыл сюда... Никаких вещей я не декларировал. Были при мне какие-либо деньги, утверждать затрудняюсь. Разве что около ста долларов США. Уверен, что никакой валюты я не вез. Золотых вещей - тоже. Проходил ли таможню, не помню..."

Медицинская комиссия, приглашенная для обследования задержанного, сделала вывод, что подозреваемый находится под воздействием сильного наркотика.

Следствие доказало вину И. Н. Кондратенкова. Житель Владивостока был привлечен к уголовной ответственности по статье 70 Уголовного кодекса Украины и осужден на 8 лет лишения свободы с отбыванием срока в пределах Украины.

Совершим небольшой осмотр Ялтинской таможни.

Одиннадцатое июня 1993 года. Борт теплохода "Муссон". Багаж гражданина Ливана Атайя Аль-Лакхута. При повторном досмотре деревянных ящиков, оформленных Днепропетровской таможней, обнаружены не показанные в документах, сокрытые в мебели предметы религиозного культа, в том числе 33 иконы, а также ковер ручной работы.

Согласно заключению экспертизы, названные предметы имеют музейное значение и могут использоваться в экспозициях.

Семнадцатое февраля 1998 года. На борту того же теплохода "Муссон" в каюте N 69 был проведен досмотр личных вещей старшего помощника капитана и обнаружена не задекларированная в установленном порядке икона.

Согласно заключению Государственного дворцово-паркового музея-заповедника (город Алушка), образ святого Николая Чудотворца - икона конца XVIII - начала XIX века - имеет культово-историческое значение.

Надо полагать, второе лицо на корабле не может не знать, что такое таможенная декларация. Вряд ли старпом позабыл и о правилах перемещения ценностей за границу...

Святой Чудотворец к тому же покровительствует мореплавателям. Вот и получается: что бы там ни решил суд земной относительно этого горе-старпома, выходить ему в море вряд ли безопасно. Тот, кто предал святое, беззащитен.

Девятое ноября 1993 года. Досмотровый зал таможни. В дорожной сумке гражданина Кыргызстана У. Расулова обнаружены незадекларированные и сокрытые от контроля (способом, затрудняющим обнаружение) нагрудные знаки и медали в количестве 1083 штук. Указанные предметы представляют собой драгоценные металлы: серебро - 20 килограммов 370,8 грамма, золото - 230 граммов.

Первое февраля 1994 года. Досмотровый зал таможни. В багаже гражданина Кыргызстана А. Аскарова обнаружен бумажный пакет с орехами, где найдены ордена в количестве 51 штуки, что составляет 989,5 грамма драгоценного металла-серебра.

И прочая, и прочая...

МИМОХОДОМ - В СЕВАСТОПОЛЬ, А ЗАТЕМ - В СИМФЕРОПОЛЬ

30.11.97. Севастопольский рыбный порт. Борт теплохода "Эрнани" (порт приписки - Сочи, Россия).

Груз: капролактам - сырье для химической промышленности.

Основание для подозрения:

1) Маршрут груза, принадлежащего казахской фирме "Синко": Колумбия-Болгария-Украина-Бельгия (кругаль или, как говорят в Крыму, - "через Саки на Майнаки").

2) Факт общеизвестный: транспортировка из Южной Америки в Центральную Европу капролактама, который используется как основа для производства пластиковых бутылок, нерентабельна, более того, убыточна.

Первый шаг.

Для тщательного контроля за разгрузкой 1400 герметически запаянных мешков по 25 килограммов каждый привлечены все имеющиеся в распоряжении Севастопольской таможни средства.

Второй шаг.

Принимая во внимание то обстоятельство, откуда идет подозрительный транзитный груз (у Колумбии репутация страны высокой степени риска контрабанды наркотиков), 05.11.97 года принято решение о задержании груза по формальному поводу (у сопровождающего не оказалось оригинала доверенности).

06.11.97. При досмотре груза, размещенного на таможенном лицензионном складе, у одного из поддонов с мешками сработала собака. Этот факт окончательно убедил стражу, что их подозрения не безосновательны.

Таможенники поставили сопровождающего в известность о своих дальнейших намерениях. Без объяснения причин доверенное лицо отказалось участвовать в проведении таможенного досмотра груза.

07.11.97. Представитель хозяина груза предъявил факс, пришедший из Колумбии, в котором службе предлагалось не нарушать герметичность упаковки из-за того, что возможна в таком случае утрата первоначальных качеств капролактама.

09.11.97. При досмотре части груза было обнаружено четыре мешка (они имели специфические опознавательные ярлычки и весили на 4 килограмма меньше других), вещество из которых дало положительную реакцию на кокаин.

11.11.97. С помощью экспресс-анализаторов "Политест-2" были обнаружены еще несколько мешков с наркотиком. Это затем нашло подтверждение как в местной таможенной лаборатории, так и при экспертизе в Симферополе.

Сплошной досмотр выявил 27 мешков с аналогичным содержимым общим весом 624,4 килограмма. Специалисты подсчитали, что по ценам черного рынка стоимость партии наркотика составляет около полумиллиона долларов.

Севастопольской таможней возбуждено уголовное дело, принятое к производству управлением Службы безопасности Украины. В настоящее время ведутся оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия по установлению причастных к этой контрабанде лиц.

Прибавилось работы и Интерполу. Уже прогремело несколько выстрелов в Болгарии и в Кустанае (Казахстан). Колумбийская мафия подобные проколы партнерам не прощает.

28 июля 1997 года. 8 часов 30 минут. Государственный международный аэропорт "Симферополь".

При таможенном оформлении пассажиров, следующих рейсом N 5355, выяснилось, что гражданин Украины В. П. Цыганков пытался переместить через границу 3 тысячи 600 долларов США. Купюры были спрятаны за зеркалом в футляре электробритвы "Эра-10" и под переплетом еженедельника.

Из объяснительной подозреваемого:

"... не указал в таможенной декларации о наличии у меня валюты... потому что не успел получить справку в банке на вывоз принадлежащих мне денег".

Из протокола опроса:

"Я их положила футляр... за зеркало, а что не поместилось, за переплет еженедельника, когда узнал, что мне необходимо вылететь в Стамбул в субботу".

Из отчета начальника Крымской региональной таможни государственного советника таможенной службы А. О. Тютюнника:

"Сотрудниками оперативных отделов Крымской региональной и подчиненных таможен в течение 1997 года выявлено 1902 нарушения и 43 случая контрабанды. Общая сумма задержанной валюты составляет 593543,66 гривен, золотых изделий весом 1941,5 грамма, серебряных - весом 6385,33 грамма. Задержано 1133,37 грамма марихуаны. Сумма штрафов - 76859,3 гривны. Из них взыскано 52923,34 гривны.

В преобладающем большинстве предметом контрабанды являются товары народного потребления, иностранная валюта, драгоценные металлы, наркотики.

В 1996 году - преимущественно была валюта.

Особенностью правонарушений по таможенному ведомству является то, что из 43 случаев контрабанды 21 был совершен с использованием поддельных документов.

Чтобы не допустить оформления и направления грузов в адреса лжефирм, организационно-оперативным отделом разработана программа "Несуществующие фирмы", которая содержит сведения об организациях, отсутствующих по указанным в товаросопроводительных и иных документах адресам.

Наблюдалось резкое снижение активности так называемых "шоп-туристов", вылетающих чартерными рейсами в Турцию, ОАЭ, Египет, на Кипр. Основная их часть в результате ужесточения таможенного режима в порту "Симферополь" стала ввозить товары через другие аэропорты Украины (Днепропетровск, Запорожье), а морским путем - через Скадовск (Херсонская область).

В развитии правонарушений в области таможенного законодательства наблюдаются следующие наиболее вероятные тенденции:

все чаще в таможенные органы будут представляться поддельные документы и ложные сведения (несуществующие фирмы, контракты и т.п.);

увеличится число нарушений обязательств о транзите. Это относится не только к подакцизным товарам;

вследствие усовершенствования досмотровой работы в аэропорту "Симферополь", морпортах Евпатории, Ялты туристические фирмы станут манипулировать пунктами пропуска, выбирая для доставки пассажиров и грузов близлежащие к Крыму города.

И в самом деле, кому еще из контрабандистов захочется так проколоться?!

ГРАБЯТ... ПРОШЛОЕ

Пантикапей, Неаполь скифский, Мангуп-Кале, Херсонес... Звучание этих слов вызывает прежде всего археологические ассоциации.

Объектов древности, вместе со средневековыми руинами и архитектурными сооружениями более позднего времени, в Крыму более 10 тысяч. Среди них более 3 тысяч официально считаются памятниками истории, а свыше 5 тысяч - археологии.

То, что на 70 с лишним лет археологическое поле СССР, монополия "советской науки", было закрыто для иностранных исследователей, не всегда являлось благом - разработки и исследования зачастую шли односторонне, тенденциозно, порой выпадали из руслу мировой науки. Но несомненно, сохранность в те годы была выше. Сейчас же археологические объекты Северного Причерноморья открыты для всех - и ладно бы только для заморских ученых "варягов", их деятельность предсказуема и, очевидно, полезна для всех настоящих, а не процветающих только в условиях монополии ученых. Но

к сожалению, в охоту за ценностями включились далеко не ученые, для которых слово "ценности" имеет узкопрактический смысл.

Гробокопатели, грабители археологических ценностей водились в Крыму с тех самых незапамятных времен, когда появились сами эти ценности, когда сложились обычаи богатых захоронений и храмов, когда ценности начали припрятывать, создавая клады. В более поздние времена здесь весьма преуспели турки, разоряя склепы и могилы. Потом - российские "старатели".

В прошлом веке охотников за скифским золотом называли "счастливчиками" - слово это, видимо, передает тогдашние уמוнастроения. "Счастливчики" здесь промышляли целыми артелями. Самым популярным для копателей в то время был район Керчи, где на каждом километре окрестностей встречаются если не руины босфорских крепостей, то скифские курганы.

Нынче особенно интенсивно грабят (а значит, с точки зрения науки, да и культуры вообще) гребят позднеантичные и средневековые могильники и городища в Бахчисарайском и Ленинском районах. Ищут золото. Часть гробокопателей настолько невежественна, что бесценные изделия переплавляют в безликие слитки, то есть утрачивается даже теоретическая возможность воспринимать древнюю красоту.

Копают и скифские курганы, хотя это достаточно опасно. Так, недавно "форточника", пробиравшегося в сокровищницу десятиметрового кургана, завалило - спасли его почти только случайно. Вытащенный из глубины земной парень, едва придя в себя, улизнул, не оставив спасителям ни "спасибо", ни своего имени.

Условия для работы гробокопателям созданы благоприятные: денег на охрану нет, наводки дают (невольно) ученые, публикующие описания перспективных мест и даже подступов к сокрытым под современными ландшафтами древностям, и чиновники (вольно, но за мзду), которые издают распоряжения, в которых подробно перечисляются объекты, имеющие особую ценность и нуждающиеся в охране, но которые так никем и не охраняются. Есть и рынок сбыта, и механика вывоза. Так что за сезон и не чрезмерно удачливый гробокопатель, если ему не мешать, может обчистить до сотни склепов и заработать пару десятков тысяч долларов.

Один из крупнейших музеев России порадовал сообщением, что его фонды пополнились новыми находками из Северного Причерноморья. Побывавшие там симферопольские археологи подтвердили, что сокровища действительно из Крыма. Определили даже их точный археологический адрес.

Если бы "антики" вывозились только в Россию и только в музеи! Специалисты, бывающие на Западе, все чаще встречают крымские находки на аукционах, выставках, в антикварных лавках. Наши древности там пользуются большим спросом и называются "сокровища варваров". Популярно все - и античные произведения искусства, и самые обычные ремесленные изделия, так сказать античный ширпотреб, простая керамика и бижутерия, изделия скифских, сарматских, готских, аланских ремесленников. Особенно ценятся сейчас в Европе золотые, так называемые "рыбоголовые" пряжки. В последнее время разграблению подвергаются даже неолитические стоянки – выполняется заказ состоятельного коллекционера на кремневые орудия.

В центре Севастополя есть рынок, называемый "Горка". Там в любое время можно купить приличные "антики", включая настоящее скифское золото. Однако сюда поступает лишь небольшая часть "накопанного" в Крыму. Большинство прибирает к рукам некий мощный картель, обретающийся за пределами Крыма.

Крымский Комитет по охране и использованию памятников истории и культуры насчитывает два десятка человек. Смешно предполагать, что этот штат способен защитить "сокровища варваров" от варваров современных. Всем, кроме народных избранников и их правительства, ясно, что, если не будет создана единая служба, хотя бы подобная небезукоризненной, но все же действующей инспекции по борьбе с морским браконьерством, все археологические горизонты, все культурные слои через несколько

лет окажутся опустошены, и уникальный Крым в части исторического наследия сравняется с какой-нибудь новостройкой на вечной мерзлоте.

А пока осквернители праха стараются. Бесчинствуют не только на археологических объектах, но и на кладбищах нового и новейшего времени. В воинских могилах добывают награды, значки, шевроны. В гражданских - украшения. И золото, золото, золото...

Еще полтора десятилетия тому назад Крым прогремел - гробокопатели добрались до мест захоронения жертв массовых расстрелов под Симферополем, на 11-м километре Феодосийского шоссе. Подобные места если находят, то грабят и сейчас, только шума всесоюзного больше нет. Зато появилось нечто уж совсем небывалое: попытки согнать научные экспедиции с мест, облюбованных грабителями.

Post scriptum 1

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ РУКОПИСИ

Идеальная модель власти - это отсутствие всякой власти, это однозначное, полное, безоговорочное принятие каждым членом общества регулятивных правил и норм поведения. Так сказать, идеальное гражданское общество идеальных граждан. Настолько идеальное, а не реальное, что даже отпетые идеалисты вроде Кампанеллы или коммунистов допускали, что "кто-то кое-где у нас порой" окажется не столь идеальным, и нужны механизмы защиты от, пользуясь приснопамятной терминологией, антиобщественных проявлений.

В более реальных условиях, на сегодняшний день, лучшей формой общественного устройства является демократия. Правда, лично автор вполне разделяет рузвельтовскую мысль, что на самом деле демократия не лучшее, а худшее общественное устройство, но все остальные известные на сегодняшний день - еще хуже.

Под этой самой демократией мы понимаем непререкаемую и всеобщую власть закона, что вполне предполагает силовые структуры, обеспечивающие эту власть.

Но это не единственная система власти и общественного устройства. Есть еще иерократия (с хорошо памятной нам, взрослые сограждане, разновидностью, именуемой идеократией), и есть авторитаризм, власть силы, во множестве исторических форм и проявлений.

Власть силы - это самое первоначальное, глубинное, восходящее к самой животной еще сущности человека; и не будет, наверное, натяжкой сказать, что все ранние модели общественного устройства, от первобытной стаи и разбойничьей ватаги до самых утонченных аристократических и монархических систем, представляют только ее естественное развитие.

Не требует доказательства утверждение, что все люди не одинаковы. И конечно же сильный подчиняет слабого (речь не только о динамометрических мерках, то есть надо учитывать и умственные, и психоволевые параметры).

У стаи всегда выделяются вожаки. Это естественно, это закономерно, и вполне может сложиться ситуация, когда власть силы распространится на большую группу людей, род, племя.

Что произойдет, если такой род станет главенствующим? Да ничего особенного, в истории мы видим тому тьму примеров, и называется это обычно сменой династии. А все и всякие монархические тонкости, иерархии, правила престолонаследия служат, в сущности, для противостояния той самой закономерности, которая породила всякую монархию, всякое проявление власти силы: непрерывное, неизбежное, закономерное появление все новых и новых *сильных*.

Поэтому всякая авторитарная власть сама по себе Туликова, она может искусственными (и отработанными за тысячелетия) средствами продлить свое существование, но вечной быть она не может, пока не станет принципиально иной.

(Демократия, кстати, в этом отношении не Туликова, поскольку сильнее-лучшие имеют возможности для роста в правильно организованном обществе.)

Но власть силы, авторитарная власть, авторитарный способ жизни не отменен историческим развитием даже в тех странах, где авторитаризм как государственное устройство отменен.

Банда, особенно такая brutally-криминальная, как, например, создал Бабак, представляет собой самую чистую модель авторитарной власти. Но изначальная порочность, прежде всего внутренняя неустойчивость такой модели, стала ясно давным давно, и на протяжении тысячелетий старательно отыскивались и отрабатывались различные ухищрения, предназначенные сделать эту модель если не вечной, то долговечной. Аристократия, династические правила, привлечение авторитета Церкви, создание законов и традиций (в том числе, например, "правил", "понятий", по которым живут воры в законе), кастовая система, клановость, в известной мере национализм и шовинизм - все это "подпорки", вспомогательные средства для увеличения устойчивости, ослабления изначальных внутренних пороков этой модели.

Окончательно же преодолеть их нельзя - тогда авторитаризм попросту должен стать другим, скажем демократией.

Но и окончательно избавиться от такого общественного устройства, от власти силы, от патриархально-авторитарной модели, тоже нельзя, по крайней мере, до тех пор, пока не утвердятся в сознании каждого члена общества законы и нормы идеального общественного устройства.

Тем более не может исчезнуть авторитаризм в реальных, развивающихся обществах, где не идеально ни законодательство, ни его исполнение, где существует немалый слой людей, для которых официальная правоохранительная система не защита и не опора.

Обычно приводятся примеры итало-американской мафии, "Коза ностры". Да, это классическая, "чистая" авторитарная система, чрезвычайно жесткая пирамида власти, основанная на силе и скрепленная традициями и страхом, опирающаяся на немалый общественный слой людей (в Америке - на итальянцев, особенно сицилийцев-эмигрантов), которые пока еще не могут получить надежное прикрытие от легальной административно-полицейской системы. Как принято говорить, "бандиты - это "полиция" для тех, кто не может обратиться в полицию".

По сути, на переломе восьмидесятых и в девяностых годах и у нас сложилось положение, когда появился и расширился слой людей, которые не получали необходимой защиты и поддержки от государства, более того, до сих пор находят в нем только препятствие для занятий нормальным делом и нормальной жизни - и речь, как вы понимаете, совсем не идет о преступном бизнесе. Самым что ни есть нормальным делом пока что практически невозможно заниматься из-за несовершенства законодательства и параноидальной налоговой системы.

И в этих условиях, учитывая еще слом общественно-экономической формации и связанную с этим духовную перестройку каждого человека (не все этого хотят, но со всеми это происходит, в большей или меньшей мере, за исключением, конечно, больных и профессиональных фанатиков), неизбежно появлялись и "чистые" банды, и бандитские группировки, представляющие "крыши". Они все разные, но по логике - наиболее устойчивые из них, сочетающие чисто криминальные, экономически-теневые и легальные методы работы, не могли не появиться, не вырасти до объединений, империй - и столь же закономерно не могли в конечном итоге не лезть в политику.

Мы ни в коей мере не считаем власть бандитскую добром - мы только говорим о ее закономерности и временной неизбежности.

И то, что формы ее изменяются, как вы без труда заметите, хотя бы прочтя эту книгу, говорит о том, что изменяется и само наше общество, и постепенно, быть может даже за жизнь одного поколения, период перелома и первоначального накопления капитала перейдет в несколько более приятный и стабильный.

Понимание закономерности появления и становления группировок, основанных на авторитарном принципе, ничуть не означает, что это есть какое-то благо. Преступные группировки не нужны обществу, если в нем нет теневой экономики, теневого права, теневой деятельности...

Post scriptum 2

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ - ЖИЗНЬ

Недавно, когда я еще работал над книгой, ко мне приехал товарищ, который не был в этих местах очень долго, и мне пришлось несколько дней поехать с ним по Крыму и еще раз осмотреться и подумать, что здесь произошло за последнее время.

Погоды стояли самые замечательные, чем ближе к морю, тем чаще попадались свежезагорелые курортники, с небывалой активностью проходил ремонт и подготовка к сезону, а рынки уже настолько переполнились изобилием даров природы, что выплеснулись на прилегающие улицы и трассы.

Мы прошли и проехали практически по всем памятным по прошлому десятилетию местам - от Щелкина до Севастополя и Ялты.

Нет, конечно, никакого рая земного. Средний крымчанин пока столь же нищ, как житель любой другой области и порой выживает только потому, что климат у нас мягче и от земли и от морей подкормиться можно. И все же мир вокруг больше тяготел к невидимому, невысказанному, но понятному большинству цивилизованному обличью и сути.

И проявлялось это не во внешней атрибутике, а в каком-то подспудном движении, в отношениях людей, в каких-то поступках.

В Щепкине много еще было неблагополучия, но уже исчезло ощущение мертвечины, патологической разрухи, как бы невольно провоцирующей рождение бешеных волчьих стай.

...Но процент самоубийств в поселке был самым высоким в Крыму...

В татарской шашлычной под Белогорском мы с моим спутником наелись экзотической вкуснятины до отвала, так, что попросту задремали за столиками. А крепкие черноголовые парни, пересмеиваясь и сверкая улыбками, бдительно стерегли наши раскрытые сумки и незапертую машину.

...Но под частным пунктом автосервиса обнаружили целое кладбище - там, глубоко в земле под смотровой ямой, истлевали тела нескольких несчастных автовладельцев, чьи машины приглянулись "авторемонтнику" и его подручным.

В трех десятках магазинов, в которых нам пришлось побывать, продавцы и менеджеры были именно так предупредительны и компетентны, что нам становилось просто неудобно, если покупка не совершалась.

...Но практически все без исключения цены в них были выше, чем где бы то ни было в Крыму (а у нас, не считая столицы, самый дорогой регион в стране), и как раз в дни нашего пребывания все магазины, входящие в систему "Гелена" и "Афганмаркет", проводили четко согласованную игру на очередное повышение цен на сахар, хлеб и "колониальные товары".

Во всех кафе и ресторанах мы сидели, ели и пили, ни разу не поостерегшись ни услуги, ни соседей за столиком, ни качества продуктов и напитков. А выбирая точки, я вспоминал и рассказывал, кто и когда их "пас", где и кого здесь "завалили". Товарищ мой, парень бывалый, сказал, что такой вкусной отбивной, как в "Учан-Су", бывшем логове братьев Бестаевых, он давно не пробовал.

...Но четырнадцатилетняя девчонка, рассердившись на свою девятилетнюю подружку, истыкала маленькую ножом - полдюжины только смертельных ран...

Много раз нам приходилось звонить по городскому, междугородному и международному телефонам - и ни разу у нас не было проблем со связью, патронируемой не раз упомянутыми в этой книге кланами.

...Но лидер коммунистов, новый спикер нашего парламента, предупредил счастливых сограждан (ознакомившись, надо полагать, за непродолжительное время после выборов с реальным состоянием дел и расстановкой сил), что красное большинство в крымской Верховной Раде и красное правительство, возможно, к осени станут жертвой криминальной контрреволюции. Интересно, как? Поменяют окрас?

Побывали мы на рынке, контролируемом объединением "Русь". Там всего несколько месяцев назад, весной, провели большую милицейскую операцию, арестовав целую бригаду рэкетиоров (как часто это уже происходит, основанием для раскрутки и арестов стали заявления торговцев, обложенных данью). Более чистого, организованного и безопасного рынка мы еще не видели: ни одного бомжа, ни одного карманника и никаких попыток "кинуть" со стороны продавцов; и с каждой точки просматривались двухметровые охранники, одетые в некий гибрид камуфлы и милицейской формы и действительно присматривающие за порядком.

...Но расстреляли молодого бизнесмена, его жену и двух дочерей-малолеток, пытаясь отнять первый доход фирмы; доход еще не случился, деньги еще не поступили, а людей не воскресишь.

В самом центре города у нас произошли неполадки в машине, и мы кое-как на первой передаче доскрипели до мини-мастерской неподалеку от борцовского спортзала, который не так давно называли не иначе как "школой юного рэкетира" (теперь не называют).

Трое крепких, слегка за тридцать, парней за час отремонтировали машину, достав (за гроши) какойто супердефицитный плунжер, что ли, а мы в соседнем кафе уплетали просто очень хорошие пельмени от фирмы "Ай-Петри".

...Но президент ввел в действие (задним числом) указ, превращающий и без того грабительский закон о налогообложении в нечто просто недопустимое, что может в два-три месяца угробить все легальное производство в стране. И знакомый бизнесмен, который пережил и рэкет, и налоговую полицию, и обесценивание оборотных средств, и даже разорительную подставку компаньоном, впервые прекратил все операции по банковскому счету и начал переговоры о работе за наличку без документов.

Часть пути мы проехали по трассе, старательно выглаженной громадными, монстроподобными немецкими асфальтоукладочными машинами, обгоняя расписанные свежей рекламой троллейбусы.

Трасса, красивая в любое время года, в эту пору была просто захватывающе прекрасна; многочисленные посты ГАИ (парни в бронежилетах и при автоматах) нас останавливали, но вели себя вполне корректно: проверили документы, принялись, чем пахнет в салоне, и - счастливого пути.

...Но повесился молодой водитель троллейбуса, истерзанный нищетой и отчаянием; семья, которую он не смог прокормить, еще живет.

Может быть, потому, что темнело очень поздно (сезон такой), но в десять вечера мы спокойно прошли по набережной через парк в больницу, куда попал из-за автомобильной аварии наш старый приятель.

Три года он работал в группировке, патронировал несколько ларьков, обеспечивал доставку в них поддельной водки. Участвовал в разборках, доставалось ему и от конкурентов, и от милиции. Потом бригадира убили, один из его напарников сел, и приятель - назовем его С. - завязал. Неплохой водитель (авария - не по его вине), он стал развозить товар в приличной легальной фирме. Заработка хватает на него и на маленькую семью.

- Знаете, ребята, - сказал он нам, когда мы заговорили о житье-бытье, - страшно не хочу нарушать, но... Пусто как-то стало. Что ж, только жрать да телик смотреть? А раньше...

Многое, очень многое изменилось за эти годы в Крыму. Ни один оптимист не скажет, что на полуострове воцарились законность и порядок, но распределение и сил, и направленности усилий правоохранительных органов переменились. Продолжают меняться и сами органы, тот же многократно нами цитированный генерал Г.Москаль упомянул, что за последнее время не по своей воле сняли погоны более семисот человек, "не отвечающих современным требованиям".

Крупные криминальные кланы влились в основном в экономическую систему, в жизнь общества, стали вровень с кланами старыми, восходящими к партийной элите, и сформированными в последующие годы национальными и политическими группировками. И в их интересах уже не погоня за доходами любыми средствами и не физическое устранение конкурентов, а повышение прибыльности своей собственности, развитие по нормальному рыночному пути, - хотя незаконные тенденции в их деятельности будут проявляться еще долго, может быть, и не одно поколение.

Но непременно наступит время, когда девяностые годы назовут периодом первоначального накопления капитала, а наследники вожаков криминальных объединений и империй станут настоящей элитой, предпринимателями, меценатами, учеными, возможно, и звездами творчества (гены отцов, энергичных и бесстрашных, не пропадут вотще). Сами же наследники, пожалуй, и позабудут, сколько изломано судеб и сколько отнято жизней в этот самый период...

А против обычной уголовщины будет вестись борьба давно известными средствами и методами, борьба уже сейчас намного более успешная, чем пять лет назад, - и на долгие годы установится некоторое динамическое равновесие: воры воруют, сыщики ловят, суды сажают - ну все как обычно.

Иногда с большим, иногда с меньшим успехом, но никогда - с полным...